Александр Ступников

ОТРАЖЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга интервью, художественных и документальных очерков израильского журналиста.

- Александр Ступников
  - Исер Харель: «В Моссаде не было предателей»
  - Донатас Банионис: «Мы ждали, когда высадятся американцы…»
  - Судьба советского разведчика
  - В мире идиотов
  - Еврейский солдат вермахта
  - «Если все это правда, то через десять лет не будет Советского Союза»
  - Мститель
  - Одинокий адмирал
  - Почему русские евреи поехали в израиль?
  - Ариэль Шарон: «Я здесь везде у себя дома»
  - Вахтанг Кикабидзе: «Я знаю, что все будет хорошо, но…»
  - «Из всех стран Восточной Европы только в Беларуси немцы не смогли поднять местное население на еврейские погромы»
  - Эрнст Неизвестный: «Любой художник, если он не проститутка, свободен изначально»
  - Амос Оз: «Есть вегетарианцы, которые готовы съесть живьем любого человека, который ест мясо»
  - Обед с миллионером (Германия)
  - Швейцарский транзит (Швейцария)
  - О, Канада
  - Паспорт с презервативом (Польша)
  - Гегемон (Россия)
  - Два Марка (Франция)
  - Фалаша (Эфиопия)
  - Крокодил (Россия)
  - Жизнь как чудо (Беларусь)
  - На израильско-китайской границе тишина…
  - Белогвардейцы Болгарии
  - Партизанская честь
  - За что я уважаю Америку (США)
  - «Куба — си», но… (Куба)
  - Учите китайский (Китай)
  - Горская Куба (Азербайджан)

    - Перевернутые небоскребы Кунлуна (Гонконг)
    - Русские иудеи пустыни
    - «Переживём и украинцев» (русины)
    - Загадочные друзы (Ближний Восток)
    - Русские староверы (Болгария)
    - Петра (Иордания)
    - Нужен ли человеку начальник и что делать, если ничего поделать нельзя…
    - Страна омовения (Корея)
    - Пути господни
    - Черные
    - Дорога на Танжир
- notes
    - 1
    - 2

Александр Ступников
Отражения

МИХАИЛУ ГАВУНАСУ (ПСКОВ)

Вы можете со мной спорить,
но я все равно с вами соглашусь.

Исер Харель: «В Моссаде не было предателей»

Это одно из его очень немногих личных интервью и единственное — российскому журналисту в телевизионном варианте. Исер Харель — человек, выстроивший легендарную разведку «Моссад» и руководивший ею почти изначально более десяти лет.

Формально первым шефом Моссада был Реувен Шилоах, но у молодого, находящего в состоянии «горячей» и «холодной» войны государства еще не было ни опыта, ни средств, ни возможностей всерьез заниматься внешней разведкой. К тому же, ее первый шеф-чиновник болел и не отличался большой инициативностью. Харель же после образования Израиля стал первым руководителем службы внутренней и внешней контрразведки страны (теперь — ШАБАК). Поэтому нередко именно Хареля, ставшего через несколько лет щефом Моссада, в сентябре 1952-го и считают создателем этой спецслужбы. В сущности, так оно и было.

Вплоть до 1963 года Харель одновременно был и руководителем всех спецслужб Израиля.

Но настоящая фамилия Хареля — Гальперин и он родился не Исером, а Изей. В Израиле репатрианты нередко брали и берут новые — «ивритские» имена. Словно начинают новую жизнь. Изя Гальперин свою «первую» жизнь провел в Витебске и Двинске (Даугавпилс, Латвия). По отцовской линии он был из семьи верующих. Отец закончил знаменитую ешиву в белорусском городке Воложин. По линии матери — из мира бизнеса в Двинске.

Маленький ростом, ушастый и щуплый, еще в уличных драках он часто побеждал. А на вопрос «почему?» ответил мне коротко и характерно: «Если я видел, что противник намного сильнее, то не раздумывая брал в руки то, что подвернется — палку или камень».

И вообще, пусть Харель, проживший 91 год и ушедший в феврале 2003, сам говорит за себя. Тем более, что публично, с журналистами, да еще в своем небольшом типовом особнячке на окраине Тель-Авива он делал это крайне редко. Но лично вышел к калитке, в цветнике, чтобы встретить и проводить гостя в дом.

Харель: Вы можете задавать мне вопросы по- русски. Я понимаю…

Моя семья переехала в Палестину из Витебска, из Беларуси. Что касается меня лично, то я был настроен и хотел, как многие первые репатрианты, работать на земле и получить соответствующее образование. Но во времена британского мандата организация еврейской самообороны направила меня на побережье — встречать нелегальных эмигрантов, которых «по цепочке», из рук в руки, принимали и помогали обустраивать в Палестине. И вот тогда у меня произошла памятная стычка со старшим британским офицером, который позволил себе антисемитскую реплику. И я избил его. Это был, кстати, единственный случай в Палестине, когда на британского офицера кто-то прилюдно посмел поднять руку. Мне грозил суд и наказание. И товарищи тогда перевели меня на нелегальное положение. Так изменилась моя судьба, а я начал заниматься вопросами безопасности нашей организации.

Сначала я отвечал за район Тель-Авива, а после образования Израиля мне поручили организовать систему контрразведки. С 1952 года, став во главе Моссада, одновременно руководил всеми секретными службами страны. В серьезных операциях, чтобы координировать работу и нести ответственность, я предпочитал участвовать лично. Непосредственно при проведении операция. Я никогда не оставался в офисе в это время. Для меня было принципиально важно оказаться на месте действия. Например, при похищении из Аргентины и переправки в Израиль нацистского военного преступника Эйхмана. Вы знаете, что этот человек ответственен за непосредственную разработку и проведение «окончательного решения» судьбы еврейского вопроса в Третьем Рейхе во время Второй мировой войны. Я находился со своими людьми нелегально в Аргентине, пока мы наконец не захватили Эйхмана и не вывезли его в Израиль для суда.

Ступников: Вы не доверяли своим людям, что так рисковали?

Х.: В этой, довольно сложной операции я должен был контролировать все. Тем более, в оперативной обстановке. Конечно, мы могли просто убить Эйхмана и, таким образом покарать его за шесть миллионов погибших евреев. Но для нас было принципиально важным публично судить этого человека, показать всему миру, что убийца евреев, поскольку уже есть государство Израиль, не избежит наказания.

С.: Но, когда вы выкрали Эйхмана, то тем самым нарушили международные законы?

Х.: Мы понимали это изначально. Но ситуация была

безвыходной. Когда мы идентифицировали Эйхмана — а он тихо жил в своем доме, как простой человек под чужим именем — можно было обратиться к Аргентине. Допустим, что его сначала заставили бы признаться, что он — Эйхман, и только затем мы могли требовать его депортации для суда в Израиле или Германии. Был и такой вариант. Но на практике, при первом же тревожном сигнале Эйхман бы снова растворился в Латинской Америке.

На самом деле, операция была конспиративной не только по отношению к бывшим нацистам, но прежде всего — к тогдашнему правительству Аргентины. В стране «под прикрытием» находилось 10–15 сотрудников Моссада и ни местные спецслужбы, ни власти не подозревали, что мы здесь работаем. Узнали только, когда Эйхман уже оказался в Израиле, полностью под нашим контролем. Нам было очень трудно готовить и проводить операцию, поскольку спецслужбы Аргентины боролись тогда с терроризмом, работали активно и особенно старались контролировать приезжающих иностранцев. Но мы его взяли сами.

С.: А что сказал Эйхман и как вы добились, чтобы он признался, раскрыл себя?

Х.: Мы не использовали при допросе силовые методы. Это был мой личный приказ. Когда его взяли и отвезли на конспиративную квартиру, он не знал кто мы и что происходит. И сначала выдал нам свою «легенду». А мы не перебивали — только слушали и спрашивали. Даже его настоящего имени не упоминали. А потом предъявили документы — вплоть до его медицинской карточки времен войны. А там — все его шрамы, операции. Напомнили, с бумагами на руках, его карьеру. Нам обязательно надо было, чтобы он сам признался. Мы, повторюсь, принципиально не хотели выбивать признание. Через пятьдесят минут допроса он сказал: «Да, я и есть — Эйхман». Он правда уже понял, что мы — израильтяне и у него нет выбора.

(Примечание. Эйхмана после публичного суда в Израиле казнили ровно в полночь, в Рамле, в мае 1962 года).

С.: Вы имели файлы на всех нацистских преступников?

Х.: Нет, только на главных. И тех, кто принимал участие в уничтожении евреев. Поскольку Гитлер и Геббельс были мертвы, мы, главным образом, сосредоточились на Эйхмане, хотя и не только…

С.: А доктор Менгеле? Правда ли, что он сбежал через окно,

когда Моссад его выследил в Аргентине и собирался захватить?

Х.: Это история «охотника за нацистами» Симона Визенталя. На самом деле, мы опоздали. Мы затратили много усилий и средств, чтобы найти Менгеле в Аргентине. Но «брать» их обоих одновременно было невозможно. И он скрылся сразу же, как только мы «взяли» Эйхмана. Он бежал в Парагвай, где режим Стресснера предоставил ему «личное» убежище. Его немедленно стала опекать в то время сильная немецкая колония страны, сразу же дали персональную государственную охрану. Мы потом несколько раз пытались приблизиться к Менгеле — но не смогли. Просто «убрать» его не хотели — он нам нужен был для суда, но ничего сделать не удавалось. Полагаю, что он уже действительно мертв.

(Примечание: В 1979 году в Бразилии Менгеле неожиданно утонул у берега при неизвестных обстоятельствах).

С.: А Борман или шеф гестапо Мюллер? Вокруг них ходит много слухов и домыслов. Говорят даже, что кто-то из них был связан с советской разведкой?

Х.: Борман, насколько мы выяснили, погиб в 1945 году в Берлине. В те же дни, что и Гитлер. Что касается Мюллера, то мы его серьезно и долго искали. Предположительно, скорее всего, шеф гестапо попал в руки русских. Его, возможно, использовали и «убрали».

С.: Раз уж вы упомянули русских, то у Моссада были какие-либо рабочие контакты с ними? Тем более, что Советский Союз поддержал образование Израиля и, тем самым, можно сказать решил его судьбу.

Х.: Мы никогда не имели оперативных контактов с советскими спецслужбами. Сталин поддержал в ООН образование Израиля. Но не из — за любви к евреям, а как противовес Великобритании. Это было его стратегическое решение. В то время арабский мир был слаб и арабы не могли противостоять Британской империи к югу от границ Советского Союза. Поскольку еврейская община и ее государство на Ближнем Востоке могли бы положить начало изгнания британцев из региона, Сталин и поддержал создание Израиля. Собственно, так и получилось. СССР именно поэтому допустил поставку нам необходимого оружия для войны за Независимость из Чехословакии.

С.: Но потом, как утверждают, у Сталина был план о депортации всех советских евреев в Сибирь. Вы знаете что-нибудь

об этом?

Х.: Мы подозревали это, исходя из ситуации и событий вокруг еврейского вопроса в СССР. Репутация Сталина и предыдущие депортации малых народов указывали на возможность такого поворота событий. Но подтверждающих это документов, честно говоря, у нас не было. Не было выхода на Кремль.

С.: А распад Советского Союза? Некоторые в России говорят, что сионисты приложили к этому руку.

Х.: Это абсурд. Важно понять, если не знаешь — Израиль и Моссад всегда интересовались только евреями, условиями их жизни и связями с еврейским государством. Говорю авторитетно, мы не проводили разведывательных операций против Советского Союза. Мы всегда опасались, и это было очень важным фактором, что любые наши действия, даже намек на подобную операцию, ударит по советским евреям. Для нас это было недопустимо. Мы слишком малы и заняты «своими» делами, чтобы еще бороться с Советским режимом.

С.: Моссад маленький, по сравнению с КГБ, ФСБ или ЦРУ. Но Моссад, похоже, везде?

Х.: Это легенда. Сила Моссада всегда была в стремлении обеспечить реальную безопасность Израиля и мы концентрировались только на этом. Операции, связанные с арабскими странами и контртерроризмом — это отдельный разговор.

Знаете, я был единственным, кто задолго до Горбачева говорил о распаде Советского Союза. Я говорил об этом американцам — но они не слушали. Не верили. Они были слишком заняты борьбой с СССР в стиле «холодной войны». Я же был уверен, что распад СССР неминуем на основании информации об этой стране. Диктатура и контрасты, которые были там, не могли долго сосуществовать. Это стало понятно еще после разоблачений Хрущева, когда стало известно, что творилось наверху, в Кремле, в структурах. Такое не могло продолжаться долго. Но мы опасались принимать участие даже в операциях американцев против Советского Союза, опасаясь за судьбу репатриации и евреев.

С.: Но ведь именно Моссад смог достать секретный доклад Хрущева, разоблачающий культ личности Сталина еще до его обнародования?

Х.: Это не наша заслуга. Это все получилось случайно.

Доклад попал в ЦК компартии Польши, а там многие недолюбливали русских. И один израильтянин из нашего посольства имел личные дружеские контакты с польским высокопоставленным чиновником. И тот счел нужным самостоятельно отдать этот доклад Хрущева на запад. Он добровольно передал его израильтянину, не осознавая даже значение этого документа.

(Примечание: Интервью с Виктором Граевским, выкравшем секретный доклад Хрущева, выложу позже).

С.: А советская разведка работала в Израиле или КГБ тоже концентрировался, в основном, на США и западных странах?

Х.: КГБ работал в Израиле активно с самого начала. Первые репатрианты, приехавшие в Палестину, были, в основном, из России. Они хотели строить свою страну. И они знали русский язык, русские песни, культуру, с симпатией относились к русским. Русские стали героями в Израиле после победы во Второй мировой войне. Во многих кибуцах (прим.: поселениях-коммунах) Израиля уже даже после смерти Сталина долго висели его портреты.

В Советском Союзе людям говорили о врагах — сионистах, а в самом Израиле сторонники Советского Союза были очень сильны. Святее Папы Римского, на мой взгляд. Они искренне верили в светлое будущее коммунизма. Парадокс в том, что израильские коммунисты, имевшие большое влияние в стране, были самыми преданными сторонниками Советского Союза, а Москва именно их не позволяла включать в международное коммунистическое движение — чтобы не оттолкнуть арабские режимы. Поскольку игра тогда пошла против США. КГБ тогда имел почву для работы в Израиле и советский шпионаж против нас был очень активен. Больше, кстати, чем в других небольших странах мира. Мы были одной из первых целей советских спецслжб и одновременно транзитом — для работы в тех же Соединенных Штатах или в Европе. Через Израиль, как считали в КГБ, можно было легализовывать «своих» людей и затем проводить операции против их основного противника — США. Мы пресекли ряд таких операций, извещая об этом американцев. То есть мы хорошо работали.

С.: Подозреваемых советских разведчиков вы разрабатывали уже здесь, в Израиле?

Х.: Некоторые приходили сами, признавались — чтобы эмигрировать, мы шли на сотрудничество с КГБ.

С.: Но ведь были и Калманович, отсидевший в Израиле за работу на СССР, и Клинберг…?

Х.: Они были не репатрианты, а профессиональные разведчики. Их специально засылали в страну и идеи их операций заранее разрабатывались в Москве. Они уже тогда знали и Израиль, и структуру общества, и пути своего продвижения.

С.: Но самого известного советского разведчика в стране — Исраэля Бера — разоблачили вы?

С.: Бер занимал высокий и ответственный пост в канцелярии первого премьер — министра страны Бен- Гуриона. Был его личным другом. Но я подозревал Бера. Был против его допуска к секретным материалам. Но не мог сам решать этот вопрос, поскольку сомнения — не доказательства. Об этом не говорят в СССР и России, но Бера провалил сам КГБ. Они там очень хотели выйти на шефа немецкой разведки Гелена, но не могли это сделать. И вдруг я узнал, что, несмотря на мой запрет, Бер был в Германии и лично общался с Геленом. Только один фактор мог заставить его пойти на это нарушение — знаменитое русское «надо». Мне удалось придержать затем Бера от дальнейших поездок за границу и он был вынужден пойти на встречу с советским разведчиком. А за ним мы следили. И их обоих «взяли» при встрече. Это бы самый серьезный провал КГБ в Израиле и наш успех.

С.: Когда-нибудь еще вы переигрывали КГБ?

Х.: Был личный, можно сказать, случай, когда я сам «расколол» советского агента. Это был молодой и очень преуспевающий израильский дипломат. Его семья-коммунисты жили когда-то в Швейцарии. Русский язык им преподавал советский гражданин, который и завербовал парня. Он репатриировался в Израиль и сделал блестящую карьеру. А затем уехал работать в наше посольство не куда-нибудь, а в Англию. Короче, очень опасный парень. Из Лондона он вдруг предложил свои услуги Моссаду и запросил личной встречи со мной. Дипломаты обычно избегают связей с Моссадом, чтобы не повредить своей репутации и работе. Затем этого парня перевели в наше посольство в Югославию и он снова запросил о личной встрече — мол, надоела дипломатическая работа, скучно. Он стал давить, говорить о необходимости создания спецотдела Моссада по Югославии, якобы это важно. А я не люблю добровольцев-«инициативников», которые сами приходят и предлагают услуги. И потом, он слишком шустро лез не в свое дело. Отслужи в МИД-е, а потом посмотрим. Короче, он повторно

настоял на встрече, которую я организовал на конспиративной квартире здесь, в Израиле. И тут я ему сразу заявил в лоб: «Я знаю, что ты советский шпион. Подожди — не оправдывайся, не суетись. Если признаешься, я тебе помогу.» Он растерялся — и сдался… Получил за шпионаж восемь лет, но мы потом помогли сократить его срок — и он вышел.

С.: Это правда, что на Моссад люди порой работали не из-за денег?

Х.: У нас не было денег. Моссад всегда поддерживали люди, которые хотели, чтобы Израиль выжил во вражеском окружении, выжил как государство. Это мотивация лучше, чем деньги и в большинстве случаев люди работали на нас бесплатно. Кстати, и на КГБ — тоже.

С.: А были ли предатели, перебежчики, двойные агенты в израильских спецслужбах?

Х.: Практически нет. В Моссаде не было предателей. И вообще, в спецслужбах. Был только один случай в пятидесятых годах в Шабаке, в службе внутренней и внешней контрразведки. Польский агент был заслан с этой целью и сумел проникнуть в Шабак, но такое было только однажды…

С.: А Виктор Островский, бывший агент Моссада, живущий в Канаде и написавший скандальные воспоминания о работе в системе?

Х.: Патологический лгун. Такие просто неспособны говорить правду. Косвенно, кстати, он кое-что и выдал.

С.: Вы ликвидируете физически противников и предателей?

Х.: Если не говорить о террористах, опасных для Израиля и его жителей, вряд ли кто-нибудь в мире нас может обвинить в том, что мы повинны в целенаправленной гибели невинных людей. Если бы я узнал, что кто-то предает нас, то приложил бы все силы, чтобы доставить человека в страну и здесь судить его.

С.: У вас, наверное, вся грудь в орденах?

Х.: Я создавал Шабак и Моссад, плодотворно работал там много лет. Если бы я получал награду за каждую удачную операцию в тех же арабских странах, то их было бы очень много. Но я отказывался. Даже после поимки Эйхмана. У меня на пиджаке нет ни одной награды. Потому что главная награда для меня — это существование моего государства, Израиля.

Донатас Банионис: «Мы ждали, когда высадятся американцы…»

Донатас Банионис — один из любимейших актеров тогда еще советских зрителей. Культовые фильмы «Никто не хотел умирать», «Берегись автомобиля», «Король Лир», «Мертвый сезон», «Солярис»… Всего — около семидесяти киноработ.

Последнее время его не видно в новых ролях. И время великих режиссеров, у которых он снимался — прошло. И Литва — уже не просто самостоятельная, а — в Европе. Да и сердце стало подводить — все-таки родился актер в 1924 году. Не вчера

В его небольшой квартире, в Вильнюсе, хотя обычно Банионисa связывают с театром в небольшом городке Паневежис, каждая деталь в доме говорит о том, что здесь живет мастер.

— Неужели никогда не возникала мысль покинуть Литву? Ну, когда Советы пришли, или немцы, или потом…?

Банионис: — Было такое. Впервые вам расскажу.

В 1944-ом бежали мы, вместе с режиссером Мельтинисом и еще одним человеком, на Запад, от Красной армии, но нам перекрыли дорогу почти у границы с Германией (Восточной Пруссией) и не успели проскочить. Но, может, как повернулась жизнь, и хорошо, что не получилось.

— Не думал, что Банионис пытался бежать от русских. А чего вам-то бояться было?

— Во время немецкой оккупации в Литве не было культурных государственных институтов, ни министерства, ни объединений. А мы работали в Паневежисе как литовский городской театр, ставили пьесы, играли на родном языке. В основном литовскую классику. Русских авторов, понятно, нельзя было. Но немецких авторов тоже не играли. Собственно, я там и начинал как актер. Труппа была, главным образом, из студентов. Вот и получалось, что работал «при немцах».

А мы очень боялись большевизма. Перед самой войной, за неделю, с четырнадцатого по шестнадцатое июня, в течение трех дней, по всей Литве прошли массовые аресты и депортации. И все думали — Господи, пришли бы немцы, спасли бы… Высылали за три часа. Ночью по городу ездили на грузовиках, со списками и забирали людей. Без суда, без объяснений. «У тебя, — говорят, — дядя враг народа». Или что-то подобное.

Это был приказ Сталина и разнарядка. «Выселить десять

тысяч». Вот и выселяли. Хватали, чтобы отчитаться. Чтоб самих потом не обвинили в подрывной деятельности. Три ночи в Литве страшное, что творилось… Вот и боялись потом, что НКВД вернутся. Я, собственно, протянул время — можно было и раньше бежать.

Но мы ждали, что у нас американцы высадятся. А, когда поняли, что их не будет, то уже поздно оказалось…

И впервые я выехал в ту же Америку только в семидесятом году. Сложно было выехать. Приглашали не родственники, а одна организация. Так просто не выпускали. То — да, то — нет. Тянули долго. Но потом вмешались сверху, мол, пусть едет. И все равно, меня инструктировали в ЦК партии Литвы: «Ты там лишнего не говори…» Но им уже надо было выпускать. Чтобы показать миру, что в стране якобы нет «железного занавеса».

Поездил я тогда по приглашению по всей Америке: от Лос-Анджелеса до Балтимора и Нью-Йорка, посмотрел и подумал: «Хорошо, что „тогда“ убежать не получилось». «Не мое». Конечно, люди там богаче жили, чем в СССР. Ну что бы я, актер, делал бы в США? Там можно и на заводе работать — хорошо зарабатывать. Конечно, там даже тот, кто заборы красит, получал больше, чем я, уже известный в СССР. Но я-то понимал, что даже сейчас меня пригласили в Америку именно как актера, снявшегося в «Солярисе» Тарковского, у Жалакявичюса. В Голливуде, я посмотрел, хорошо работают. Но что я там буду делать, кому я там нужен?

Хорошо, что не удалось сбежать в сорок четвертом. Какой толк от этих денег, если не занимаешься своим любимым делом. Если ты — никто.

— А как вы относитесь к распаду Советского Союза? Вы ведь любимы…

— Очень хорошо отношусь. А зачем такой Союз нужен был? Это потом, «оттепель» пошла, стало легче. Но все равно — закрытое общество. Тебе там из Москвы звонят и говорят, что показывать. Да еще такие были, кто считал, что, мол, ты тут правду хочешь показывать? А разве партия не выше правды? Нет, я бы не хотел прежней системы. Хотя кто меня спрашивал? Кто нас спрашивал? Я что, хотел, чтобы был сорокой год, когда пришли Советы? Иди позже — когда ворвались немцы в Литву или Сталин хотел? Но это было. Без нас все происходило.

— Но сейчас, после революции, в Литве, возможно, как и в других постсоветских странах, похоже, какое-то затянувшееся время культурного безвременья…

— Конечно. Только почему «после революции?» Это не только у нас. Это везде, такой глобальный процесс. Я много бываю на фестивалях, езжу, но телевизор уже даже не включаю. Я уже знаю, что там будет: или кто-то морду бьет, или взрывает или стреляет. Больше ничего. Даже анонс, мол, что будет интересного — это мордобой, секс, убитые. Не показывают там сегодня Феллини, Бергмана или Тарковского…

— Рейтинг — глас народа. А что остается?

— Ничего, кроме как создавать настоящие произведения — в знак протеста. Работать в знак протеста. Вопреки. Посмотрите — и раньше так было. Все лучшие пьесы — это протест против того, что происходит. В этом смысле ничего не изменилось. Вместо запретов пришел мусор.

— Но раньше было трудно протестовать..

— Так ведь и кричать необязательно. Надо просто заниматься своим делом. Тем, которое знаешь, умеешь и, что очень важно, в которое веришь. Но разве пошел «у них» на поводу Тарковский? Или Желакавичюс? Многие не пошли. Не смотря на то, что мешали, закрывали. А мы делали по-своему, по- другому… Даже когда снимали вместе с немцами «Гойя», нам навязывали образ художника, как о марионетки. А мы делали как считали нужным. У меня есть свой взгляд и свои мысли и по поводу того, что сегодня происходит с культурой. И у нас в Литве.

Но я также знаю, просто кричать бессмысленно, не стоит суетиться. И я рад, оглядываясь, что у меня были такие работы, шесть — семь фильмов, которые оставили след в мировом кино, и у зрителей. Те же «Никто не хотел умирать», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Гойя», «Солярис». Это останется и я в них делал то, что мне по душе.

— Но у вас были сильные работы и в советских патриотических культовых фильмах. «Мертвый сезон», например.

— «Мертвый сезон»? А вы знаете, что мы не успели снять и трети этого фильма, как его было, закрыли, меня сняли с роли. Потому что мы правду играли. А «им» она была не нужна. Нужно — как надо. Но помогли наши прототипы из жизни, из советской разведки. Мой прототип выступил, что мы не играем тут какие-то патриотические лозунги, а реальных людей. И он поехал на Запад тогда работать на разведку, хотя и не был уверен, что прав. Но работал честно. И он защищал нас и правду. Вмешался великий Михаил Роом, свое весомое слово сказал разведчик Конон Молодый. И «они» отступили. Директор картины сказал «я

умываю руки», раз вы все настаиваете, но, если будут неприятности и обвинят в «антисоветчине», пеняйте на себя. Правда, когда фильм и наши работы оказались успешными, он уже молчал и радовался. Это же был и его успех.

— А кому она нужна была — правда? Она и сегодня никому не нужна…

— Может кому-то и не нужна. Но мне и вам — нужна. Её трудно доказывать — кто-то всегда считает, что она другая. Потому что у каждого своя правда. И навязывать ее можно по-разному. Можно силой, а можно — тем, что показывают сегодня по телевидению.

Другое дело, что молодежь запуталась уже в правдах. И я не вижу вокруг настоящего, что-то сделанного в кино или театре вечного, на уровне. Как я называю — «от Софокла…» И до сегодняшнего дня через Шекспира, Мольера, Чехова. Может где-то подпольно, невидимо для нас и творят люди, делают, но их не видно.

Помню, еще в юности, еще до войны, я впервые увидел в Литве фильм «Веселые ребята». И мне показалось — как хорошо в Советском Союзе жить. Как здорово. И мне казалось — вот она, правда. А как же? Если в кино врут, то в газете бы сразу написали об этом. Разве можно не верить тому, что пишут для всех или всем показывают. Ложь ведь сразу бы разоблачили — такого, мол, нет, это все сказки. И только потом разобрался, с всякими там Лениными-Сталиными, что на самом деле и что такое неправда, но — для всех. Это было, а сегодня — другое…

— Реклама, мишура, покемоны… Уйдет ваше и среднее поколение, со своими ошибками и успехами. Но мне кажется, что складывается реальная ситуация, что и «школа» уйдет, разве нет такой опасности? И где выход?

— Посмотрите телевизор… Включите — сразу все видно. Если человек мыслящий, читающий — то он разберется. А, если он все время сидит у компьютера и смотрит только то, что ему дают, приносят на блюдечке, даже пережевывать, напрягаться не надо — то и получается этакий нереальный, виртуальный мир.

Меня беспокоит, что молодежь мало читает серьезное и настоящее. Ну не очень знают сегодня, кто такой Достоевский, а больше интересуется, кто такой, чем занимается, сколько он зарабатывает? Только это. Он что, занимается компьютерами? Вот, попробуйте, спросите на улице. Что там, спрашивать сегодня о Достоевском… О Бальзаке и не говорю. Ну и что? Это у меня такой пессимизм, но с юмором, легкий. Я не жалуюсь, нет вроде

оснований, но нет сегодня для меня такого, что бы я делал с такой радостью и отдачей, как было, когда работал над настоящими ролями и в настоящем театре и кино.

И дело не в том, что времена изменились. Оно конечно — меняемся и мы, и время. Я о другом. Изменились приоритеты, оценочные и нравственные критерии. Раньше мешали напрямую, старались навязать свое, какие-то штампы. Диктовали и вмешивались. Причем те, кто мало что понимал в том же театре, но считал себя по должности знатоком. Но настоящие творцы свое дело делали честно и сильно. Помню, вдруг появился фильм «Сорок первый». Любовь. «Белый» офицер и убивающая его в конце, как врага, но ни за что «красная» девушка. Это было уже шагом. И высоким языком. Также происходило и с Тарковским. Мешали, ругали, замалчивали. И что? Я помню, как Тарковский дал мне ключ от какого-то маленького зальчика на «Мосфильме» и тайно там смотрел его «Андрея Рублева», уже запрещенного. И еще предупредил: «Если кто спросит, что здесь делаешь, скажи, что смотрю отснятые материалы». Такая была жизнь в чем-то. И где «они» — те, кто диктовал? А «Андрей Рублев» останется. Наш с ним «Солярис», кстати, зритель и тогда очень плохо принял. Ну как же, действия нет, «экшен» нет. Даже на Каннском фестивале плохо принимали — дали нам «Серебряную пальму», но это жюри — словно компенсировало. Оценило. А зрители не приняли. И пресса была вялая. Но через несколько лет — загремело везде. А сегодня все наоборот. Тарковский — как эталон. И заслуженно. Вот пересняли американцы свой «Солярис», деньги вложили, реклама, актеры дорогие, но критики фильм очень нелицеприятно сравнивают с работой Тарковского. Значит, истина была «тогда», у него. Хотя у новой версии, может быть, коммерческая цель — основная, как и во всем. Вернуть свое и заработать. И достаточно. Но главное, все-таки, что правда и творчество были всегда — «не смотря на обстоятельства».

— Так что, можно сказать, что культура сегодня — это «Мертвый сезон»?

— Что говорить — оглянитесь. А в России? Да во всем мире так. Коммерция во всем — деньги зарабатывать. А зарабатываются они только на очень низком уровне. В России, как я вижу, в этом смысле еще хуже. А вы посмотрите классику, у Софокла, у Эврипида — те же проблемы, теми же вопросами человек задается и мучается, решает. Все то же, что с ним и сегодня. Но — как было написано, как сделано! Это тогда, в Древней Греции. А Шекспир? Человек и его бытие за две с половиной тысячи лет не изменились. То же самое находишь там,

что и сегодня волнует. Жизнь, она меняется, но человек и его стремление познавать и страдать, и радоваться осталось тем же. Потому что писали о вечном, хотя вроде о своем времени. Вот, вспомните, «Макбет» Шекспира.

Это же не просто интересная история о том, как нормальный, в смысле не злодей, человек брал власть. Потом убил короля Дункана, потом еще, и еще… И чем это закончилось, мы знаем.

Но ведь это же история про Сталина — надо только посмотреть, не акцентируя внимание на костюмах — а на суть… Но ничего, все настоящее вернется, никуда не уйдет навечно — так уже было. И в Греции, и в Древнем Риме. Период упадка культуры — не в первый раз в истории. Конъюнктура, конечно, всегда на плаву. То политическая, то коммерческая, ниже пояса. Ее легче переваривать — не надо напрягаться. Но настоящее снова поднимется…

— А в Литве, что сегодня происходит с творчеством? Наверное, создается новое?

— Что говорить. Кино и кинопроизводства своего нет. Но в театр, я это вижу по Вильнюсу, на новые постановки зритель ходит. И ставят старые интересные работы. Лично я играю «по договору» и уже не состою в штате театра. Предлагают — работаю.

Пьесу и роль выбирает не актер, а режиссер. Он определяет, а мое дело — правдиво раскрыть образ, а не спорить о творчестве. Раньше актеры вообще не спорили с режиссером. Тебя не спрашивают — нравится роль или нет. Режиссер ее давал — и ты должен играть. Вот так у нас было, еще у Мельтиниса. Не нравиться? Не устраивает? А чего ты тогда в нашем театре делаешь? Ищи другой. Нравы были по-своему суровые.

— Тоже тоталитарный режим?

— А как же. Так и должно быть в театре. Здесь демократия другая. Зато посмотрите, он держится на режиссере, прежде всего. Был Товстоногов — был замечательный театр. Не стало Товстоногова — и этот театр закончился. Название осталось. Так же было у Станиславского, и у «моего» Мельтиниса. Да, во всем мире так.

— Я вот посмотрел на вашу визитную карточку. А на ней написано просто «актер». А где регалии, звания? Это тактический ход или…

— Нет, это принципиально. На Западе тоже на визитках достойные люди «красивое» не пишут. Помню, еще с итальянцами

мы снимали фильм «Красная палатка», так они смеялись над нашими титулами. У меня много зримых наград, но я никогда в жизни их на пиджак не вывешиваю. Спасибо, конечно, что оценили — вот оно у меня и для меня останется. Это и есть принципиальный подход к своей профессии актерская школа еще со времен начала моей работы в театре — в 1941 году. Ты — это только то, что ты на сцене. Награды, оценки — хорошо, но показывать всем, что они у тебя есть… Не правильно, не мое.

А вообще, я верю в судьбу. Надо же было попасть именно к такому режиссеру как Мельтинес, в маленький город, да еще во время оккупации. И дальше, и дальше. Ты хочешь изменить судьбу, а она меняется так, как сама должна меняться. Как у многих героев Шекспира. Если ты сопротивляешься судьбе и хочешь ее изменить по- своему — оказывается, что это и есть твоя судьба, на самом деле…

Судьба советского разведчика

До нашей встречи он никогда и никому не говорил, что работал на советскую разведку. Во время той, Второй мировой войны это было бы смертельно опасно. После войны — нельзя. А когда, под конец жизни рухнула его страна и он переехал в Израиль — бессмысленно. Всего лишь вопросы и ненужные проблемы. Он и мне, единственному, подробно рассказал о себе, настоящем, не только потому что, по его словам, уважал и доверял. Была, полагаю, и еще одна причина…

Мы сидели в миниатюрной комнатке, не больше девяти квадратных метров в симпатичном жилом комплексе для пенсионеров в Ашкелоне под названием «Французская деревня». Близ самого Средиземного моря. Эта комната — почти все, что у него осталось. Да и то — подарила новая страна. Взрослая дочь жила в другом городе. Внучка — в Санкт-Петербурге. Далеко. А мы сидели близко друг к другу. Если поставить напротив дивана небольшой журнальный столик, уже не пройдешь: ни к письменному столу со старой печатной машинкой, ни к стоящему рядом древнему проигрывателю с виниловыми пластинками. Здесь редко бывали гости. Старость — это когда ты никому не нужен. Даже Родине. Которой, впрочем, уже тоже не было.

Он угощал меня своей домашней наливкой и пел студенческие песни на почти родном датском языке. «Де варрень скикеле ву нэ-эман сам скулэ гау эффероль. Оф, са-са..» У него всю жизнь было два имени: настоящее — Рахмиэль Косой и «жизненное» — Михаил Косов. Под этим именем его знали и друзья, и коллеги, и читатели. Как зарубежного корреспондента Телеграфного агентства Советского Союза- ТАСС. И это правда. Но не вся.

На самом деле Михаил все сороковые военные годы прошлого века был кадровым советским разведчиком, работавшем за границей.

Еще до войны он закончил в Ленинграде институт иностранных языков с основным профилем — немецкий. Второй язык — английский. Отличный студент, он поступил в аспирантуру, намереваясь стать филологом. Но где-то в это время его и «зацепили» ребята из разведки. Дело шло к большой войне и через партийные органы, вплоть до ЦК и, в частности, курирующего кадры, Г. Маленкова, Михаила сначала перевели в Москву и здесь уже стали готовить к специальной заграничной командировке. Прикрытием была выбрана работа корреспондента.

— В большинстве своем этим делом занимались действительно журналисты, — объяснил он. — Но иногда, как в моем случае, «корреспондент» становился прикрытием для разведчика. Я был в системе именно военно-морской разведки СССР. Но должен был работать над поставленными задачами не как нелегал, а под вполне официальной «крышей».

Сначала Косой был направлен, как журналист, по сути уже в фашистскую Венгрию, где, кроме местной контрразведки, вполне свободно действовали и немецкие спецслужбы. Там его и застало 22 июня 1941 года.

— Я и сейчас не понимаю, как мы тогда работали, потому что не очень осторожничали. Для нас главным было выполнение задания Центра, любой ценой. Мы как-то думали о себе лично в последнюю очередь. О том, что вот-вот грядет война стало понятно, когда немцы стали перебрасывать свои войска из Югославии не обратно — в Германию, а к границе с СССР, к узловой станции Чоп. Тогда немецкие поезда были стандартные и отличались от венгерских. И мы, весь наш корпункт, круглосуточно, отслеживали их составы, идущие через Будапешт: сколько, какие войска, какая техника.

О том, что будет война я точно узнал еще за десять дней до ее начала. Мой немецкий коллега из агентства «Вольф», с которым мы подружились, сказал мне тогда при встрече: «Миша, мы видимся сегодня в последний раз. Скоро начнется война». Это была не провокация. Он просто хотел меня предупредить. И не сомневался в их будущей победе: «Один немецкий солдат стоит трех русских,» — пояснил он тогда свою уверенность. «Увидимся через год и посмотрим, чья будет победа» — отшутился Косой.

Из Венгрии через третьи страны он вернулся в Москву и через год был направлен в нейтральную Швецию. Уже непосредственно по линии своей разведки. Но официально — корреспондентом все того же ТАСС.

Первым заданием было установление связи с советским агентом, эстонец по национальности, который был заслан в Швецию еще до войны, легализовался и был «законсервирован» до нужного часа.

— Обычно, — пояснил Михаил, — приехавший на связь диктует место и время встречи, исходя из ситуации и возможностей. Чтобы не засветить нашего человека. Но эстонец повел себя необычно — он сам стал навязывать условия. И мне пришлось поехать в его поселок и далее — в лес, где мы и встретились. Это оказалось неслучайным. Парень отказался работать с нами. Но и не «сдал». Ему самому это было невыгодным. Когда я сообщил о неудачной связи в Центр, оттуда

последовала команда «отступить от него.» Но, признаюсь, я опасался, что после этого отзовут меня, а там — кто его знает? Но это тоже была часть работы — риск и с чужими, и со своими.

Одним их первых Косой, по его словам, получил информацию о том, что Германия уже работает над созданием своей атомной бомбы. Ею с советским журналистом сознательно поделился тогдашний мэр Гетеборга, сочувствовавший союзникам. Но без ссылки на источник своей осведомленности. Швеция была нейтральной, но торговала с Германией вовсю. Косой тогда не понял о чем идет речь — что такое работы над расщеплением урана и атомное оружие знали единицы. Он поспешил в Стокгольм и лично доложил об этом разговоре послу СССР в Швеции Александре Коллонтай. Но военный атташе отказался переправлять информацию в Москву.

— У нас — сказал он железное правило — Информацию, которую ты получил не лично, а с чьих то слов, да еще без ссылки — не передавать.

После войны его сразу же направили работать, еще на пять лет, в Данию. — С марта 1940 года, когда я поступил в ТАСС, и начались командировки — вплоть до октября пяти-десятого у меня не было ни дня отпуска, — так кратко охарактеризовал он условия своей двойной работы. Но уехать все-таки пришлось.

— А у вас не появлялось желания остаться на Западе. Некоторые же оставались и остаются?

— Это предатели, — сказал Рахмиэль. — Такое решение непозволительно. Особенно с учетом доверия к тебе и тех вещей, которые другие не знают и не могут знать. Правда, теперь, когда многое о том времени стало известно, я во многом был «лопухом». Но все равно, на предательство бы не пошел.

Вернувшись в СССР, он затем тринадцать лет был «невыездным», хотя и продолжал работать в ТАСС, уже в Москве. А затем — снова Скандинавия. Более сорока лет Косой дружил с датским художником-карикатуристом Ф. Бидструпом[1].

Он увидел его антифашистские работы в подпольной датской газете и сразу после войны, попав в Копенгаген, разыскал художника. Именно благодаря журналисту Бидструп издавался и стал популярен в СССР. Что касается своей «второй» работы, то Михаил-Рахмиэль всегда гордился тем, что его информацию никогда не подвергали сомнению.

— А что надо в этой жизни подвергать сомнению? Он выдохнул и впервые за весь вечер задумался — Власть — любую. И еще любую информацию, поскольку она может быть препарирована и использована так, как это нужно ее изготовителю. А вообще, дело не в сомнении — бояться ничего не

надо…

— И даже женщин?

— И их тоже. Просто с женщиной нельзя доводить дело до того, чтобы ей пришлось жаловаться. С ними надо очень полюбовно, по — разумному.

— Как разведчик?

— Да, как разведчик…

«Старая школа» воспитания и общения. Через неделю он позвонил мне на работу и поблагодарил за встречу. И, возможно пошел на нее потому, что знал о тяжелой и уже неизлечимой болезни. 86 лет — уже не шутка.

Вскоре, проскакивая Ашкелон, я случайно узнал, что Рахмиэль Косой, он же Михаил Косов, советский разведчик сороковых годов и многолетний сотрудник ТАСС, а также — специалист по Скандинавии, ушел из жизни. В общем-то, одинокий и не высказанный.

Впрочем, теперь уже нет.

В мире идиотов

Он всю жизнь до пенсии был военным танкистом, настоящий полковник. И еще, он — единственный внук великого писателя Ярослава Гашека. Так и живет в своей трехъярусной квартире, на окраине Праги: с книгами великого деда и его Швейком. Они здесь везде. Целая комната-мансарда выделена под своеобразный музей Швейка.

По опросам, что ассоциируется у чехов с названием их страны, третье место после чешского пива и хоккейной сборной упорно держит Швейк. Бравый солдат, похождения которого Ярослав Гашек надиктовал перед смертью.

Швейк надолго пережил своего автора.

Люди живут в конъюнктурном мире.

Потому и умирают одноразовые. Гашек: конформизм или конькюнктура — несовместимы. Ни при его жизни, ни даже после неё.

Рихард, его внук, говорит с горечью о том, что его дед, уже известный писатель, но бунтарь, в духе начала двадцатого века, был коммунистом и участвовал в русской революции.

А это сегодня не модно.

Зато его рассказы, Швейк и яркая короткая жизнь так и остались — над временем. Хотя, кроме бумаги и друзей-забулдыг они, оба, ничего не имели. Ни Швейк, ни сам Гашек даже на машине не ездили. В небольшой городок Липнице, в глубинке страны, в августе 1921 года они приехали на поезде.

Причем накануне, Гашек просто вышел из дома, чуть ли не в халате, за пивом, встретил знакомого, поговорил и… поехал.

Он остро захотел сбежать от всех и вся. Подальше от унижений, преследований, нищеты и своих женщин, чтобы дописать давно задуманную и уже начатую историю бравого солдата Швейка.

Героя всех времен и народов, живущих в том же идиотизме, что и Швейк. Как и сам Гашек.

Тоже, кстати, не подарок.

Еще до фронта он как-то поселился в одном отеле Праги под именем… Лев Николаевич Тургенев. На вопрос зачем он приехал в Прагу, Гашек указал… «ревизия австрийского генерального штаба.» Политически бдительная обслуга занервничала и сообщила о подозрительном постояльце. Гашека забрали в полицию. И забирали потом постоянно.

Даже свой полк, идущий на фронт, Гашек нашел в военной форме, но в цилиндре. Кроме того, писатель издевательски

симулировал ревматизм. Его признали дезертиром, но отложили наказание до конца войны. Империи нужны были солдаты, а не заключенные.

— Когда мой отец родился, в 1912 году, дед начал праздновать это событие. Взял с собой в шинок новорожденного. Потом пошли в другой, в третий. И везде праздновали, пили за здоровье малыша. Только через три дня, уйдя из дома и не вернувшись, Ярослав схватился, что где-то забыл сына.

Ребенка нашел потом тесть и стал, не в первый раз, настаивать на разводе дочери. Моя бабушка, его жена, Ярмила Майерова до этого уже созрела. Они встречались несколько лет, но Гашек сначала был активным анархистом, потом объявил себя буйным атеистом, печатался, смеялся над государством и государственными чиновниками, ночевал, где попало и совсем не хотел остепеняться.

После рождения моего отца, своего сына, он фактически не жил с женой до того, как ушел на фронт Первой мировой войны.

Пропавший потом в войне и в русской революции на пять лет, Гашек, с подачи мамы, стал для подрастающего сына геройски погибшем в бою легионером-белочехом, которые воевали с большевиками на стороне Колчака.

Хотя, на самом деле, он был одним из «интернационалистов», бойцом русской Красной Армии, мечтающим о мировой революции и всеобщей справедливости.

Но революция победила и… прошла.

Скорее всего, реальность оказалась скучнее и страшнее мечты. Однако не исключено, что он вернулся в Чехию уже не просто «домой», но и с заданием Коминтерна способствовать революции.

— До возвращения из России деда Рихард, мой отец, его не видел и Гашек должен был скрывать перед мальчиком, кто он. Это было условие жены. Но однажды Гашек сказал, что знет всё на свете. И отец ухмыльнулся

— Господин редактор, вы такой глупый. Разве можно всё знать?

— Это хорошо. Это мой настоящий сын, — сказал Гашек и, нарушив слово, данное жене, открылся, кто он есть.

Впрочем, это ничего не изменило.

До тридцати одного года жизни, до войны, Гашек жил фактически в богемных пражских кабачках, смешил людей, писал, влезал в проблемы с полицией и разные авантюры. Он везде писал, редактировал газету анархистов, выпускал пять журналов,

сочинял рассказы, однажды делал одновременно полностью два издания под разными именами.

Известно до ста двадцати его псевдонимов.

Но ответственность за других Гашек брать не хотел. Жена и дети ему были не нужны. Зато он сам оказался нужен сначала на фронте Первой мировой войны, а затем и русской революции.

— Это уже история. И его судьба. У деда был свой путь, который он выбрал. Если бы Гашек не прошел свою одиссею, то не написал бы такую честную и смешную книгу о жизни, как Швейк.

До войны он был анархистом. В России издавал журнал, которым руководил Троцкий. В Иркутске был комиссаром в армии. Служил и с Тухачевским. Был даже комиссаром города Бугульмы, в Поволжье. Издавал газету для бурятов и китайских красноармейцев.

Гашек потом написал, как проходили эти жизненные процессы. Но к власти в России вскоре пришел Сталин. Думаю, он вовремя случайно успел уехать. Гашек написал в смешной форме о том, что происходило в то время и в России, и в Чехии. А власть, любая, хотела своего Швейка, а не того, каким он был в книге.

Из России он привез в Прагу только Шулечку, новую русскую жену. И больше ничего. Когда он вскоре пришел к своей чешской жене, Ярмиле, моей бабушке, то она спросила

— Что ты привез с собой?

— Только подушку — ответил он, имея в виду Шулечку.

Разгромленные чешские «красные» считали его чуть ли не провокатором. А бывшие легионеры, приехавшие из России с деньгами, пытались посадить Гашека по обвинению в измене Родине и двоеженстве.

— Был такой Рудольф Лидек, он добивался ордера на арест Гашека. Легионеры не давали ему прохода, едва не избили однажды. Во время русской революции из чехословацких военнопленных был создал легион, сорок тысяч бойцов и через Сибирь, в обратную сторону, их направили… домой. Чехи восстали. В Казани они захватили часть золотого запаса России. И в Чехии потом не случайно были банки легионеров, бывших белочехов, как из называли в России. А Гашек все знал и потому был опасен для них. Но он оказался снова одинок и без денег. И ему было не до борьбы. Да и объединяться уже было не с кем.

После русской революции и антирабочих репрессий вокруг были одни болтуны. И он, который не пил пять лет в России, снова запил и пошел по шинкам.

Чешская жена пыталась помогать ему, как редактор. Русская

жена бегала по кабакам и вытаскивала его оттуда домой, хотя своего дома у них не было. Вскоре Гашек просто сбежал из Праги, как был, в домашних тапочках. От безденежья, одиночества, обвинений в кровожадности красных комиссаров-«людоедов» и отвернувшихся болтунов-товарищей.

Он уже болел. Алкоголь разрушал организм. Но и тогда Гашек все равно постоянно шутил и устраивал мистификации. То появлялся в женском платье. Но объявлял о своей смерти.

— Он даже создал в шинке свою «партию умеренного прогресса», которая потребовала введение в Чехии рабства и учреждение инквизиции. На выборах за нее проголосовали 38 человек.

И еще, дед трижды объявлял о своей смерти. То его якобы убил в корчме русский моряк бутылкой рома. То разорвали дикари в монгольских степях. Поэтому когда он на самом деле умер, никто в это сначала не поверил. Ему не было и сорока лет.

За три месяца до смерти он наконец впервые переехал в свой домик в Липнице, купленный за гонорары от первой книги о Швейке. Правда книгу все отказались издавать, назвав аморальной. И тогда дед, без денег, как-то создал свое издательство и издал Швейка сам. Весь тираж сразу раскупили и первый том переиздавался подряд четыре раза.

Перед смертью за ним ухаживала русская жена Шуленька, ласкательное от «Шурочка», которая только через три недели, не зная ни языка, ни страны, узнала, куда сбежал её муж.

Шуленька вышла потом замуж за молодого врача, который ухаживал за тяжело больным Гашеком. Она помогла ему получить образование и пока шли деньги за издания Швейка, врач жил с ней. Но после немецкой оккупации Швейка издавать запретили, денег не стало и она тронулась умом. Муж передал её в психиатрическую больницу, до конца жизни.

— Мой отец, сын Гашека, был архитектором. У мамы тоже была техническая специальность. Но она была дома. В пятидесятых годах, на волне сталинских репрессий, отца арестовывали. А я родился в 1949-ом году. Отец тоже пытался быть как мой дед, писал, показывал кому-то, но…

Я же полковник-танкист в отставке, хотя на самом деле всю жизнь проработал в военной чехословацкой газете. Со мной, как с внуком, и раньше, и теперь тоже многие хотят выпить пива, подружиться, как с Гашеком. Но я говорю — В семье достаточно одного гения…

О Ярославе Гашеке написано более тридцати книг. Его Швейка перевели на 58 языков. Швейку ставят памятники.

Памятнику самому Гашеку почему-то в Чехии не было, кроме одного, едва созданного и выброшенного после ухода от власти коммунистов. Гашек, как анархист и троцкист в русской революции, но пьяница и неудобный для всех гений — разгильдяй, до и после нее, официальной власти не нравился. Не вписывался в нужные (и нудные) каноны.

Только в 1989 году в Праге была названа улица его именем.

В 2005 году в Липнице поставили статую писателя напротив его первого и последнего дома. Но она поначалу долго лежала у местного аэродрома, сваленная вместе со статуей Ленина и чешского коммуниста-вождя Готвальда…

> «Человек может остаться свободным на этом свете только в качестве идиота».
>
> *Я. Гашек*

Еврейский солдат вермахта

Война застала его в украинской Шепетовке, где молодой учитель начал работать в школе. Мобилизованный, он отступал вместе с армией, пока не был ранен и не оказался в ростовском госпитале. Там к нему обратился офицер советской разведки с предложением после выписки пройти курс в диверсионной спецшколе.

— Нас пекли как блины, — вспоминает Ингерман в своей небольшой, но уютной квартире в престижном районе северного Тель-Авива. — Курс занимал всего несколько месяцев. При этом никто не знал, какое конкретно задание и где он будет выполнять. Никаких подробных «легенд» не разрабатывалось. Нас готовили для диверсионной работы в тылу немцев. И вдруг по завершении курса мне, как и другим, выдали конверт, где было указано задание и место заброски. Я чуть не упал в обморок от неожиданности. Командование направляло меня за линию фронта в район Таганрога с целью внедриться в фашистскую армию.

Была «явка» — якобы дальние родственники — и история о том, что, мол, моя мать немка, а отец — репрессированный коммунистами казак. Отсюда и хорошее знание немецкого языка, и ненависть к режиму. На самом деле немецкий я действительно знал хорошо, вырос в среде идиша и немецких поселенцев-соседей в Молдове, затем серьезно учил его. Но одно дело — партизанская и подпольная работа, а другое — хоть и голубоглазый, но тем не менее чистокровный, да еще обрезанный еврей. Цель заброски — вермахт — показалась мне самоубийственной. Командир, услышав мои доводы, только махнул рукой: мол, двум смертям не бывать…

Так летом 1942 года Якова Ингермана и еще одного выпускника разведкурсов забросили в тыл врага. У каждого было свое задание, но так случилось, что судьба через какое-то время трагически свела их вместе. Для начала Ингерман обосновался у якобы дедушки, оставленного для подпольной работы. Оглядевшись, он однажды подошел к немецким солдатам и попросил у них почитать газету на немецком языке. Слово за слово — и вскоре Якова пригласили работать переводчиком. Это был первый шаг к выполнению задания. Еще через какое-то время его, как переводчика, востребовало местное гестапо. И именно там он вновь встретился с товарищем по заброске. Захваченный в плен разведчик был так избит, что не мог говорить, но показал, что узнал Якова. И не выдал. Вскоре его расстреляли.

Ингерман между тем продвинулся до настоящей военной службы. Разбитного молодого парня, «фольксдойче», взяли во вспомогательную строительную часть, с которой он пошел на восток, оставаясь переводчиком и старательно избегая совместных бань. Он настолько приглянулся командиру роты, что тот перед строем объявил о намерении после войны забрать парня в свою семью и считать его приемным сыном. Яков же тем временем связывался с подпольем, передавал информацию, документы, а по случаю — и оружие.

— Меня все время мучила одна и та же мысль: что я делаю здесь, рядом с врагом. На фронте люди гибнут. А я что-то передаю, какую-то мелочь. Мне казалось, что я слишком мало делаю для Родины. Но Центр запретил мне даже думать об уходе к партизанам.

Его часть ремонтировала линии электропередачи и водопроводы, несколько раз их привлекали к охране советских военнопленных, но фронт был где-то далеко. В 1943 году он стал отступать почти тем же путем, как отступал вместе с Советской армией в сорок первом. И везде были связи с подпольщиками, перед которыми Яков всегда представлялся как просто «друг». Сейчас он осознает, что далеко не всегда был осторожен, и потому верит в ангела-хранителя. Но признает, что тогда, во время войны, ненависть почти заглушила страх. Когда часть проезжала родную Шепетовку, Яков не выдержал и удрал в самоволку — чтобы узнать о судьбе своих родственников. Они все погибли.

А потом немецких «стройбатников» перебросили в Италию. Яков к этому времени уже был ефрейтором, чувствовал себя уверенно, но, потеряв связь с Центром, сам вышел на местных подпольщиков. Сначала присматривался к людям, потом заговорил. И не ошибся. Передавал оружие и информацию, однажды помог переправиться в горы группе бежавших советских военнопленных. И по сей день документ — благодарность от партизан-«гарибальдийцев» Ингерман считает своей самой высокой наградой. Американцев, освободивших Италию, он встречал уже вместе с товарищами, в гражданской одежде, с оружием, трехцветной национальной повязкой на рукаве и с молодой женой, дочерью итальянской графини Ольги Марино, которая участвовала в Сопротивлении и прятала партизан.

В то время в Италии были очень сильны коммунисты, Советский Союз уважали, и Яков не чувствовал себя чужим, хотя и хотел вернуться на Родину. После победы он вместе с женой направился в |Милан, узнав, что там якобы открылась советская миссия. Они хотели вместе вернуться в СССР. Но тут произошла

удивительная встреча, которая вновь в корне изменила его судьбу.

Молодые решили добираться в Милан через Венецию. Просто чтобы по дороге посмотреть этот город. И вдруг на улице Яков увидел группу молодых парней в английской военной форме с еврейскими шестиконечными звездами. Он не смог пройти мимо. Это были солдаты Еврейской бригады, сформированной в Палестине во время войны, когда войска Роммеля рвались в Египет. Теперь эти парни занимались отправкой уцелевших евреев в будущее еврейское государство.

— Куда тебе возвращаться, — сказали они. — У тебя ни дома, ни близких. Оставайся, помоги нам. И таким, как ты. И себе.

Яков остался с ними. А вскоре вместе с женой нелегально прибыл в Палестину. Они поселились в кибуце — сельскохозяйственной коммуне, где все работали, заменяя друг друга, ели в одной столовой, не получали зарплаты и верили в создание своего государства и… в Советский Союз.

— Мне и сейчас больно, когда я думаю о распаде СССР, — признается Яков. — Социализм — это не картошка, нельзя просто так все отбросить. Я хорошо помню, как в кибуце висели портреты Ленина и Сталина. И мы хотели построить светлое социалистическое будущее на этой земле. Поэтому я окончил офицерские курсы и в 1948 году воевал за независимость только что провозглашенного Израиля в чине майора. Мы хотели построить справедливый и единый Израиль — как для евреев, так и для живущих на этой территории арабов. Не вышло.

Они расстались с женой. Но неожиданно выяснилось, что его мать выжила в войне, и ему удалось переправить ее в Израиль, где она прожила до 96 лет и очень гордилась сыном. Тем более что три десятилетия, до пенсии, Яков проработал в израильской разведке. Чем он занимался, не говорит и сейчас. Известно лишь, что в начале шестидесятых получил награду «За вклад в укрепление безопасности страны».

В разведке он встретил и свою вторую, нынешнюю, жену. Они живут вдвоем, читают друг другу вслух его любимого Гейне на иврите и обсуждают политику. Он ни разу не был ни в Союзе, ни в СНГ, хотя каким-то образом сохранил прекрасный русский язык. Их дочь — профессор университета. Дочь от первого брака перебралась в… Германию. А внук на момент нашей встречи сидел в военной тюрьме за отказ служить, как он считает, на «оккупированных территориях».

— Я горжусь этим мальчиком, — говорит Яков. — него есть характер. Мы воевали всю жизнь и построили то, что построили. Мы воевали с фашизмом, у нас была мечта и была идея. Сегодня

я этого не вижу. Что будет с миром, с нашими внуками, с Израилем через пятьдесят лет? И будет ли Израиль? Я в этом не уверен.

«Если все это правда, то через десять лет не будет Советского Союза»

В феврале 1956-го на 20-ом съезде партии Н. Хрущев зачитал свой закрытый доклад с разоблачениями культа личности Сталина. Считается, что этот почти шестидесятистраничный документ, приоткрывший то, о чем не знали, чему не верили или не говорили вслух, перевернул весь социалистический лагерь, заставил пересмотреть и недавнее прошлое СССР, и суть красной тоталитарной системы. И, тем самым, положил начало ее распаду.

А выкрал и передал на Запад доклад польский журналист Виктор Граевский….

Он жил в типовой квартире многоэтажного дома на окраине израильского города Ришон Ле-Цион. Обычная гостиная без излишеств: фото, картины, диван, стол, телевизор. Он смотрел израильские и русские каналы. Поэтому, когда я напрямую и без рекомендаций перезвонил ему и представился, проблем не возникло. — Приезжайте…

Я быстро установил камеру, навесил микрофоны и он продолжил. По-русски, почти без акцента.

На самом деле его фамилия Шпильман. Граевский — псевдоним. Более польский, менее — еврейский. Когда началась Вторая мировая война, ему было четырнадцать лет, семья Шпильманов успела бежать на восток, в СССР. Сначала во Львов, а затем их, как спецпереселенцев, сослали в Марийскую республику. — Сталин, — вспоминает Граевский — лично спас мою жизнь тем, что сослал нас в глубь России. — Его преступления — это одно. Но история совершает и такие вот кульбиты с человеческой жизнью.

После Победы они вернулись в Польшу. Вскоре родители репатриировались в Палестину. Об этом не говорят, но даже после уничтожения почти трех миллионов польских евреев нацистами, уже после войны, в стране произошли погромы. Выжившие, а точнее, вернувшиеся польские евреи тогда, в большинстве своем, уехали — в США и навстречу возрождающемуся Израилю. Они не хотели оставаться на пепелищах домов и родных в Европе.

Виктор остался. Он был молодой, энергичный, верил в коммунизм и в светлое будущее, несмотря ни на что. Успел жениться и развестись. Его, грамотного и знающего русский,

взяли в головной офис главного агентства печати Польши — ПАП.

Ступников: *А не мешало вам, тем более, тогда, что ваши родные в Израиле?*

Граевский: Совершенно не мешало. Я переписывался со своими. Однажды кто-то спросил меня: «А почему ты поддерживаешь связь с фашистской страной?» И я ответил, что это не «фашистская страна», и там живут мои родители, сестра. Больше никто и не спрашивал.

— А по убеждениям вы были социалист?

— Я был честный коммунист. Помню еще Дворец пионеров в довоенном Львове. И потом мы были на стороне Советского Союза и чувствовали себя благодарными ему за борьбу против фашизма. В Польше я сразу вступил в партию, потому что верил в ее идеалы. В коммунизме меня привлекала идея всеобщего братства независимо от национальности — и поляки, и евреи, и турки, и японцы… А после того, что произошло в Польше во время войны с евреями — особенно. «Теперь, — думал я, — мы все будем равные и свободные.»

— И что произошло потом?

— Мой отец тяжело заболел. Я обратился с просьбой о разрешении поехать в Израиль, чтобы его навестить. Мне выдали паспорт и так я снова увидел своих близких. Та поездка в Израиль перевернула всю мою жизнь. Я захотел уехать. Но середина пятидесятых годов прошлого века — это самый разгар «холодной войны» между СССР и Западом. Для журналиста солидного государственного агентства выезд был проблематичен, а бежать, то есть просто остаться, я не хотел. Мне Польша ничего плохого не сделала. Я вернулся и написал заявление в партию с просьбой разрешить мне выезд к родным и вступить в коммунистическую партию Израиля. Никакого ответа не было, но и проблем тоже не возникло. Все шло по- прежнему. Я работал главным редактором отдела новостей из Советского Союза и «стран народной демократии». Так и жил: де-факто в Польше, а душой уже в Израиле.

Но у меня была подруга, Люция, которая работала директором канцелярии первого секретаря ЦК польской объединенной рабочей партии Эдварда Охабы. Поскольку я был в разводе, свободный, то часто заскакивал к ней, в здание центрального комитета, поболтать за чашечкой кофе.

И вот, в один прекрасный день, в феврале 1956 года я пришел к ней, как обычно, но она была очень занята и попросила

посидеть немного, подождать — может и получиться отпроситься, чтобы спуститься в кафе. И убежала. От нечего делать, я увидел у нее на столе какую-то брошюру в красной обложке с надписью «совершенно секретно» или «государственная тайна». Под грифом было написано, что это доклад Никиты Хрущева на 20-ом съезде партии. На русском языке. Когда подружка вернулась, я спросил, могу ли взять его с собой, чтобы почитать — раз уж она занята. «Хорошо, — ответила Люция. — Но только на пару часов. Он должен храниться в сейфе…»

Я сунул брошюру в пиджак, принес домой, поскольку жил неподалеку и начал читать. Через пятнадцать минут я понял, что у меня в руках «атомная бомба». О закрытом докладе Хрущева все слышали, но без подробностей, в целом, с осторожных слов немногих очевидцев. Все разведки мира пытались его добыть — и вдруг этот доклад у меня в руках. Это было очень опасно и первой мыслью было отнести его обратно и сделать вид, что ничего не произошло. Почитал — и спасибо.

Но, когда я вышел на улицу, то передумал и решил отнести доклад в посольство Израиля. Все-таки я туда хотел уехать. В посольстве, кстати, небольшом, я знал, только одного человека, — который год назад давал мне визу на поездку в родным. Я и не подозревал, что дипломат был одновременно резидентом израильской разведки. Когда я показал это доклад израильтянину, то он попросил меня перевести, что там написано, а затем попросил взять брошюру на несколько минут. Вернулся он через полтора часа. А затем я отнес доклад обратно и на этом все кончилось.

— Или началось?

— Для меня кончилось. Я вообще был занят вопросами выезда, личными проблемами и забыл об этом. Прошло тридцать лет, пока в США не вышла книга, где были изложены подробности о том, как доклад Хрущева попал на Запад. После чего, в начале марта 1956 года, он был обнародован — и в прессе, и на радио. И произвел эффект разорвавшейся бомбы. Но что произошло с докладом я узнал только тридцать лет спустя.

Оказывается израильтянин, сняв его на фотопленку, немедленно поехал в Вену, куда уже срочно прилетел глава израильской разведки. Он принес распечатку лично Бен-Гуриону, основателю и премьер-министру Израиля.

Бен-Гурион знал русский язык и сам прочитал документ. Затем отложил его и сказал: «Если все это правда, то через десять лет не будет Советского Союза». Он ошибся на двадцать лет. Возникла другая проблема. Израиль не хотел ссориться с СССР,

чтобы не навредить советским евреям. И тогда Бен-Гурион решил отдать доклад американцам, но при условии, что они не раскроют, от кого получили документ. Пусть они теперь ломают голову. В Штатах сначала не поверили, что это подлинный доклад. В голове не умещалось, как Хрущев мог рассказать о преступлениях Сталина. Только после проверок документ попал на стол американского президента Эйзенхауэра, который и дал команду обнародовать доклад. Позже шеф ЦРУ Аллен Даллес назвал своевременное приобретение этого документа самым большим достижением в его многолетней работе.

— Так свершается история?

— Я не делал историю. Её делал Хрущев. Я встретился с историей всего на несколько часов.

— А потом?

— Потом я выехал в Израиль и мне, в благодарность, предоставили работу в МИДе. Через три года понадобился человек, хорошо знающий язык, в русской службе международного вещания Радио. Из МИДа меня не выгоняли — просто я журналист и хотел работать по — специальности. И с тех пор 45 лет я работал там, начав с должности обычного репортера и затем постепенно вырос до главы службы вещания Израиля на зарубежные страны. В свои 66 я ушел в отставку, но потом еще десяток лет занимался жалобами радиослушателей и телезрителей страны.

— У вас осталось ощущение, что Польша — это ваша Родина?

— Это трудный конфликт. Мы все, эмигранты из этой страны, на всю жизнь «больны» Польшей. Мы не можем жить без польской литературы, без польского языка. Но, в то же время, мы — израильтяне и уже принадлежим этой стране.

Нас здесь разочаровывают каждый день, каждый час, все время — но это мой Израиль. И, если я могу — то стараюсь изменить ситуацию. Но то, что происходит сегодня в Израиле — это всего лишь одна секунда в жизни еврейского народа. И только сейчас появился шанс, что, наконец, что-нибудь получится во взаимоотношениях с арабами. Маленький — но шанс. И все зависит от того, как американцы будут давить и на них, и на нас. На Израиль надо нажимать. Мы — твердый народ. Но, если нажимают, то мы иногда делаем то, что нужно делать.

— Вы видите сегодня в Израиле не то, что хотели когда-то построить?

— Я ничего не хотел строить. Страну создали до меня. Я просто хотел жить в демократическом государстве. После Польши, с её дефицитом, Израиль казался раем. Но тогда, пятьдесят лет назад, это была другая страна. Полная идеалов и стремлений построить свой мир. Сегодня же мы — почти как все остальные капиталистические страны, далеко не идеал, скорее — наоборот. Все основывается на том, сколько у тебя денег, что ты с этими деньгами делаешь. Типичная капиталистическая страна. А, если и есть идеалы, то они очень скромные.

— Обидно, жалко, что все это, настоящее, уже ушло?

— Причина, по — моему, в типичной еврейской натуре. Говорят, что два еврея — это три политические партии. Мы не способны создать какую-то единую идеологическую силу. Когда в Израиле начинаются выборы, все — обещают, приходят к власти и в тот же день забывают, что обещали. Но я не бываю разочарованным. Я заранее знаю, что так везде — и в Америке, и в Европе, и в России, и во всем мире.

— А что вы все-таки получили за эту историю с секретным докладом Хрущева?

— Американцы обещали миллион долларов за приобретение этого доклада. Может быть, она дали миллион израильскому правительству — я не знаю.

Но вот что интересно: когда я репатриировался в Израиль и пошел изучать иврит, однажды ко мне пришел человек, который представился как сотрудник из Шин-Бет, из службы контрразведки. И он мне сказал тогда: «Господин Граевский, мы никогда не забудем то, что вы сделали для нас. Возьмите подарок — ручку с „вечным пером“ и бутылочку с чернилами». Это все…

Виктор Граевский умер в октябре 2007 года.

Мститель

Этот человек прожил долгую и непростую жизнь, но один ее эпизод, когда ему было всего 10 лет, был и остался в этой жизни едва ли не самым главным. Но уж точно — определяющим. Не каждый решится, десяти лет от роду, выстрелить в человека, чтобы отомстить.

— Если бы я этого не сделал, я бы жалел. Как мне кажется сегодня, я бы себя презирал и считал бы, что я трус. То есть я бы дал возможность тому, кто совершил злодеяние спокойно жить и наслаждаться жизнью.

В июне 1941 года, когда немцы, без боев, вошли в столицу Беларуси Минск, он был ребенком. Но запомнил и голод, и ставшие привычными смерти, и унижения. Особенно от бывших своих — от полицаев.

— Вообще, в Беларуси было довольно- таки много полицаев. Полицаев боялись больше, чем немцев. Немцы приходили проверять, вечером, на облавах. На наших домах были вывешены таблички с фамилиями тех, кто там живет. Немцы проверяли, если там оставался на ночь кто-то посторонний, то все подлежали расстрелу. Но в обычную жизнь немцы особо не вмешивались. Их не интересовало, что делало и как выживало гражданское население. Главное, чтобы не сопротивлялось оккупантам.

А вот полицаи — это были очень страшные люди, потому что, во-первых, они как бы были «свои». Они многих и многое знали там, где жили до войны. Хотя среди полицейских было немало и других национальностей — не белорусы. Они были очень жестокие, проверяли, придирались ко всему. Они обыскивали. Могли человека обвинить, что он еврей только лишь потому, что у него вьются волосы. У меня так было с братом моей жены, который имел темный цвет волос и вились. Еле- еле его спасли от расстрела, потому что полиция его арестовала. Люди всей улицей доказывали, показывали документы, что он не еврей. Значит поэтому не изгой, не преступник. Это все вытворяли бдительные полицейские.

Я думаю они все это делали от души. Потому что это были люди, которых власть, та власть, делала сверхчеловеками по сравнению с теми, кто жил рядом. Эти люди, наслаждались своим ощущением свободы и всевластия. Я не знаю конечно, что они там думали, но то, что нас они не считали за людей, это точно. Я не помню ни одного с их стороны нормального отношения к женщине, к ребенку. Когда полицай проходил мимо, то мог

просто ударить тебя ногой ни за что, ни про что. Если, например, стояли в очереди за хлебом, а нам выдавали эрзац-хлеб, то полицейские, которые следили за порядком, если он что-то казалось не так, то они могли дубинкой ударить любого человека.

— Власть развращает…

— Да, власть — это страшная вещь и человек с дубинкой — это страшный человек. Мы полицейских боялись больше, чем немцев.

Однажды мы переходили с мамой улицу и полицейскому показалось, что мы нарушили правила движения. И он стал дубинкой мою маму забивать. Он бил ее с таким ожесточением, что она упала на мостовую и на ее белой кофточке показалась кровь. Я в ужасе бросился к маме, как вдруг она поднялась и вцепилась в лицо полицейского ногтями. И с такой силой в него вцепилась, что, когда она оторвала свои руки от его лица, то его оно превратилось в кровавое месиво за одну секунду. Я никогда не ожидал от этой хрупкой женщины, как моя мама, что она способна так поступить, защищая себя. А может быть больше — защищать меня. Полицейский схватился рукой за глаз левой рукой, а правой он достал из кобуры пистолет. Эту сцену наблюдал немецкий обер- лейтенант и он громко по немецки остановил казнь. Он не дал мою маму расстрелять. Но я запомнил этот эпизод на всю жизнь. Этот поступок моей мамы как бы определил мое отношение, которое потом, после войны, и стало главным, когда я сделал то, что сделал будучи десятилетним ребенком. Не прощать. Та ситуация, которая тогда сложилась, она как бы поделила мир на людей и не людей. Полицейские — это предатели. Они были все предатели и у них нет понятия национальности.

Были и еврейские полицейские, которые, и я это видел своими глазами, когда люди во время погромов в гетто выбрасывали детей за проволоку гетто в надежде, что белорусы подберут этих детей и спасут. А евреи-полицейские шли и на еврейском языке звали этих детей. Они прятались в развалинах. И когда они слышали родную речь, то откликались. Дети выходили, а полицейские, еврейские, их забирали и сдавали на расстрел обратно в гетто. Я видел это своими глазами. И хочу сказать, что об этом никто не пишет, никто не говорит. Но я считаю, что у предателей нет национальности. Человек, который стал предателем, заслуживает смерти от своего народа. Не ушли от возмездия и те еврейские палачи, которые были. Их хозяева, немцы, их тоже не пощадили, хотя их убили в последнюю очередь.

концу войны, об этом тоже не говорят, Минск буквально

уничтожала советская авиация. Налетали армады самолетом, наши бомбили все, что можно было бомбить. Мы укрывались в бункере, точнее в погребе и с каждым взрывом бомбы молили Бога: спаси, Боже маму, папу, хотя папы не было. Спаси бабушку, дедушку. Постоянно мне приходилось молится — просить Бога, чтобы он нас спас. Я помню, мы бежали под бомбежкой и сначала я налетел на убитого мужчину, а потом на девочку с оторванной ногой. Это было страшно.

А перед уходом немцы и полицаи жгли остатки Минска сами.

Зондеркоманды состояли из полицейских и каких-то молодых людей в штатском. У них были огнеметы и они этими огнеметами обрабатывали дома. Все горело.

Однажды, уже перед освобождением, мой старший брат, совершенно случайно из рогатки выбил стекло у немецкой машины. Он не был партизаном. Он был просто мальчишкой, который играл и выбил стекло немецкой машины. А наш сосед служил в полиции, в службе безопасности. Это была такая страшная служба, которая следила за всеми и забирала людей безвозвратно. Сосед это увидел и решил моего брата расстрелять. Он схватил мальчишку за волосы, приставил к сараю, достал пистолет и стал наводить пистолет. Я был намного меньше, но знал, что такое смерть и пистолет. Я разогнался и ударил полицая головой в живот. Тем самым я сбил прицел. Сосед два раза меня отшвыривал ногой и два раза я ударял его головой в живот. Наконец он не выдержал и поставил меня рядом с братом и снова навел пистолет. А из его дома неслись крики «Юзеф, Юзеф». Это такие же полицаи из службы безопасности, такие же бандиты, звали его пить бимбир. «Бимбир» — это самогон, который тогда пили. И вышла его мать, наша соседка и сказала, я запомнил ее слова. Она сказала на белорусском: «Юзеф, ты мальчишек потом расстреляешь, запри их в сарай, иди домой, ребята зовут продолжать застолье». Она нас закрыл в сарае и пошел пить водку. Но позже открыла нам и сказала: «Идите домой». Мой брат в течение трех месяцев потом не разговаривал, потерял дар речи. И этот случай произошел почти в то время, когда немцы уже бежали. После них в городе появились люди с красными повязками, с оружием, которые были партизаны и патрулировали город. Регулярная армия еще не вступила в Минск. И вдруг среди этих людей я увидел нашего соседа. И он тоже был с красной повязкой.

Когда советская армия вошла в город, то вошла и советская власть со всей карающей своей мощью. Лица призывного возраста, с ними не разбирались, а забирали в армию и бросали

вперед. Формировались этакие штрафные батальоны, штрафные роты для тех, кто переждал оккупацию и не был в партизанах или подполье. Их-то почти всех убили.

И тот негодяй, который нас расстреливал, попал в одну из таких штрафных рот. В первом же бою он был ранен. В то время считалось, что если был ранен, то человек смыл вину своей кровью. И он пришел домой через полгода. Появился, как ни в чем не бывало рядом с нами. Стал высаживать подсолнухи, деревья. Когда я каждый день шел мимо его огорода, видел его с лейкой в руке, во мне возгоралась такая жгучая ненависть, что она мне не давал спокойно жить. Я мечтал о том, что этот негодяй должен быть наказан.

В то время не было понятия о каком-то суде, что можно пойти куда-то жаловаться. Мы никогда нигде не жаловались. Поясню, когда нас освободили, то советская власть с нами сразу решила и расправиться. Мы с мамой попали в списки людей, которые работали на немцев. Мать была прачкой при немецкой части, чтобы заработать на хлеб. И нам сказали, что нас выселяюсь в Казахстан, потому что мы жили и работали при немцах. Мама пошла к начальнику НКВД. Она взяла меня за руку и пришла туда. И сказала: «Начальник, за то, что вы нас бросили здесь. За то, что мы в течение трех лет находились в рабстве, вы нас сегодня будете выселять? За что? Это ваша вина, что мы тут остались под немцами. Лучше нас расстреляйте: если нас не убили немцы, то расстреляйте вы». И когда начальник НКВД сказал своему помощнику: «Ты разберись». Тот ответил: «Да ничего она не делала. Только белье немцам стирала». И начальник сказал: «Ладно, вычеркните их их списка выселяемых». То есть мы остались. Но ждать, куда-то ходить и говорить о соседе-полицае было бесполезно. И мне в голову пришла мысль наказать его за то, что он с нами сделал. И за то, что с нами, со всеми, делали полицаи.

В то время было много всякого оружия. Было и у нас. Немецкие мелкокалиберные винтовки с оптическим прицелом, украденные и припрятанные. А у нас были козы, пять коз и козел Васька. И мы, дети, выводили их выпасывать и там же пристреливали оружие.

Я взял одну винтовку, пилкой обрезал ей приклад, сделал маленькой. И рано утром я с крыши сарая выстрелил в негодяя-полицая. Он упал. Я кубарем скатился с крыши сарая, утопил обрез в туалете и бросился бежать на станцию. И, когда пришел товарный поезд, я сел в первый попавшийся вагон и покатил.

В этих вагонах везли коров. И эти коровы меня спасли. Это был первый советский эксперимент. Этих коров везли на Чукотку.

Хотели выращивать устойчивых к холодам этих животных. И вот я с ними долго ехал. Было несколько тёлок, и я доил этих коров. Сало и хлеб, которые припас перед выстрелом, я доел. А потом этих коров перегрузили на пароход. И я под их прикрытием тоже попал в трюм. Так я оказался на… Чукотке, в Анадыре, где провел два года. Я стал там пастухом, оленеводом.

В то время мне было 10 лет. И в Анадыре по списку сдавали коров. Сдавал их офицер НКВД, который их как бы сопровождал. Он и обнаружили меня. Грязного, немытого и страшного. А принимал коров главный оленевод Чукотки, чукча по национальности. И он обратился к офицеру: «Дай мне этого мальчика. Нам нужны пастухи».

Офицер сказал: «Мальчик у меня в списках не числится. За коров расписывайся, а с мальчишкой делай, что хочешь». Так я попал к оленеводам. Я объяснил, что у меня родителей нет, они погибли. Мне негде жить, поэтому я сел в вагон к коровам и поехал. Больше их ничего не интересовало.

Так я попал на Чукотку. Попал к очень хорошему человеку. Познакомился с жизнью чукчей, с их обычаями. Научился пить кровь оленей. Тот человек, чукча, который меня тогда спас, привел меня на кладбище и сказал: «Смотри. Здесь лежат твои соплеменники. Они сюда приезжали, все везли лук, чеснок. Но все они умерли от цинги. Здесь край суровый, не простой. А чукча не знает, что такое лук или чеснок. Но он живет и без цинги. Хочешь выжить здесь — стань чукчей». То есть научись всему, что делает чукча. И я вспоминаю, как они подрезали оленя, выстроились и по очереди пили его кровь. Сердце его работало. Они подходили с большими кружками, дымящаяся кровь… Это было ужасно. Мне стало плохо. Но потом и я привык делать тоже самое. В той кружке крови оказывались все витамины и минералы, необходимые для здоровья, которые олень сам находил для продления жизни в этом краю.

Так прошло два года. Но бы один случай, когда мы поехали в Анадырь, чтобы сдавать шкуры. Старых оленей отстреливали, снимали шкуры, сдавали их государству. И когда мы везли эти шкуры на нас напали волки. Сначала наша машина заглохла. Был мороз за минус сорок пять градусов. И мы подожгли машину: и согреться, и отогнать волков. Нам некуда деваться было. Волки обступили. Машина горела долго. И когда взорвался бензобак, это услышали другие чукчи. Они ехали на собаках, где-то в тундре, услышали и нас спасли.

Началось расследование и суд. Как-никак сгорела машина. В сталинское время за украденный грамм зерна, за три колоска ржи, людей сажали в тюрьму. А тут государственное имущество

машина ЗИС-5, груженая оленьими шкурами сгорела в тундре. Но в то время было и то, что, если человек спасал свою жизнь и из-за этого погибало государственное имущество, его могли оправдать. Я попал под суд. И тут оказалось, что меня через милицию искала моя мама. Как пропавшего. Попробуй, найди, если ты живешь с оленеводами в тундре? Когда все закончилось и нас оправдали, меня по этапу, как заключенного, отправили на «большую землю» к маме.

Так я вернулся назад через два года в Минск, где узнал, что того негодяя, в которого стрелял, я не убил, а тяжело ранил. Он долго лежал в больнице, но не жаловался никуда Ему сделали операцию и он собрал тихо свои вещи и уехал из Беларуси. А на меня, десятилетнего, никто и не подумал.

Жизнь — это борьба. И не просто борьба за существование, хотя и это сюда входит. Есть вещи, которые не прощаются. Хотя люди разные. Кто-то живет и прощает. Но я прожил уже большую серьезную жизнь и считаю — то, что я сделал тогда, я сделал правильно. Потому что поднимать руку просто на человека — это страшно. Бог дает жизнь человек, чтобы он жил. Отнимать жизнь у другого челока не так просто. Но в то время у меня не было другого выхода. И, чем больше проходит времени, я считаю, что поступил правильно. И не мог бы поступить по- другому.

Мы не верили никогда ни в один закон. У нас существует поговорка «Закон, что дышло. Куда повернул — туда и вышло». То есть никогда в жизни люди не надеяться на закон в наших условиях. Поэтому у нас была вторая поговорка «От тюрьмы и от сумы не зарекайся.» Каждый знает, что он может попасть в ситуацию, где его никто не спасет. И поэтому дружба, как мы понимали ее, отличается от дружбы, которая, предположим, существует на Западе.

Я когда стал выезжать на Запад и смотреть, как живут люди это понял. У нас нет законов, а есть друзья, которые выручают тебя в том или ином случае. Сегодня тоже мы живем в непростой ситуации и мы опять больше надеемся на друзей, а не на закон.

Если бы я этого тогда не сделал, я бы жалел по сей день. Как мне кажется сегодня, я бы себя презирал и считал бы, что я трус. Дал возможность тому, кто совершил злодеяние, спокойно жить и наслаждаться жизнью.

— Но вы могли и так спокойно жить и наслаждаться жизнью. Какое вам дело до него?

— Я не мог наслаждаться жизнью до тех пор, пока было ему хорошо. У меня не было другого выхода.

Валерий Мурох, а именно так звали десятилетнего мстителя,

потом закончил медицинский институт, работал по специальности, стал профессором медицины. Но главным поступком своей жизни он и сегодня считает тот, когда с обрезом в руках, залез на крушу дома и прицелился…

Одинокий адмирал

Он уже был контр-адмиралом и Героем Советского Союза, когда выехал в Германию вслед за детьми — а что было делать на старости лет, хворая, одним с женой, в разрушенной Родине девяностых годов прошлого века?

Дети успешно стали выстраивать свою жизнь, а советскому адмиралу Германия дала муниципальное жилье, полноценное медицинское обслуживание и пенсию. Все нормально. Но самая большая боль для него, офицера и Героя, всю жизнь отдавшего флоту уже несуществующей страны как раз в том, что происходит дома. Не здесь, в Германии — а там, на постсоветском пространстве.

— Если бы «та» война случилась сейчас, то не думаю, что Советский Союз победил бы. Мы были не просто другими — мы были патриотами. Я вас уверяю. Ни один молодой парень сейчас под танк с гранатами не ляжет и амбразуру грудью не закроет. Если не заплатят. А наше поколение могло…

На стене комнаты висит его личный штандарт, настоящий, военно-морской, правда уже несуществующей страны, с приколотыми на него медалями и звездой Героя. Но при всем патриотизме, адмирал признает, что, если бы он был записан в паспорте как «еврей», то вряд ли уже духовно вырождающаяся советская номенклатура дала ему возможность сделать такую карьеру. До командира одной из первых советских атомных подводных лодок. Записанным «украинцем» по паспорту, это оказалось возможным.

— До этого штандарта, будучи записанным евреем, я бы не дошел. Когда Л. Брежнев вручал мне золотую звезду Героя, то не сдержался и сказал: «Второй раз после войны вручаю Героя Советского Союза еврею». И на удивленный вопрос офицера-подводника пояснил: «Я что, твоего папу, Мойшу, не знаю? Мы вместе воевали на „Малой земле“. Он был политработником у Цезаря Кунникова, тоже еврея, который получил Героя, но посмертно. А отец твой, поскольку тогда остался жив, но еврей — орден Ленина».

— А за что вы получили Героя Советского Союза — время-то было мирное?

— Не для всех. В районе полуострова Рыбачий, на Севере, моя подводная лодка нарвалась на мину времен еще гражданской войны. Легли на грунт. Экипаж — 160 человек и я должен возвратить ребят их близким. И пробоину в шестом отсеке лодки

заваривал сам, лично. Должен был тогда уложиться в пятнадцать минут. Но на этом все не закончилось, Реактор работал, воздух был, но там, под водой, на грунте, мы пробыли 145 суток. Заварили как могли, чуть продули, всплыли и сами пришли домой, где жена уже два месяца получала на меня пенсию. Похоронили нас. Я был командиром знаменитой атомной подводной лодки «Тайфун».

До первых советских атомных подлодок он был старшим помощником еще тогда мощных дизельных субмарин, участвующих в «Карибском кризисе» на Кубе. Американские корабли тогда слишком близко подошли — организовывая блокаду острова — к берегу и один фрегат выбросило на мель. Кубинцы захватили корабль и с ним новейшие ракеты «Поларис». Это была редкая удача. Ракеты замаскировали под сухогруз с кофе и направили в СССР. Командиром сопровождающей подлодки и его назначили.

Когда по российскому телевидению показывали сюжеты об отключении электроэнергии на Дальнем Востоке, он написал письмо В. Путину о том, что там стоит множество оставленных атомных лодок, чей энергоресурс не выработан и они могут снабжать электричеством целые районы…

— Будь я трижды еврей, но я ведь — русский по культуре, языку, мироощущениям и Россия для меня — Родина, где бы я сейчас не находился…. И это при том: что родился в Киеве, на Украине. Но тогда это воспринималось как часть СССР. Возможно поэтому переезд в Израиль я даже и не рассматривал — я не очень понимаю саму суть этой страны. Другое дело, когда туда сегодня едут молодые — он едят эту новую жизнь, привыкают и принимают ее, и к старости не стыдно получать пенсию. А ехать туда нахлебником…

Однажды они готовились к семимесячному дальнему подводному походу «в сторону Америки» и почти перед выходом корабль оказался без штурмана. Он обратился в отдел кадров Флота — мол срочно нужен опытный штурман. «Под рукой сейчас нет, — ответили ему сначала. — Есть правда один, но в такой поход не подойдет — еврей»…

И тем не менее советский флот и армию адмирал и сегодня в обиду никому не даст.

Он ходит на лечение — больные почки, остро реагирует на то, что происходит в России на Украине, радуется за детей и считает, что евреи в этом мире должны ассимилироваться. Зачем?

А чтобы не раздражать окружающих.

— Вот, мы самые-самые. Самые многострадальные, самые интеллектуальные, самые умные. Стоит ли выпячивать и дразнить других?

Затем, помолчав: «Может оно так и есть — но зачем кричать об этом на весь мир?…»

Почему русские евреи поехали в израиль?

Яков Кедми — личность легендарная и многосторонняя. Один из лучших сегодня аналитиков и знатоков израильско-российских отношений, Кедми, некогда носивший фамилию Казаков, еще в 1967 году, до начала Шестидневной войны, дважды пытался прорваться в израильское посольство в Москве. Затем он отказался от советского гражданства и, чтобы не привлекать внимание к проблеме тогда еще немногочисленных «отказников», власти разрешили ему выезд. Кедми сделал в Израиле со временем блестящую карьеру, воевал вместе с бывшим премьер-министром страны Эхудом Бараком в войне Судного дня 1973 году, работал в МИДе.

Кедми много лет «вел» проблему еврейского подпольного движения, организовывал помощь и всяческую поддержку просветительской деятельности еврейских активистов, а также тем, кто пытался уехать из Советского Союза в Израиль, но, получив «отказ», порой, на многие годы оказывался в ситуации противостояния системе.

Кедми работал, а затем довольно долго и руководил израильской спецслужбой «Натив» (тогда это было «Бюро по связям с евреями СССР»). Годы перестройки, распада Советского Союза и массовая эмиграция советских евреев — все это не только проходило у него на глазах. Волна еврейской эмиграции конца 80-х- начала 90-х прошлого века о нем, и о таких, как Кедми не знает — они уехали, когда «ворота» открылись для всех. Но именно Кедми организовал то, что абсолютное большинство этой волны направилось не в США, как на самом деле показывала статистика начала этой уже свободной эмиграции, а именно в Израиль.

Миллион новых израильтян до сих пор считают, что США договорились с Израилем, и под его давлением, закрыли свободную еврейскую эмиграцию через океан. На самом деле все было не так. Именно Кедми перенаправил потоки. Это была настоящая тайная операция, о которой он рассказал мне в ходе не первой и, надеюсь не последней встречи с этим удивительным человеком, который, на мой взгляд, имеет только одну, но серьезную, по нынешним временам, проблему — он самодостаточен, компетентен, объективен и имеет свое мнение, независимое от политических веяний и начальников-временщиков. И это мешает ему, после ухода из «Натива»,

реализовать самостоятельные планы, не примыкая к той или иной силе.

Но тогда, в конце восьмидесятых годов, в Москве, работая в израильской миссии при посольстве Нидерландов (дипломатические отношения между СССР и Израилем были разорваны в 1967 году) Яков Кедми принимал самостоятельные решения. И одно из них оказалось судьбоносным для, как минимум, миллиона советских евреев.

Кедми: Просто в нужное время я принял нужное решение. Мне удалось осуществить то. о чем и я, и Израиль мечтали долгое время. А именно, направить всех, кто выезжал по израильской визе, именно в Израиль, в не в другие страны мира, как это нередко происходило на самом деле.

Корр.: *Но для этого надо было договариваться и здесь, в Израиле, и с американцами?*

Кедми: Все было гораздо проще. Я поставил премьер-министра Израиля в известность о своем плане, но его ответ меня не удовлетворил. Ответ был неконкретный и рекомендовал согласовать комбинацию с голландцами, при посольстве которых мы тогда работали в СССР. Но я, вернувшись в Москву после встречи с премьером, сказал послу Нидерландов, что ставлю его в известность о решении, принятом в Израиле после встречи вс премьер- министром. То есть, я взял на себя ответственность и сделал, независимо от данных мне указаний, то что считал нужным для моей страны в это время.

С американцами тоже не пришлось договариваться. США по своим причинам поменяли правила эмиграции евреев из СССР, переведя это процесс из транзитного для них Рима непосредственно в Москву. Но американцы не предусмотрели одного простого обстоятельства — невозможно было перекрыть новым эмигрантам выезд в тот же Рим или в Вену, где происходила пересадка и производился добровольный «отсев». Они же выезжали по израильской визе и только уже там меняли направление. Знание обстановки и советской психологии позволили мне создать такую систему, при которой у эмигрантов возникло стойкое убеждение, что въезд в Вену, где пути новоприбывших расходились между США и Израилем, для них закрыт. Так что, на сомом деле, тот, кто бы «уперся» в своем желании ехать именно в США, всегда мог это сделать.

Мало того, я поставил в известность посольства Австрии и США о том, что Израиль вводит новый порядок выдачи виз. В свою очередь американцы не закрывали въезд для советских евреев, как об этом говорят многие из приехавших в Израиль. Американцы просто указали, что те, кто хочет ехать в США,

должны подавать документы в их посольство в Москве, а не менять маршрут, имея на руках израильскую визу, как это было прежде. И, если бы израильские эмигранты приезжали по-прежнему в Вену, то американцам ничего не оставалось бы, как их устраивать и принимать. Поскольку эмиграция резко нарастала, то за несколько дней в Вене бы скопились тысячи людей с детьми, которыми никто не занимается, а они хотят в США, а не в Израиль, то американцы, под давлением общественности и своей, и Европы, вернулись бы к прежним правилам.

США тогда изменили правила выезда евреев, исходя их своих финансовых соображений, из вопросов экономии. А я это сделал, чтобы завернуть нарастающий поток именно в Израиль. Это был шанс. Я помню, как инструктировал тогда в Москве своих людей, когда мы решили попробовать работать на новых условиях: «Если мы продержимся один день — мы выиграли на 80 процентов. Если мы продержимся три дня — проблема выезда по израильской виде только в Израиль будет решена полностью».

Корр.: *И таким образом поток советских евреев направился в Израиль?*

Кедми: В конце октября-начале ноября 1989 года так и получилось. Если бы кто-то поехал в Вену, то мог бы и с израильской визой уехать оттуда в США. Но для этого надо было иметь нестандартное мышление. Сработал «стадный инстинкт» советского человека. На это я тогда и рассчитывал.

Для сотен тысяч тех, кто выехал из СССР до свободного выезда, на «волнах» начала и конца семидесятых годов, а также в ежегодном ручейке предперестроечного двадцатилетия, весьма необычным окажется обстоятельства, так называемого «отсева» в Вене. Тогда, прямо у поезда, эмигранта с израильской визой спрашивали: «Вы в Израиль или…?» Абсолютное большинство выбирали Штаты. И с ними никто не спорил. «Израильтян» довольно быстро направляли на историческую Родину. Нацеленных на США, перевозили в Рим и уже там, в течение нескольких месяцев, оформляли американскую эмиграцию со статусом «беженца».

— Так вот, — рассказывает Кедми. — «Отсев» в Вене тоже начался случайно в 1971 году — после того, как первая семья отказалась ехать в Израиль, вторая семья пошла за ней. Оказалось, что так можно…

Корр.: *Вам Израиль должен был предоставить после этого самую высшую награду?*

Кедми: В Израиле не очень принято давать награды. И самой высшей наградой для меня было то, что я много раз годами видел

прилет самолета с репатриантами и то, как люди выходят на трап и видят Израиль, а потом — ступают на его землю.

Корр. *Ну вот, прошло почти двадцать лет. Получилось ли то, на что вы и ваши коллеги рассчитывали?*

Кедми: Стратегические расчеты оправдали с лучшем виде. Я помню, когда учился в военном колледже Генерального штаба армии обороны Израиля, одна из моих курсовых работ была «Перспективы репатриации евреев из Советского Союза». Тогда, чисто методически, я просчитывал три варианта — если когда-нибудь в Израиль приедут двести пятьдесят тысяч человек из СССР, пятьсот тысяч и семьсот пятьдесят тысяч. Верхняя планка казалась почти фантастической. А приехали на сегодня гораздо более миллиона.

Корр.: А почему так вышло, в итоге, что каждый пятый в Израиле — выходец из бывшего Советского Союза, а представительство в кнессете и даже в органах местной власти довольно мизерное?

Кедми: С одной стороны последняя волна русскоговорящих репатриантов недостаточно политически организована и не может противостоять дискриминации, с которой сталкивается. Это не государственная политика по отношению к выходцам из бывшего Союза, как было, частично или полностью, в СССР — по отношению к евреям. В Израиле — дискриминация тотальная, причем со стороны общества. Она основана не только на опасениях перед конкурентами. Любая дискриминация прежде всего опирается на невежество. Но так в Израиле происходило всегда — новая «волна» репатриации подвергалась дискриминации со стороны «старожилов». Самый понятный и наглядный пример — эмиграция немецких евреев в начале тридцатых годов прошлого века, когда в Германии к власти пришел Гитлер. Это бы «цвет» европейского еврейства. И им тоже досталось от «старожилов» и при приеме на работу, и во всех областях. Так что ничего нового или противоестественного не происходит. Все уляжется со временем.

корр.: А как вы расцениваете немалое число тех, кто уезжает из Израиля?

Кедми: Вообще, я отношусь с большим неодобрением, когда люди уезжают из Израиля, но с понимаем этого. В конце-концов, те, кто обладает потенциалом, энергией, инициативой всегда ищут самовыражения. Если такие люди не могут реализовать себя в той стране, где они живут, а евреи- народ мобильный, то почему не искать самовыражение в другом месте? Мы же здесь должны сделать Израиль таким, чтобы он соответствовал возможностям и желаниям тех, кто живет в этой стране и тех, кто захочет в ней

жить. И раньше, и сейчас, и тогда — в 1989-ом, направляя волну эмиграции именно в Израиль, я для этого и работал.

Ариэль Шарон: «Я здесь везде у себя дома»

Бывшему премьер-министру Израиля, одному из лучших и самых известных его генералов перевалило за 80 лет. Но уже годы Ариель Шарон находиться в коме, потеряв внезапно сознание прямо в машине.

Мне повезло с ним не раз встречаться. Как другим — в его канцелярии премьера. Но и дважды — у него дома в Негеве.

При первой встрече Щарон выделил целый день и лично катал по своей ферме, потом давал интервью, без ограничения времени, и кормил домашним обедом. Он был еще министром иностранных дел Израиля и отбивался от журналистов, как правило, по текущим вопросам. Но я где-то подсек, что он, возможно, собирается «идти» на премьера. Сегодня уже так, похоже, не бывает. Но тогда, пока коллеги, в большинстве своем, рефлексировали на текущие события и других людей, я просто предложил ему встретиться, чтобы представить «на русской улице» Израиля. И он… пригласил домой. Так для меня сложился первый с ним незабываемый день, близко и неформально проведенный с удивительной личностью.

Его ферма расположена на юге, в Негеве, чуть южнее уже начинается пустыня. Шарон сам выбрал это некогда заброшенное место, в стороне от многолюдья, построил дом и параллельно с активной политической деятельностью, начал разводить овец, коров, лошадей, посадил апельсиновую рощу. Он не удивился, когда услышал первый вопрос о том, с кем ему легче иметь дело — с баранами, овцами, лошадьми или с политиками?

— С животными проще. Они чувствуют заботу и уважение. Умеют отдавать. Как к ним относишься — так и получаешь. А вот с политиками сложнее. Никто не хочет войны, но она происходит. И ты вынужден защищаться. Политика — это постоянные маневры, движение и постоянно приходиться крутиться в ожидании удара, чтобы и не попасть, и держать его, а тем более — выиграть. Это другой мир, чем с животными…

На большой стене в одной из комнат старые портреты его родителей и предков, еще с начала прошлого века в… России. Его мать родом из Белоруссии. Это была единственная еврейская семья в небольшой деревне Могилевской области. Она говорила и

читала по-русски до своего последнего дня. От нее Арик и знал язык, хотя отсутствие должной практики мешало ему говорить. И понимал он по-русски не так хорошо, как об этом писали.

Его отец — из Баку. В двадцатых годах прошлого века они, интеллигенты — идеалисты уехали в Палестину и занялись сельским хозяйством. Как и большинство социалистов — выходцев из России.

Когда родился сын, его назвали Арик — что значит львенок. Молодой Шарон воевал уже в войне за Независимость 1948 года и был ранен. Затем учился — и снова воевал. Именно он создал знаменитый израильский спецназ «команду 101». В 1956 году он вел в бой свою бригаду десантников. В 1967 году Шарон разбил египетские танки на Синае и достиг Суэцкого канала, командуя бронетанковой бригадой. Через пять лет, в следующей большой войне Судного дня Шарон форсировал этот канал и был остановлен политиками уже на дороге к Каиру. Он инициировал в 1982 году ввод израильских войск в Ливан и осаду Бейрута в войне, получившей название «Мир Галилее» — защищая север страны от постоянных нападений и обстрелов. Затем стал идеологом поселенческого движения на территориях, был министром торговли, инфраструктуры, сельского хозяйства, обороны и иностранных дел Израиля.

В советской прессе его всегда рисовали как «ястреба» и крайне правого, чуть ли, не экстремиста.

— Ну и что, — посмеялся Шарон, — обо мне так писали и в израильской прессе. Я действительно экстремист. Но только в тех вопросах, которые касаются жизни граждан страны. Мне все равно, что кто-то скажет, если я смогу предотвратить гибель израильтян. Провоевав всю жизнь, я понял одну простую истину — только мы сами можем защитить себя и решать свое будущее.

Для Шарона «борьба за мир» существовала только в преломлении борьбы за безопасность его страны. Не оглядываясь на других, даже на США. В гостиной его дома, попив сначала чай в небольшой кухне, Шарон объяснил свое видение и себя, и своей страны в этом мире.

— У евреев есть маленькое государство, — показывал он, почти сжимая пальцы. — Совсем маленькое. Но это принципиально важное обстоятельство по сравнению с тем, когда его не было. Потому что только здесь у евреев есть реальные право и сила защищать самих себя. Этого не было тысячелетия. Но мир не возможен без компромисса — говорите вы. И я с этим согласен. И мы готовы на уступки части своей территории. Даже несмотря на то, что Израиль не проиграл ни разу ни одной войны.

Несмотря на то, что все это время мы подвергаемся нападениям в атакам террористов. Но мы не должны идти ни на какие уступки, если разговор идет о безопасности страны и об угрозе ее существования.

При этом Шарон сразу же отвергал любые разговоры о возврате Израиля к границам 1967 года.

— Так говорят только «левые», — отрезал он. — Но страна не сможет чувствовать себя безопасно, если мы вернем территории палестинцам. По его мнению, арабские страны саботировали мирный процесс только с одной целью — дождаться, когда в Израиле к власти придет более «левое» правительство, которое пойдет на все уступки и поставит безопасность страны под угрозу.

Надо признать, что позже так и получилось. Правительство нынешнего министра обороны Израиля Эхуда Барака в начале второго тысячелетия вывело войска из зоны Южного Ливана, куда немедленно пришли сторонники «Хезболлы» и провело, под эгидой США, встречу израильского и палестинского лидеров, которые провозгласили курс на компромиссные решения. Барак почти открыто заявил о готовности вести конкретные переговоры о передаче палестинцам Восточного Иерусалима. Казалось бы… Но сначала все забуксовало, а потом тот же Ариель Шарон, ставший лидером оппозиции, пошел на Храмовую гору в Иерусалиме, чем, как поводом, воспользовались палестинцы, развязав вторую интифаду. Восстание, которое похоронило тогда и умеренное правительство Барака, и надежды на продолжение мирного урегулирования, и привело, на волне возмущения бессилием против террора, «правого» Шарона к власти.

— Я всегда, сидя в таких же креслах, говорил арабским лидерам, — продолжал он. — Все, что угодно, кроме территорий.

Где Шарон всегда был готов пойти на компромисс, так это в вопросах еврейства.

— Вы не представляете, несколько лет назад сюда репатриировалась сестра моей матери. Молодая женщина, всего девяносто четыре года. По материнской линии у нас все жили до ста лет. Так вот, она привезла и своего правнука, который уже не еврей. Так что, отвернуться от него? Парень пошел в армию, сейчас двинулся на офицерские курсы. И таких, как он, среди репатриантов из бывшего СССР много. Русские евреи семьдесят лет жили в отрыве от своих корней, поэтому так произошло. Надо понимать, в каких условиях они жили. Это, предвидя, осознал и светлая голова, первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, который провел «закон о возвращении». И я поддерживаю право

любого, у которого есть еврейские корни, даже не прямые, вернуться в Израиль.

Когда мы прощались, уже у дома, я спросил Шарона, не чувствует ли он себя, все время окруженный политиками и людьми, одиноким в этом конъюнктурном мире. Разве быть сильным — это не значит быть одиноким?

— Во-первых, — ответил он, садясь за руль, чтобы отвезти к своему любимому дереву, — мне повезло с женщиной. У меня замечательная и преданная жена. Душевная и деликатная — это у них главное. А, во вторых, однажды в этот мой дом приехал министр обороны Египта, привез своих генералов, с которыми я воевал, когда пересекал Суэцкий канал. Жена вышла нас встречать, и я пошел к ней. А египтянин, оглядевшись, сказал: «Этот дом, прямо как ты, Арик Шарон. Такой же большой, сильный и одинокий».

В 2005 году, уже премьер-министра, его сначала прихватил микроинсульт, а вскоре — инсульт и кома. Вскоре о Шароне как-то забыли. Так устроена жизнь — новые политики, налоги, проблемы, мода, вещи, толкования. Чтобы тебя помнили в этом мире, видимо, надо для начала умереть…

Вахтанг Кикабидзе: «Я знаю, что все будет хорошо, но…»

— Что-то вас в последнее время практически не видно в российском телеэфире, на эстраде. Народ соскучился. Спрашивает: куда делся обаятельный Кикабидзе?

ВК.: Много писем приходит, иногда очень трогательные и теплые. Век-то начался какой-то смутный. Взрывают, стреляют, люди боятся. Вот, сейчас собрались в России восстанавливать Советский Союз. Я лично не просил, чтобы его разрушили в свое время. Но получается, что в этом виноваты маленькие республики, которые были в составе СССР. С такой злобой на них нападает правительство России. Мы — то помним, как все начиналось: и ГКЧП, и время Ельцина, но, к великому сожалению, теперь время Путина.

В июле 2008 года у меня был юбилей, семидесятилетие. К этому времени я как раз закончил фильм в Москве, все были довольны. На юбилей пришла телеграмма от президента Медведева, где говорилось о награждении артиста Кикабидзе орденом Дружбы народов. Мне было очень приятно. Я Россию люблю и прежде всего потому, что в России живет близкий мне российский народ. Политика и народ — две абсолютно разные вещи. Мне даже звонили тогда сверху и спрашивали, когда я приеду получать в Москву награду. Но в начале августа в Грузии неожиданно появились российские танки.

Никто в это поверить не мог. Мои близкие были в Батуми, а я ехал в Гори, позвонила дочь и говорит — срочно вернись обратно, русские начали бомбить этот город. Я не мог поверить, что в сорока километрах от Тбилиси идет бомбежка и началось вторжение. Естественно, я отказался от награды. Орден Дружбы — само название говорит о себе. Я в Россию не поехал. Думаю, что, когда оккупировано 20 процентов твоей земли, то любой мыслящий человек, который любит свою Родину, так бы поступил. Меня мать так воспитывала. — У тебя, — говорила она — на первом месте должна быть Родина. Жена говорит, что у меня все не как у людей: на первом месте Родина, на втором — друзья, на третьем — семья. Мне очень трудно без российского слушателя, потому что я — актер, артист и в этом моя жизнь.

Я не ожидал, что столько грязи будет вылито на меня в интернете и многие хорошие знакомые, которым, вроде, уже не нужны зачеты от правительства, будут поливать меня грязью. Остались у меня в России те, от которых я даже этого не ожидал.

Которые звонили, звали, приглашали, поддерживали. Но, как говорили в хорошем фильме «Мимино», «человек должен жить на своей земле».

Я все время смотрю новости, переживаю за беженцев, за людей. Но грузины, люди с чувством юмора. Уже есть и новые анекдоты о войне. Например, приходит, качаясь, сын-инвалид к отцу, еле идет, вправо-влево: «Папа, дай мне ружье, буду нашу землю защищать». — «Нечего тебе… — говорит отец. — Будешь только раздражать российского снайпера». Помню, уже не анекдот, по телевизору одного молодого российского солдата журналисты спрашивают: «А вы знаете куда пришли?» — «Знаю, — отвечает, — Грузия — это мусульманская страна с населением в сорок два миллиона человек…»

— А, помимо войны, у вас сильно изменилась жизнь?

ВК.: Конечно, изменилась. Вот, несколько лет назад гаишники на дорогах пропали. Нет никого. Но, если что-то происходит, сразу появляются полицейские машины и люди полицию уважают. Они всегда и во всем помогут. Люди не бояться, если дома неприятности, им позвонить.

— Это полиция. А власть?

ВК.: У меня свой закон жизни.

Если мы с тобой дружим, то я не могу быть твоим другом, только когда у тебя все хорошо. Если я выбирал президента, то я потом не могу сваливать на кого-то, что не того человека выбрал. Это моя вина. Я Саакашвили очень уважаю. Я, вообще, люблю умных людей. На него всякие ярлыки вешают, особенно российские СМИ. Это очень необычный молодой человек. Я на двести процентов уверен, что он хочет сделать Грузию цивилизованной страной. У нас есть и оппозиция. Там много людей, которые вместе с ним приходили к власти. И тут у начинается разборки: кто обижен, кто не получил должность. Пришли молодые люди к власти, начали что-ото делать. То, что Грузия строится, здесь двух мнений нет. Мне не нравятся уличные выступления, машут флагами…

Грузия — певческая страна, поэтому надо взяться за руку, спеть одну серьезную песню и решать свои проблемы. Те, кто внутри страны мешает двигаться дальше, тем самым льет воду на мельницу наших недругов. Дайте президенту доработать свой срок. Если вместо него прийдет другой, то кто-то опять будет недоволен. И это у нас бесконечно.

Люди уже обалдели, устали. И так же почти во всех бывших республиках Союза. Но, если это начнется в России, то там без крови не обойдется. Я думаю, что есть ошибочное понятие, будто россияне ничего не знаю, ничего не видят, не понимают, что

происходит. Там живет серьезный страх.

Но живет и много интеллигентных умных людей. Не все из них хотят уезжать в другую страну. В кино есть расхожее понятие, после съемок. Мол, теперь я вижу, что было в сценарии или режиссуре неверно. Вот теперь бы я сделал все по- другому, правильно. И надо признать ошибки, что я — плохой режиссер, фильм-то уже снят или насильно давить и убеждать, что получился хороший фильм. Это у тебя, зрителя, вкуса нет. Так же происходит и в политике.

— Вы считаете, что в Грузии есть сегодня демократия?

ВК.: По сравнению с Россией, то здесь на пятьсот процентов больше. Там не демократия пока. Если здесь пожить несколько недель и увидеть, что говорят, пишут, то в России подобное даже представить не могут. Здесь нормально. Молодые ребята при власти повзрослели, кое- чему научились…

— Но ведь у вас и президент, и оппозиция нацелены на европейские демократические ценности. Почему такая непримиримость и отсутствие компромисса?

ВК.: Город у нас и мир маленький, я всех знаю. Причина, думаю, в личных амбициях. Но главное, оппозиция должна рассказать, что она будет делать, когда Саакашвили, например, уйдет. А мы этого еще не слышали. Конечно, если много людей выходят с протестом на улицу, то это не от хорошей жизни. Выходят — если плохо. Но, когда была «революция роз», все нынешние оппозиционеры стояли вместе с Саакашвили.

— А как вы относитесь к тому, что некоторые политики от оппозиции поехали в Москву?

ВК.: Очень отрицательно смотрю на это. Картинка просто удивительная: главные лица России и, наверное, они говорили, что, если народ будет у власти, то кого-то из гостей посадят наместником. Я так понимаю, что все это называется житейским понятием «благосостояние в моем доме». Но, если это произойдет, то я из Грузии уеду к чертовой матери.

— Куда грузину-то ехать?

ВК.: Не знаю. Поеду далеко. Вы были в Гори? Это очень близко и каждый день понемногу наша земля отторгается, передвигается забор. Но колбасы за два рубля двадцать копеек уже не будет. Будет наместник России, если так случится. Не понравится — уберут. Там сейчас любого человека можно подтянуть под плаху и так далее. Поэтому, я думаю, что игра с Москвой неправильная. Мне не нравится, когда президента одной страны обсуждают в другой. Это вопрос народа, где они живет.

Это даже не солидно для президента большой страны, как Россия, объявлять нашего «политическим трупом». Говорить, что

я с ним за один стол не сяду. Я бы не хотел, чтобы мы снова жили под серпом и молотом. А политики должны разговаривать. Для чего стол и стулья существуют? Чтобы сесть вместе и говорить, пожав друг другу руки.

— Почему Кремль так не приемлет именно нынешнюю Грузию?

ВК.: — Мне кажется, что Путин лично не выносит нашего президента. Но для политика это просто смешно. Не нравился Дудаев. Исчез. Не нравился Масхадов. Исчез. Этот необычный молодой человек, в Грузии, не дай Бог, тоже исчезнет. И что Москва добьется? Сидят они там вдвоем по телевизору. И обыватель знает, что президент слушается премьер-министра.

Оппозиция конечно тоже нужна, но она должна помогать стране становиться на ноги. Если появится человек, который будет делать лучше, чем Саакашвили, то я его поддержу. Но тогда я беру на себя ответственность, раз выбрал именно этого политика. Президент мотается по стране, строит в городах, автобаны, что-то делает. Дайте ему достроить до конца срока. Потом посмотрим — есть ли кто лучше?

— У меня такое чувство, что Абхазия и и Южная Осетия — ваша постоянная боль?

ВК.: Это не то слово. Мой отец, когда Гитлер напал на СССР, а он был журналист, пришел домой тогда и говорит: «Мне стыдно ходить по улице». И пошел добровольцем на фронт. Он погиб в 1943 году под Керчью. Большинство солдат-грузин тогда погибли под Керчью. Это черное пятно в нашей судьбе. Отец моего друга, который там воевал, рассказывал, что выбрался оттуда по воде на перевернутом столе. Все море на сорок метров от берега было красного цвета от крови. Отец погиб ради меня, ради детей, ради Советского Союза. Но, если бы он сегодня увидел в Грузии русские танки, не знаю, что бы с ним бы было. Танки, которые на нас целятся. Никто не мог представить, что Россия назовет Грузию врагом номер один. Правда лет пять назад мы были где-то пятыми, а первыми были эстонцы…

— А как же взрыв мемориала воинам-грузинам, павшим в войне, в Кутаиси?

ВК.: Мне тоже это очень не понравилось. Хотя, проезжая, я видел, что он был в очень плохом состоянии. Оставьте это нам разбираться. Но, когда я слышу, что хотят построить такой мемориал в Москве, то это уже в анекдот превращается. И почти одновременно я вижу, как скотовозами мужчин и женщин, грузин, выдворяют из Москвы, с вещами, врагов нашли. А недавно сказали, пусть грузины работают в России, живут… Не солидно это все.

— А вы много видете сегодня солидных политиков?

ВК.: Это верно. Почти нет. Единицы. Должно быть личностное в политике, хороший он или не очень. А сейчас… Если бы я объявил о создании своей партии, то, уверяю вас, треть Грузии вошли бы в нее. Потому что меня здесь уважают, Знают, что я никогда не вру. Знают мои песни, мои фильмы. Но я всегда говорю, что человек должен заниматься своим делом. Для Родины. Поешь? Пой. Пишешь? Пиши. Снимай. Строй. Но все и везде хотят быть именно президентами.

— Ну, все хотят быть начальниками. Вы уже несколько раз говорили слово «Родина». Но, когда за семьдесят, может уже пора просто жить, не обращая внимания на ту же политику?

ВК.: Не получается. Человек должен чему-то радоваться, я не про деньги говорю. Жизни радоваться. Не представляю, как можно жить для себя, если твоему соседу плохо. Сегодня уже не так. Даже в Тбилиси, когда девочки проходят, мальчики на них внимания не обращают. Не шутят, не улыбаются.

Я вам приведу одни пример. У меня есть друг, народный артист, уже в в возрасте. Но, когда мы были молодыми, он первый женился. А жили они в двухкомнатной квартирке, денег на свадьбу не было, скромно все было у молодых, начинали только. Так вот, его соседи, у которых была четырехкомнатная квартира, разобрали стенку, сами предложили, и сделали как бы шесть комнат — для свадьбы. И потом несколько месяцев не могли восстановить стенку, потому что не было на это денег и они все жили в шестикомнатной квартире.

Я о чем? Человек всегда должен любить. Он не должен быть волком другому. Посмотри вокруг, на первых этажах решетки, везде железные двери. Как в броневиках люди живут. Бояться: и друг друга, и власти, что придут и скажут — отдай свой дом. И так много что плохого происходит на нашем шарике, а мы все деремся из — за какого-то идиотизма. Богатейшая страна Россия, с ресурсами, с умными людьми. Все там есть, но нет духовности. Каждый — за себя. Если у меня дома спокойно, то ничего больше не интересует. Неправильно это.

Я что, не мог сейчас просто ездить и зарабатывать деньги в той же России? Но я не мог поехать за орденом «Дружбы народов» после войны, после того, что случилось. Многие удивились. Как это, сказать «большому брату», что не согласен? Всему удивляются, особенно здравому смыслу и понятиям о чести и самоуважении.

В советские времена я объездил все пять континентов с гастролями и везде, когда говорил, что из СССР, лица у людей менялись. Боялись. Но нельзя дружить за счет силы. Нет любви

там, где есть опаска или страх. Любая страна, большая или маленькая, заслуживает нормальной цивилизованной жизни.

Политики думают, что они вечные. Нет, уйдут из жизни и сразу забудут или правнуку будет стыдно фамилию называть. Зачем им все это? Дом построй, дерево посади, кирпич заложи, песню спой, к соседу зайти — поздравь с Новым годом, денег одолжи, помоги. Это и есть жизнь человека, а не то, что нам показывают или о чем пытаются говорить.

Я знаю, что все будет хорошо, но хотелось бы это увидеть. Чтобы человек был человеку друг, а не волк. Больше ничего…

«Из всех стран Восточной Европы только в Беларуси немцы не смогли поднять местное население на еврейские погромы»
ОЛЬГА ГРЕНЕВИЦКАЯ (БЕЛАРУСЬ, «Народная воля»)

Известный журналист Александр СТУПНИКОВ снял документальный фильм о Второй мировой войне. Лента еще не вышла в широкий прокат, но уже наделала много шума и обещает быть скандальной. Автор обратился к теме, которая НИ РАЗУ не звучала. О еврейском партизанском движении в Европе; о том, как оно зародилось и как выживало; как не только нацисты, но и местные жители расправлялись с евреями. О событиях тех дней рассказывают очевидцы, которых Ступников разыскал в Беларуси, Литве, Польше, Словении…

— Саша, как возникла идея фильма?

— Это произошло довольно просто, как и все в этой жизни. Я начал готовить совсем другой проект, причем и интересный для меня, и необычный, и даже коммерчески привлекательный. Но внезапно вышел на тему партизанского движения в годы войны. Все оказалось далеко не так однозначно, как нам говорили в советские времена. С другой стороны, антифашистов, патриотов нынче стали красить тоже однобоко. Свобода слова там, где к ней не готовы, это и свобода глупости и поверхностности…

Я и раньше слышал о еврейских партизанских отрядах. И вдруг эта тема всплыла. Оказалось, что она совершенно не изучена, более того — всегда замалчивалась. Даже на Западе более чем за полвека о еврейских партизанах никто ничего не снял. И написано очень мало. Все только вселенский плач о Холокосте! В коммунистических странах тема тем более не звучала. Более того, оказалось, что и еврейский истеблишмент почему-то «предпочитает» говорить только о жертвах и только вскользь о героизме и борьбе. У меня возник вопрос: «Почему?»

Со временем этих «почему» становилось все больше, и я начал работать. Сначала только в Беларуси. Искал ответы на вопросы: как еврейские партизанские отряды появились, как выжили в Холокосте, почему именно в Беларуси таких отрядов было подавляющее большинство, в каких условиях они

создавались, с какими трудностями сталкивались?

Но потом понял, что еврейские партизаны здесь — это часть общего Сопротивления, еврейского Сопротивления всей Европы. И всплыла тема даже не Холокоста, без которой невозможно говорить о еврейском Сопротивлении, а коллаборационистов. Так и пошло-поехало…

— Поэтому фильм назван «Изгои»?

— Название пришло уже в ходе работы над материалами. Я вдруг увидел — на основании того, что услышал и собрал, — совсем другой подход к этой теме.

Во время войны евреи на самом деле неожиданно для себя оказались одни — один на один со смертью и несправедливостью.

Пришла война и нацисты. И одни соседи начали убивать евреев, как в Балтии. Другие смотрели и отворачивались. А чтобы оправдаться перед собой, обвиняли евреев в коммунизме и во всех смертных грехах. Третьи — спокойно забирали их имущество и вселялись в их дома. Четвертые — сами не убивали, но собирали евреев в эшелоны и депортировали. Или поступали как болгары, которые своих евреев — пятьдесят тысяч человек — Гитлеру не отдали, но, будучи его союзником, оккупировали Македонию и Северную Грецию и всех тамошних евреев «преподнесли» немцам. И так далее…

В итоге — миллионов людей как будто не было на этой земле. Только в Беларуси погибли 800 тысяч евреев. В Польше до войны их проживало более трех миллионов. А сегодня — где-то шесть тысяч.

Те евреи, кому повезло выжить, кто был в подполье или ушел в партизаны, там тоже нередко оказывались одиноки. И в партизанах встречался антисемитизм, и не хотели принимать еврейских беженцев, и верили слухам немцев, что беженцы из гетто — это засланные агенты. Всякое бывало. Но то, что было в Украине, Польше, странах Балтии — просто кошмар. Я, например, и раньше встречал информацию о то, что, скажем, в Польше евреев не любили. Это не новость. Но то, что в Литве и Беларуси еврейские партизаны погибали не только от рук немцев или полицаев, но и от рук польских партизан, — меня удивило. И это были не единичные случаи. Иначе я бы на такие факты не клюнул…

Или, например, я впервые узнал, что из всех стран Восточной Европы, только в Беларуси немцы не смогли поднять местное население на еврейские погромы и потому начали уничтожение сами. При помощи завезенных сюда карателей из соседних стран. Я не знал, например, и то, что, когда немецких евреев вывезли в Минск (и в Ригу), то у них было свое гетто в гетто, своя

проходная, паек, своя полиция. Хотя уничтожали всех одинаково. То есть Холокост, который обычно валят только на немцев, — «заслуга» не отдельных выродков, а, в сущности, та же коллективная вина (за исключением Беларуси). Поэтому об этом стараются не говорить, поэтому антисемитизм жив и тлеет. До своего нового часа.

— Но почему сами евреи столько лет молчат об этом?

— Те, кого в годы войны убивали тысячами, тоже думали (и об этом говорится в фильме), что «такого» не может быть. Оказалось, все может быть.

Всю вину за геноцид свалили на немцев… Но посмотрите: даже в западных цивилизованных странах, когда евреев увозили «на переселение», в лагеря уничтожения, абсолютное большинство их соседей вздохнули спокойно. Имущество и дома-то остались. Есть где жить и спать! И можно повесить свою вывеску над лавочкой или мастерской.

Евреи даже в партизанах нередко были изгоями, и принимало их только коммунистическое подполье. Пусть не без проблем, но все-таки советские партизаны их принимали. Кому это на Западе понравится?

Сегодня у грамотного человека нацистская пропаганда, списанная у русских черносотенцев, вызывает почти смех. Мне в фильме молодой нацист говорит, что большевизм — это интернациональный жидизм. И ведь не он один так считает! И когда пришли сильные, когда казалось, что они победили, что это и есть новые хозяева новой Европы, очень многие тоже стали так же считать. И уничтожать, хапать, делать вид, что ничего не происходит. Я оставил этого парня в фильме только потому, что он сегодня вслух говорит то, что не так уж редко другие думают или говорят дома…

А вообще я просто влюбился в тех, с кем работал. За их открытость. За их мужество. За их волю к жизни. Мне было по-человечески здорово познакомиться и с этими людьми, и с честными историками. Я знаю, что ничего не могу изменить. Ну и что? Это не аргумент, чтобы молчать и смотреть, как старая зараза под разными другими соусами ползает снова.

— С какими трудностями пришлось сталкиваться в процессе работы? Возникали ли какие-то препятствия?

— Препятствий никаких и нигде не было. Ни в Беларуси, ни в странах Балтии, ни в Центральной Европе. Возникала чисто техническая проблема, когда я понял, что надо снимать в разных странах: я уже не мог обойтись только своими силами. Гостиницы, бензин, текущие расходы на поездку. Это стало давить. ТВ-съемки — это прежде всего деньги и затраты. И

немалые. Тогда я аккуратно обратился в три солидные еврейские конторы. Например, в небедный Евроазиатский еврейский конгресс или, поддавшись советам друзей, — к совладельцу крупного латышского «Парекс Банка». Даже не за финансированием, чтобы не напрягать, а за «содействием» — просил «прикрыть» хотя бы несколько поездок в Литву, Латвию, Украину, Польшу… В ту же Словакию, где я нашел последнего еще живого командира еврейского партизанского отряда. Просто проект тянул из моего кармана больше, чем я предполагал. И я не успевал «пахать» на гонорары, чтобы вкладывать их в него. Великолепно ответил третий «корреспондент» по этому поводу — председатель совета директоров одного балтийского банка и тоже большой еврейский активист.

— А где я буду в этом фильме? — спросил он.

— А вы что, тоже были в партизанах? — спросил я.

— Но если меня там не будет, то какой мне смысл? — логично объяснил он и отказался…

И тогда мне стало легче. Я понял, что так же, как и мои герои (живые и погибшие), просто должен сделать то, что задумал. Как и они — вопреки. Вопреки деньгам, равнодушию «баблового быдла», обывателю, мечущемуся между кухней, магазином и туалетом. Вопреки тому, что кому-то что-то не понравится. Вопреки растерянности, которую я видел у зрителей после нескольких просмотров.

— Какой эпизод, на ваш взгляд, стал самым ярким в фильме?

— Таких эпизодов много. Я просто влюбился в партизанку Фаню Брацовскую из Литвы. Ее недавно дернули в литовскую прокуратуру, потому что ее отряд разгромил самооборону в деревне Конюкай (Конюхи). Эту самооборону вооружили немцы против партизан. Во время боя там погибли и мирные жители. Это, говоря сегодняшним языком, семьи полицаев. Так вот, нельзя было их трогать. Надо было, как немцы, селекцию устраивать. Партизанский геноцид получился.

Меня очень резануло, как выживший в рижском гетто пожилой умный человек сказал искренне, что он всю жизнь себе не может простить, что не пошел со своей матерью на расстрел. В Риге в гетто сначала расстреляли всех женщин, стариков и детей, мужчин оставили работать.

Люди почему-то были искренни перед камерой… Кто-то из интервьюируемых вспомнил, что среди десантников — партизан, засылаемых их Москвы, — особо примечал сибиряков. Очень светлые, исконно русские люди были напрочь лишены даже намека на антисемитизм. Или чистокровный еврей- разведчик в немецком вермахте, когда он говорил, что был близок к

самоубийству, потому что ему казалось, что он мало делает для Родины. Или командир словацкого еврейского отряда почти в триста человек рассказывал о Словацком восстании, как это было, как они дружили, как там была рота из евреев-ортодоксов….

— Саша, где будет показан этот фильм? Сможет ли его посмотреть белорусский зритель? Не предлагали ли вы его, например, Белорусскому телевидению?

— Русскоязычное ТВ сегодня, по-моему, как и в прежние времена, живет политико-историческими мифами и скармливает эти мифы зрителю. Много передергивания или подтасовок под ту или иную концепцию. И то, что эти концепции и представления не едины, как раньше, не помогает, а только создает мешанину в голове у неподготовленного человека. Выхваченные или подобранные факты и фактики вроде что-то говорят, и вроде все солидно, но все равно — о мифах. Я не делал этот фильм под заказ. Я рассказал о том, что узнал. А поскольку малоизвестных фактов было много, я их не нанизывал на какую-то концепцию «за» или «против». Просто попытался понять через Холокост, коллаборационизм и партизан, — что тогда происходило и с евреями, и с их соседями.

В фильме есть то, что не понравится кому-то в странах Балтии, в Польше, в Украине. Многое — о чем не принято говорить. Я сознательно не стал нагнетать скандальность каких-то фактов или моментов. Что-то пришлось разжевать, потому что на Западе на самом деле не так много знают о той войне. И в этом нет ничего удивительного. У людей короткая память. Иначе бы веками не повторялось одно и то же. В Израиле очень мало или почти не знают даже о самом факте существования еврейских партизан.

Я сделал этот фильм, как увидел. Сделал так, как хотел показать своим детям. Сделал — как подарок тем замечательным людям, с которыми встретился, пока над ним работал. Я ничего никому не доказываю этим фильмом, кроме себя самого. Есть древняя еврейская истина: «Если не ты за себя, то кто же? Но если ты только для себя, то зачем ты?» Значит, мне это было нужно. Разве может быть более серьезный стимул, чтобы жить и уважать себя?

Эрнст Неизвестный: «Любой художник, если он не проститутка, свободен изначально»

Эрнст Неизвестный, пожалуй, самый известный русский скульптор, живущий на Западе. Этот удивительный сильный человек в 17 лет пошел на фронт еще той, Второй мировой войны. Уже перед Победой он был тяжело ранен и почти похоронен — санитары везли его в морг, но уронили. Он пришел в себя и застонал от боли…

Имя Неизвестного особенно прогремело после печально знаменитого разгромного выступления Никиты Хрущева, которого возмутила выставка работ художников-нонкорформистов, а вслед за ней — и поэзия. В то время поэты и космонавты были «звездами» в стране. Как Андрей Вознесенский, которого Начальник публично, с высокой, как пропасть, трибуны призвал покинуть Родину, раз мол что-то не нравится.

Эрнст Неизвестный тогда, по сути, тоже оказался среди таких же «кандидатов». Он и уехал, позже, в семидесятых годах прошлого века. Сделав, между прочим, потом знаменитый памятник на могиле, раскаявшегося в своей тогдашней глупости, Хрущева.

Это было время, когда властители еще умели каяться.

А Неизвестному, который известный и который Эрнст, в Нью-Йорке, в его мастерской раскаиваться, по большому счету, оказалось не в чем.

Он с тех самых пор, как мальчишкой пошел добровольцем на фронт жил и творил то, что считал для себя важным и необходимым. Независимо от географии и, тем более, от власти.

Э. Неизв.: Свобода творчества не связана с заказами. Я и в Советском Союзе, как скульптор, делал заказы, но чувствовал себя свободным. Главное, это добиться права делать, что хочешь. Другое дело, когда это право достигается большой кровью и ненужными нервными потерями.

В России вся жизнь такая. Мы тратили колоссальные силы, преодолевая непонятно что. Это словно идешь по равнине, но постоянно борешься с камнями. Так что я всегда был свободен. Любой художник, если он не проститутка, свободен изначально.

Отъезд из страны в свое время стал серьезным шагом в моей

жизни. Но не в творчестве. Здесь, на Западе, просто намного больше технических возможностей.

А. Ст.: *И здесь, в США, вы получили, что хотели?*

— Я лично получил. Но это очень индивидуально. Для кого-то Запад может быть более губителен, чем даже жесткий режим. Меня устраивает, что здесь никто ничего не требует. Никто не дает, но и не просит. Один таксист мне сказал, что он, если хочет, спит до двух часов дня, но зато потом работает ночью. Хочу быть бедным — буду бедным. Хочу стать богатым — может и не буду, но попытаюсь. Хочу выставляться — буду. А не хочу — оставлю все дома. Здесь мир личного выбора. Но кому-то это тяжело, потому что есть люди, которые не способны жить без опеки и до гробовой доски ищут опекающих их пап.

— *Вы считаете себя таким сильным?*

— Я просто не люблю, чтобы меня кормили. Но и не люблю, чтобы у меня что-то требовали. Главное, чтобы оставили в покое. В этом, однако, есть свои неудобства, Иногда хочется, чтобы тебя ненавидели и любили.

Когда я работаю, то не думаю ни о чем постороннем. Если работа сделана искреннее, то она найдет своего зрителя. И, в отличие от конъюнктуры, надолго.

Художник не должен чувствовать себя неповторимым и уникальным. Но, если он делает что-то соответствующим его понятиям по правде, найдутся и близнецы.

Проблемы любого человека интернациональны. А национальное — это исторически сложившийся способ самовыражения, не больше. Но это исключает провинциальность, которая меня всегда особенно раздражала.

— *Это внешний раздражитель. А что вас раздражает в себе?*

— Снисходительность. Мне не нравится, что я отношусь к миру, словно мне в нем жить тысячу лет. И я смотрю на все из какого-то далекого прошлого или будущего.

Я завидую тем, кто может злиться. И еще тому, кому необходим успех, как стимул для работы.

— *Только не говорите, что сами равнодушны к успеху.*

— К успеху я отношусь цинично. Как к средству сделать то, что я хочу. То есть успех порождает возможность делать, но сам по себе он не доставляет наслаждения. Но я в себе это не люблю.

— *А что вы, наоборот, любите?*

— Когда я разбираю всякие человеческие качества, скажем, ум, честность, смелость, я пришел к выводу: больше всего мне нравится воля. Иногда даже воля к злому действию, если она сконцентрирована и может вызвать у меня некое этическое восхождение. Именно это качество я в себе культивирую.

Скажем, встаю, если мне нездоровится, обливаюсь холодной водой, продолжаю работать. Даже не важен результат труда, Важно — что-то преодолеть. Это греет.

Очень странно, но я частенько думаю, что мне не нравится в людях. Это оказалось очень трудно. Глупость может быть разной, смешной. Жестокость омерзительна, но иногда она бывает красочной, как жестокость Цезаря Борджии или Леонардо.

Но, пожалуй, больше всего мне не нравится в людях необоснованная претензия. По- моему, это самое страшное качество. И зачастую оно становится причиной не только личной или семейной трагедии, но и социальной. Очень многие трагедии мира покоятся на необоснованных претензиях.

— Похоже, художнику все равно где работать. Но США все-таки страна специфическая, даже для Запада. Как у вас сложились отношения с Америкой?

— Географическое местоположение тела не имеет для меня значения. В первый же день эмиграции я оказался в Австрии, взял воск и начал работать. И мой обычный день в США отличается от российского только тем, что здесь мне никто не мешает работать. Человек похож на телефонную книгу, особенно когда ему много лет. Накапливается какое-то количество раздражителей, разных имен.

Обратите внимание, как легко можно отличить нового иммигранта от старого. К новому очень трудно дозвониться, а к давнему — легко. Потому что у него уже все «утрясено». И телефон всегда работает, и не занят. Он телефоном пользуется по делу или, реже, «по дружбе». А новый иммигрант телефоном пытается восполнить оставленную где-то там, в прошлом доме, свою телефонную книжку. Таким образом он заполняет свой психологический вакуум.

В этом смысле творческий человек, во всяком случае я, оказывается более счастливым, потому что этот вакуум заполняется творчеством.

Я переполнен видениями, которые нужно выразить. Если хотите, это самая настоящая психотерапия.

У меня на Западе с самого начала с творчеством было все в порядке. Трудным оказалось иное — новая система взаимоотношений и привычек.

По мере узнавания здешней жизни и языка миф об американской глупости и некоммуникабельности для меня разрушился. Просто у меня свой круг. Я член многих организаций, университетов, ассоциаций и прочее…

— Но разве «членство» когда-нибудь избавляло от одиночества. Тем более, что это социальные, а не человеческие

проявления жизни?

— Я обязан быть одиноким. Не люблю приемы, визиты. Мне приходится участвовать в этом по необходимости. Я думаю, что русские иммигранты несправедливы к Америке. Если бы они поселились в китайском квартале, то вскоре бы утверждали, что все американцы — косоглазые.

Все зависит от среза и среды, в которую попадает иммигрант. К сожалению, очень часто наши приезжие попадают не в местную среду. Конечно, когда интеллигент из Санкт- Петербурга вдруг оказывается в украинской Жмеринке, то там ему будет плохо. Если же он попадет в Гарвард или университетскую среду, но здесь ему будет не хуже и не лучше. Просто по- другому. Но, если он оказался в незнакомой для себя среде, то еще не значит, что достойной ему среды нет, а мнимый или действительный уровень отсутствует.

В свое время, когда я жил в нынешнем Екатеринбурге, у нас дома был своеобразный клуб, где были действительно интересные и замечательные люди. И, когда я затем переехал в Москву, то поначалу был шокирован глупостью и невежеством москвичей. Так было сначала. Затем я понял, что Москва более напряжена в интеллектуальном плане, появились знакомые, друзья, свой круг. Все встало на свои места.

Посмотрите на Америку как бы сверху. Восемьдесят процентов нобелевских лауреатов живут в США, а населения меньше, чем в Европе. Посчитайте количество библиотек, издательств — ни с одной страной не сравните.

Только в Нью-Йорке полмиллиона художников и все так или иначе занимаются своим делом. Так что с Америкой у меня серьезных проблем нет.

Вот мы с настоящими друзьями теряемся, это другое. Мои близкие духовно люди, еще по Москве, сегодня кто где. Но я радуюсь, слыша об их успехах.

— Они тоже, в разных сферах, могут позволить себе быть свободными художниками?

— Конечно. Я же не работаю по заказам. Все свое творчество я рассматриваю как отдельные фрагменты своего цикла «Дерево жизни». Мои работы — не более, чем часть этого цикла, которые попадают в коллекции, продаются. Отдельные работы выливаются в самостоятельные циклы. Скажем, я дважды во времени иллюстрировал «Ад» Данте. Получилось около ста графических полотен. Но все это часть «Дерева жизни», что и является самой моей жизнью.

— По-моему, вас не назовешь художником, отражающим просто жизнь.

— Я никогда и не был иллюстратором. Меня интересует метафоричность, многослойность, пространство времени и чувств. Социальные темы меня не интересовали. Наверное поэтому мне так близки Беккет, Достоевский, Данте.

Когда моя мать приехала ко мне в США, то привезла мои старые рисунки, сделанные. когда мне было десять лет. Но и тогда у меня оказалось то же восприятие мира, что и позже: те же маски, гиганты, кентавры, руки, те же метафоры.

— Выходит, вы, по сути, мало изменились со времен детства?

— Единственное, чем я занят всегда — это работой. И еще, всю свою жизнь я отбиваюсь от тех, кто мне мешает.

В России я отбивался от глупости. Здесь, на Западе, я отбиваюсь от финансовых проблем и любопытства публики.

Давно, будучи еще в России, я как-то разложил свои работы в хронологическом порядке и обнаружил странную вещь: даже в самые напряженные периоды моей жизни, а таких, поверьте, достаточно, мои работы принципиально не менялись. То есть жизнь и творчество не совпадают.

То, что я делаю исходит из закрытых глаз — а не открытых. У меня нет признаков цвета или даже времени, ни серпов и молотов, ни пяти-, ни даже шестиконечных звезд. Даже крест у меня не символ христианства, а просто человек с раскинутыми руками. И знак страдания. Крест, как и яйцо, любимые мои символы.

Раз уж об этом заговорили, что в Ватикане, в личной коллекции Папы Римского есть и мой крест.

— Ну вот, значит вы все-таки радуетесь не только за других, но и за себя тоже?

— Когда-то в рабочей столовой, где была довольно противная пища, один спросил другого: «Когда же ты наедаешься?» — «Когда начинает тошнить», — ответил рабочий.

Так и у меня. Когда я устал, значит все в порядке. Но у меня почти постоянное чувство неудовлетворенности, хотя оно и не принимает характер клинической депрессии Ван Гога.

Думаю, это нормальное состояние здорового творческого человека.

Амос Оз: «Есть вегетарианцы, которые готовы съесть живьем любого человека, который ест мясо»

Амоз Оз один из самых известных современных израильских писателей: и в стране, и за рубежом. Мне неожиданно напомнил о нем, сняв с полки одну из книг, товарищ в Беларуси — Ты с ним не встречался? Странно. Было бы интересно посмотреть на него вблизи, послушать. Он, наверное, популярен и у русских… Я промолчал. А что оставалось делать?

Друзьям не врут, поэтому их так мало.

Но вскоре я уже ехал в небольшой городок на юге страны, договорившись, с колес, о встрече с человеком, которого несколько раз выдвигали на Нобелевскую премию по литературе, чьи книги переведены на десятки языков, а его имя знают далеко за пределами Израиля. Те, кто умеет читать.

— В Москве на русском языке вышла ваша во многом автобиографическая книга «Повесть о любви и тьме». Так чего, в конце концов, в этом мире больше?

— Нет любви без тьмы и, по крайней мере, во всем мире, там, где есть тьма — надо искать любовь.

— А зачем? Разве она тогда не становится наказанием?

— Это зависит от тех, кто любит. Очень легко превратить любовь в наказание, если из нее делают оружие. Особенно, когда она становиться орудием власти или тех, кто у власти. Я не из тех людей, которые думают, что любовь это вещь сладкая. Но, тем более, о ней надо говорить. И особенно во тьме.

— Кому говорить? Разве в сегодняшнем мире кто-нибудь слушает друг друга?

— Я полагаю, что да. Люди говорят, что никто не слышит другого, но, посмотрите, сколько людей любят сплетни, с какой радостью они передают и распускают их вокруг себя. Я в своей книге как раз подтверждаю, что сплетни и литература — это двоюродные сестры. Конечно, они не говорят друг другу «здравствуйте», встретившись где-то на улице и литература несколько стесняется, что она родственница сплетни. Но у них один и тот же интерес — узнать что-нибудь о другом человеке. И даже что происходит на кухне у соседки. Мы хотим узнать, особая ли это тайна, там, у другого или она такая же как моя.

Я полагаю, что человек, который лишен любопытства —

аморальный человек. Когда пишешь, есть естественное желание стать тем, о ком ты повествуешь. Если мы вошли в шкуру человека, если одели его одежду, впустили его мысли, то мы не будем ближних своих принимать ни с фанатичной любовью, ни с фанатичной ненавистью. Именно простое любопытство порождает приязнь к другому человеку. А приязнь — мать плюрализма и основа терпимости.

— Почему же тогда вокруг так много ненависти друг к другу?

— Потому что мы продолжаем жить в эпоху фанатизма, который распоясался и бушует во всем мире. Налицо сегодня такая волна в исламе, есть в христианстве и, к сожалению, такая же волна есть в иудаизме. И у крайних «слева», и у крайних «справа».

Есть такие вегетарианцы, которые готовы съесть живьем любого человека, который ест мясо. Так же есть пацифисты, которые с удовольствием пустят мне пулю в лоб, только потому что у меня иные мысли о том, как установить и построить мир в этом мире. Я думаю, что этот ген фанатизма существует в каждом человеке. Бывают такие периоды, когда он вырывается из-под контроля и начинает буйствовать. И мы как раз живем в такой период.

— А как вы относитесь к глобализации? Она-то, вроде, призвана объединять и сглаживать?

— Смотря какая… Если глобализация призвана построить единую мировую семью, то это хорошо. Но, когда она не более, чем иное определение общественного дарвинизма, борьбы за выживание, добра не жди. У глобализации есть и лик великой надежды, и личина зла. И проблема не в форме. Неважно, что люди едят во всем мире: тот же «макдональдс», или итальянскую пиццу, или фалафель, наш национальный продукт. Не это влияет негативно. Национальные, аутентичные культуры стираются и это очень жаль.

Меня серьезно беспокоит, что происходит инфантилизация всей мировой культуры, постоянная промывка мозгов, которая непрерывно ведется с помощью рекламы. Когда огромные мегафоны, которым позавидовали бы и Геббельс, и Жданов, дни напролет, бесконечно, убеждают нас только в одной вещи — купите, купите, купите… Это и есть страшный процесс инфантилизации, превращающий весь мир в единый детский сад. Там едят — что скармливают. И верят, что говорит старшая нянечка. И ничего особо не хотят, кроме возможности поиграть в игрушки. И это совсем не потому, что Иисус когда-то сказал — Будьте, как дети, и вы будете счастливы. А потому что дети — самые замечательные потребители, они готовы купить абсолютно

все, что им предложат. И принимать это, как норму.

Тысячи лет человечество боролось, чтобы достичь какой-то зрелости, а нынешний глобальный детский сад, с новыми техническими возможностями, возвращает нас к младенческому возрасту. Но этот младенческий возраст человечества очень жесток, в нем нет ни сострадания, ни жалости.

— Ну и кто слушает сегодня писателей, когда пришло время пиарщиков, рекламщиков, менеджеров, а то и моделей?

— Может, никто меня и не слушает — и что? Я должен замолчать, прекратить разговаривать? Мы все время разговариваем, дни и ночи напролет. Независимо о того, слушают нас или не слушают. Так это и в семье, и в политической жизни, и во всем. Но я верю, что прекрасная и живая идея никогда не потеряется. Возможно, она пролежит в земле сто лет, как это случается в пустыне, где мы сейчас находимся. Здесь зерно, заброшенное, может валятся много времени и потом вдруг прорасти. Оно просто ждет своего часа. И в один прекрасный день прольется дождь и зацветет колос. Может быть, меня уже здесь не будет, чтобы увидеть это. Но разве это важно? Может быть, я приду сюда снова, уже не в своей телесной оболочке и увижу, как это станет красиво и хорошо.

— Вы верите в реинкарнацию или в Бога? Извините, за интимный вопрос…

— Я отвечу уклончиво. Я полагаю, что мы всегда можем пригласить наших мертвых к себе домой и разговаривать, когда мы этого захотим. Когда мои родители были еще живы, мы очень мало общались о самых важных сущностных вещах. Мы всегда говорили о темах, которые не столь важны. Например, о коммунизме, социализме, о Ницше, о Марксе, о каких-то текущих политических событиях. Но мы не разговаривали ни о наших чувствах, ни о наших страхах. Некогда было — за другими разговорами.

И вот, родители мои умерли уже десятки лет назад, и я их приглашаю, как и других знакомых, ушедших в мир иной. Я говорю тем, кто ушел от нас — Присаживайтесь, выпейте чашечку кофе и мы поговорим обо всем, о чем мы не поговорили тогда, когда вы все были живы. А потом я вас познакомлю с женой и моими детьми, которых вы не знали. Не успели узнать. Пришло время, чтобы вы все познакомились. А потом я говорю — Еще чашка кофе и давайте простимся, вы не будете жить у меня. Но вы всегда сюда приглашены и обязательно еще придете. Именно так я написал свою последнюю пока книгу «Повесть о любви и тьме».

— А с Израилем вы успеваете поговорить? Это та страна, который ваши родители и вы хотели построить?

— Израиль родился в монументальных снах. Всякие сны находят свои ворота. Здесь среди первопроходцев были люди, которые хотели возродить библейские времена. Были социал-демократы западного типа. Были и те, кто хотел построить марксистский рай на этой земле. А кого-то устраивало и просто создание еврейского местечка-штетла. Поэтому здесь всего понемногу.

Но понятно, что Израиль — это разочарование. Единственный путь, чтобы твоя мечта осталась жива, цела и невредима в том, чтобы никогда не воплощать ее в жизнь. Как только мечта воплощается, вы всегда ощутите привкус разочарования. То же самое происходит, когда ты построишь наконец свой дом, когда ты напишешь роман, когда воплощаются твои сексуальные фантазии. Так же случается, когда ты строишь свое государство. Разочарование в Израиле это не исконное качество этой страны. Это природное качество мечты, сна. Я люблю Израиль, даже в те дни, когда он для меня невыносим. Это маленький дом, с хлипкими стенами, который выстроен из великой мечты. Но я люблю и великие сны, и великие мечтания, и этот маленький дом.

— А как вы относитесь к тем, кто считает, что евреи — избранная нация?

— Если евреи и избранная нация, то только в том, чтобы Господь наказывал ее постоянными ударами. Я не хочу такого избранничества и не верю в особенные народы или расы. Я с трудом верю в избранные мгновения жизни, вот они бывают и, причем, всегда очень личные, а не общественные или государственные.

— Значит ваши избранные мгновения связаны с одиночеством?

— Одиночество — это моя верная подруга. Я никогда не бываю один. Я всегда со своим одиночеством. Так что нас всегда двое: я и мое одиночество.

— Но в этой стране невозможно жить только с собой. Какое будущее вы видите у Израиля?

— Я думаю, что нам надо выйти из всех этих драчек с арабами. Теперь это опять стало вопросом жизни и смерти. И для нас, и для арабов. Если мы выберемся из этой потасовки с ними, то Израиль, увы, раем не станет. Мы всегда будем страной криков и противоречивых конфликтов, потому что сам Израиль — производное от мечтания и снов. Но внутренний культурный конфликт — это замечательный климат.

Здесь есть семь миллионов граждан и семь миллионов глав правительств, семь миллионов пророков и семь миллионов Мессий. Такая явь производит громадный шум и жизнь порой

невыносима. Но это полезно для культуры.

— Какой культуры? В век интернета и, как вы сами сказали, постоянных призывов покупать и снова покупать? И, как правило, не книги…

— Это происходит у нас на глазах, но все равно останутся люди, которые будут по настоящему любить книгу. Не думаю, что библиотеки мира закроются в один день и их двери будут забиты досками. Все равно, туда ворвутся какие-то молодые люди и будут там читать при свете карманного фонаря.

Возможно, останется немного людей, которые будут читать книги, но всегда останутся те, кто не сможет жить без них. Это чувственная приверженность, без которой кто-то просто не может жить. Интернет с собой в постель не возьмешь и с ним не испытать ту эротическую радость и наслаждение, когда ты впервые открываешь новую книгу, у нее особый запах, листы ее пахнут типографской краской и клеем. Это почти сексуальное чувство. Те, кто испытал его, эту радость, тот никогда не изменит ему с интернетом.

— У каждого своя любовь… Но в разных-разных странах я встречал очень похожих внутренним светом людей.

— Мы ведь все знаем историю про вавилонскую башню. И так же знаем, что в человеке есть и любовь, и тьма. Более того, в самой любви опять есть тьма, эгоизм и насилие. Помните, Карамазов говорит, что душа человеческая слишком широка. Он бы ее немножко подсократил. Я же считаю, что не стоит трогать душу, а принимаю ее такой, какой она есть: и с ее любовью, и с ее тьмой. В моем понимании, это и есть творчество, направленное к человеку и о человеке.

Я сворачиваю интервью, и Амос, почувствовав это, спрашивает почему, ведь мы говорим почти час и он совсем не возражает против интересного, по его мнению, разговора. Так и пишет потом в подаренной книге. Но я же не могу ему сказать, что моя телевизионная программа, согласно каким-то требованиям «детсадовских» форматов, должна состоять из трех сюжетов, а я и так беру на себя риск, отрезав почти половину, разбить в кровь этот разговор на две части, да и то выпустив их с разницей через неделю. Хотя бы по двенадцать минут. По нынешним меркам он не более, чем «говорящая голова», а это сегодня, похоже, никому не надо. Надо движение, которое — все. И ничего. Так проще жить. И управлять.

— Знаешь, — говорит Оз, ничего не подозревая, когда, сварив кофе, пригласил присесть поговорить ни о чем — До тебя недавно здесь была группа из Би-Би-Си, четыре человека. Там, в Лондоне,

есть такая популярная программа «Профиль» — встреча с писателем или художником, знаковым в той или иной стране, почти на час эфира. Так, вот, они писали меня очень много, правда в нескольких местах, больше недели.

— Я бы тоже, если бы было эфирное время, писал бы тебя в киббуце, дома, в Иерусалиме. За день…

— Вот-вот, они примерно так и делали. Но у тебя в разговоре уложилось то, на что им понадобилось несколько часов. Приятно было сегодня работать. А бюджет у вас, телевизионщиков, приличный. У них, я спросил, около ста тысяч фунтов, включая командировочные.

Я сглотнул всю чашку. Это было слишком. Наверное, он оговорился. Но я всегда не ладил с цифрами: считать — не просчитывать.

— Еще кофе? — спросил Оз, долил в чашечку и продолжил — в Москве, конечно, поменьше платят за хорошую работу, но значит что-то идет к лучшему, если уже начали снимать у нас не только молоденьких девочек с автоматами и столкновения с арабами. Или это вы сами… за флажки?

Я пожал плечами и посмотрел в окно.

Мне было уютно в его песочнице: и в комнате, полной книг вокруг письменного стола, и с ним, одним здесь, но не одиноким. Наверное, кто-то из его близких или просто им уважаемых людей уже подсел, невидимый, где-то рядом. А может кто-то из моих подтянулся, на огонек.

Уже густо темнело и соседи, пришедшие с работы, зомбировались на тв-ящик и отдыхали в его орущем позитиве, наполняясь оттуда детскими желаниями и радостями. Подальше от ответственности за себя, к игрушкам. Пока не подсунут или настоятельно посоветуют купить какую-нибудь новую.

Как у других, чтоб не хуже, любимую, время от времени.

Благо их сегодня много — тьма тьмущая…

Обед с миллионером (Германия)

— Давай, я тебя познакомлю с русским миллионером? — спросил знакомый, живущий, здесь, в Берлине, уже более десяти лет.

Он удачно продал в Москве большую квартиру родителей, избавив себя и жену от обязательной необходимости работать, чтобы выживать, перевез стариков в Германию под убедительным предлогом преимущества западного лечения, бесплатного для пенсионеров-эмигрантов, направил их получить государственную квартирку под знаменитый немецкий «социал» и радовался окружающему миру.

И себе.

Времена, когда люди гордились тем, что сами построили свою жизнь прошли, как паровозы, выглядели смешно и глупо. Более того, это также бессмысленно, как выстраивать свой путь и преодолевать, нарываясь на удары, когда можно направить себя конкретно на то, чтобы выхватывать и брать, получить и наслаждаться. Мир — это скопище красивых вещей и обладание ими дает уважение других.

— А самоуважение?

— И это тоже. Иметь то, чего у других нет. Или есть, но хуже и дешевле.

Мы сидели в кафе недалеко от моей непритязательной гостиницы, то ли для туристов, то ли почасово — для любовников, пили кофе и я не очень понимал, зачем он мне все это расказывает.

— На работу за заработок ходят неудачники, вырезающие магазинные купоны со скидками, берущие кредиты на телевизор и откладывающие деньги на летний отпуск. Удачливые деньги не зарабатывают, а делают. Сразу и много. А потом стараются их уберечь, чтоб другие не вырвали или государство не ограбило. Это и есть настоящая работа.

Он считал себя уже почти немцем и небрежно оставлял щедрые чаевые. Чаевые, они же тоже форма самоутверждения.

— Ты не представляешь, — объяснял он. — Миллионер приехал тридцать лет назад из каких-то Черновцов, крутился, но потом, на его счастье, русские начали выводить свою армию из Восточной Германии. Генералы рванули распродавать все, что можно, кроме Родины. Она ничего не стоит. Тогда он и поднялся, как многие, у кого хватило ума вовремя здесь оказаться, по

западную сторону границы.

— А что в нем интересного? Миллионер — это не показатель. Ну, вилла у него, а не квартира. Дорогая машина, а не «Фольксваген». Унитаз золотой вместо обычного. Какая разница, куда сливать воду. Главное, чтобы был своим и чистым…

— Да я не об этом. «Фишка» для тебя в том, что у него, пожалуй, самая лучшая среди русских в стране коллекция машин. И среди них — уникальный кабриолет «Пантера» и настоящий «Форд» 1928 года. Без единой новой детали. Причем, на ходу. Снимешь необычный сюжет в свою программу. Заодно и прокатишься — будет, что вспомнить.

Уже поутру, у гостиницы, на тенистой берлинской улице, в центре, меня подобрал шикарный кабриолет. Приятель, восхищенный до пунцовости, сидел рядом с водителем, миллионером, обутым во внушительное кольцо с бриллиантом.

— Давайте мы сначала заедем в один их моих гаражей, под квартирой, — достойно предложил хозяин машины, в рубашке с бабочкой и соломенном канотье, словно выплывший из столетней давности милого доброго «етро». — А потом прокатимся по Берлину на настоящем «Форде».

Коллекция раритетных «Харлеев-Дэвидсонов» с серебристыми баками и позолоченными знаками и вправду оказалась замечательной.

— Человек вправе собирать то, что ему нравится. Кто-то — марки, кто-то пробки от бутылок, а кто-то редкие машины. Всё зависит от возможностей и интереса, — рассказывал миллионер и, вправду, не дурак. — Стремление к красоте — одни из стимулов в жизни. Вот, например, эта модель…

Я записывал его пояснения и в их дыму рубил картинку, как дрова в свой паровоз, летящий вперед безостановочно.

Затем мы ездили по городу. «Форд» был очаровательным, но жестким и микрофон потрескивал, что выдавало наличие какой-то электроники. Но я не стал спрашивать, а вдруг смутиться. Не соврешь — не продашь. А иначе как, в большинстве, становятся миллионерами?

Прохожие берлинцы часто останавливались и провожали нас любопытными, но не завистливыми, взглядами. Все было пасторально мило. Наставляя камеру, мы несколько раз беседовали о машинах, увлечениях и просто — о смыслах. Без смысла русскому никуда. Разве, что далеко-далеко, но это тоже по- русски.

— Закончили? — спросил миллионер, довольный, что

показал, как удалась его жизнь.

— Закончили, — ответил я, довольный, что удался сюжет.

— Тогда давайте пообедаем, — предложил он и я почувствовал, как под ложечкой засосало. Томно и сладко.

Стол после съемок, когда одна часть мозга работает с камерой, звуком, видеорядом, а другая — отслеживает и выстраивает разговор — одно из реальных повседневных наслаждений. И дело не в голоде или хорошей еде. Стол — это возможность оттаять, отдохнуть и поговорить наконец с героем съемок, тоже расслабленном, о нем самом, о ценностях, а не ценниках. И о настоящей стоимости. Человек же не манекен с биркой на лацкане. Он же теплый.

Знакомый мой тоже оживился. И в глазах его уже горели предстоящие разговоры дома и вне дома о том, что такое оказаться за одним столом с миллионером. Самим. Обед с президентом или миллионером — это вам не хухры-мухры. Не каждому сподобится.

Мы поехали по Берлину, проскочив торговую Курфюстердам и выйдя куда-то к новому району больших магазинов и ресторанов. Берлин, он большой, а мы ехали и ехали.

— Я хочу показать тебе настоящую немецкую еду, — переключил скорости миллионер. — Но она, эта еда, на уличных стойках, где продают сосиски с горчицей. Это что-то…

Мне было все равно. Тем более, бывая в Германии не раз, что такое немецкие сосиски с горчицей я знал также хорошо, как свиной стейк с кислой капустой.

— И здесь, и там лотки почему-то закрылись — раздраженно сказал миллионер, выкручивая раритетный «форд», образца 1928 года, с главной дороги на какой-то бульвар — Посмотрим еще в одном месте…

Мы крутились по центру уже где-то полчаса. Но сосисок с горчицей, похоже, больше в Берлине нигде не было. Приятель ловил взгляды прохожих, насыщаясь. А мне почему-то захотелось выскочить на улицу, пройтись с людьми мимо витрин. Но миллионер не отпускал.

— Знаете — надавил он на газ — Не судьба, выходит, с сосисками. Давайте лучше встретимся в ресторане, недалеко от вашей гостиницы. Часов в семь. Там на втором этаже есть уютные отдельные столики. Это китайский ресторан с великолепной кухней. Вы любите китайскую кухню?

— Я люблю всё…

Мне уже было весело.

— И всех, — вставил свое знакомый, явно расстроенный.

Облом, он и в Берлине черный.

— Ну, и отлично, — успокоился миллионер. — Я приду с женой, там и посидим спокойно. Постарайтесь быть в своем номере после пяти.

Свой телефон он не оставил. Миллионеры, они же «шифруются», мало ли кто…

Мы разъехались — каждый в свою сторону. А куда же еще? Я прогулялся, отдыхая, и снова выпил кофе. С булочкой. Берлин — замечательный город, спокойный, безопасный и доброжелательный. Есть не хотелось — хотелось жить. Всю работу, и запланированную, и экспромт, я уже сделал в Берлине и Кельне. Достаточно. Вечер и завтрашний день можно отдать только себе.

После пяти часов миллионер позвонил и сообщил, что у него возникли какие-то несоответствия планов с женой. Поэтому сегодня ресторан отменяется и он приглашает меня на завтра, часам в двенадцати, на его большую жилую яхту, за городом, где он намерен дать не какой-то там китайский, а лично свой обед на террасе, под парусом.

— Вы обедали под парусом? — почему-то спросил он, видимо, чтобы я оценил необычность приглашения.

— В Германии еще не обедал — заценил я. И пошел ужинать к китайцам.

Знакомый тоже больше не звонил, впечатлительный, и не появился до самого моего отъезда. Пропал.

Видимо, взял свои деньги за съемку или миллионер его «кинул».

Я тогда об этом даже и не подумал. И потом не подумал — не до этого было, работая, как неудачник, по всему миру.

Но я был доволен, что видеорассказ о русском коллекционере раритетных машин и мотоциклов в Германии будет интересен, особенно мужчинам.

Утром он снова позвонил, как договаривались, пунктуально, по-немецки. Но что-то у него опять не складывалось с яхтой. То ли нужного повара в Берлине не оказалось. а других нет, то ли с продуктами напряженка.

— И что он от меня хочет? — только и подумал я, уже груженный кофе в соседней уютной забегаловке.

— Давайте завтра созвонимся, — сказал миллионер. — Мне очень хочется с вами посидеть.

— Сядем, — мне было и смешно, и немного грустно. Так бывает, когда становится неудобно за кого-то, дешевого. — Но, я же говорил, что завтра уже улетаю, да еще из Франфурта. Так что

как-нибудь в другой раз.

— Обязательно, — вздохнул миллионер с сожалением, — ваш приятель бывал у меня и дома, и на яхте. Ему понравилось. Жаль, что вы не живете в Берлине.

«Почему жаль? Я живу», — подумал я, неблагодарный. Но промолчал.

Прикинул время и набрал номер давнего моего товарища, берлинца, которого не хотел беспокоить, поскольку не знал своего расписания, с учетом практически всегда неожиданным тем и съемок.

Товарищ уже двадцать лет принципиально не хотел работать в Германии, «на немцев», но жил на пособие, тот же «социал», катаясь для разнообразия то в Россию, то в Украину.

— Откуда ты свалился? — завопил он в трубку, не давая даже вставить слово — Бери метро и немедленно приезжай. Адрес простой… Да, чуть не забыл. Ты извини, но у меня в холодильнике только пиво, да еще сосиски. Зато настоящие, немецкие. С горчицей….

Швейцарский транзит (Швейцария)

В тот год я первый раз въехал в Швейцарию. На машине.

У границы только притормаживали, но документы никто не смотрел и я пошел по продолжению немецкого автобана на юг, в сторону Цюриха и потом — Италии. Мне и в голову не пришло, что дороги в этой стране платные — так швейцарцы доят немецких и французских автотуристов, идущих через них к морю. И стоит это где-то 70 или 80 долларов. Богатая страна, на транзите — и работать не надо. Взымай!

Мне не повезло, потому что где-то впереди произошла авария и возникла пробка. Свернуть на проселочную было некуда, да и горы вокруг. Это потом, в другой раз, я уже петлял по стране, поднимаясь и опускаясь в крутых, но ухоженных закоулках Альп. А тогда дисциплинированные европейцы покорно ждали, пока впереди откроют движение. На двух местных полицейских, гуляющих вдоль многокилометровой колонны машин, сначала и не обратил внимания. Шляются тут всякие. Но они подошли сами.

Оказалось, что у меня на ветровом стекле нет стикера об уплате пошлины за проезд в Швейцарии. Наверное, это было глупо, но я действительно не знал и объявление об этом на границе не видел. Ехал и ехал. Мы немного поспорили, для приличия, машины не двигались и я проплатил их долг и смысл существования — за стикер и штраф, итого… 200 долларов, как раз обмененных при въезде на их франки.

Еще минут через сорок, пошло движение, но я понервничал, решил отвлечься и съехал, поднявшись, в какой-то маленький поселок на склоне горы с замечательным видом на Альпы. Неподалеку был и небольшой магазинчик, скорее киоск и я почувствовал, что давно не ел и, стоя в пробке, высох и чувствовал себя сухим, без остатка, козлом.

— Чашка кофе, булочка и пакет сока….

— Извини, — сказал хозяин, лет сорока пяти с легким пивным подбрюшьем. — Только швейцарские франки.

— А доллары? Английские фунты?

— Не берем. Если вы спуститесь на трассу, то впереди будет бензоколонка и торговый комплекс. Там меняют, при покупке, на кассе любую валюту.

— Черт, — мне явно не везло сегодня во всем. — И зачем я поперся в эту Швейцарию, если можно было идти через Австрию. Там, как и в Германии, полиция поприличней. А здесь…

— А что случилось? У хозяина явно было и время, и настроение поговорить. Туристы сюда заскакивали только случайные и не так часто.

— Да ничего особенного. Глупо попал на большой штраф, никто не предупредил о платных дорогах. Да и полицейские, исполнительные, как гестаповцы, попались. Подразделили и деньги есть, а толку?

— Случается, — кивнул головой хозяин. — Как нарвешься. Может в туалет надо? Я бесплатно открою.

«За экологию испугался, — зло подумал я. — А может и вправду обоссать хотя бы их дерево?»

Но деревьев околачивалось много, а я был один.

Туалет оказался чистым, как трусы жандарма. Пахло ананасом, а над умывальником висел аппарат с богатым набором презервативов: на любой вкус и цвет. Всё для культурного отдыха. Без лишнего напряга.

Я бережно прикрыл дверь, благодарно отмахнулся рукой хозяину и пошел на травку, вдыхать горный воздух и собираться — опять на трассу. Кататься там я уже мог хоть целый год.

— Эй, — кто-то осторожно тронул меня за плечо. — Возьми, перехвати пока поедешь.

Хозяин киоска осторожно положил рядом со мной пластиковый стакан с кофе, сок и булочку.

— Так у меня же пока нет ваших франков?

— Ну и что? Возьми…

— Может хотя бы доллары примите? — завел я свою волынку.

— Не надо. Я же не полицейский.

И мы оба рассмеялись. От души.

Люди всегда и везде найдут общее. Надо только обязательно что-то потерять…

О, Канада

— О, эта Канада, — мечтательно пропел Валера, ветеран спортивной журналистки, и разлил нам «по пять грамм» водки, настоянной на кедровых орешках. Для запаха. Или наоборот, от него. Смотря, с кем потом придется иметь дело. — В первый день, в Монреале, я спросил там у знакомого русского, Мони из Днепропетровска: «А когда у вас появляется клубника?»

Дело было во второй половине июля, но на лотке, на улице, лежала она самая, сладкая и мясистая, как продавщица. У нас, в Киеве, в Украине, где палка в земле пускает ростки, ягоды уже давно не было. Отошла, по сезону. А здесь, вроде гораздо северней…

И я спросил у Мони: «Когда у вас, в Канаде, появляется клубника?»

— С восьми утра, — пожал плечами Моня. — Когда же еще?

И Валера на всю жизнь влюбился в эту страну. И было за что.

— Ты помнишь олимпийские игры в Монреале, летом 1976 года? — подчеркнуто риторически спросил он. Разве есть люди, жившие в период тех или иных олимпийских игр и не знающих о них? Валера этого не понимал.

— Не помню. Я тогда был в армии, у черта на куличках в Монголии. У нас была совсем другая жизнь. Наша. И другие игры.

— Ну, да, — согласился Валера. — А я полетел в Канаду с украинской делегацией, как журналист. Вместе с женой, спортсменкой. Монреаль нас озолотил и подарил первую машину в семье. По советским временам, большой дефицит. А началось все еще в полете. Жена, она спортсменка, ну ты понимаешь, говорить не о чем, и в этот раз меня не послушала. Все тащили на Олимпиаду черную икру, водку, пластинки.

— Советские пластинки? — переспросил я, недоверчивый.

— Ну, да. Какие же еще? Софию Ротару украинские канадцы расхватывали по цене джинсов. Продукты брали с собой, почти сухари. На день государство нам выделило пятнадцать долларов, правда с отелем и завтраком. Но что на эти деньги для дома-для семьи купишь? Вот и тащили с собой кто, что мог. Короче, моя спортсменка вдруг в полете заявила, что сунула в сумку буханку черного хлеба. Какой хлеб? Надо было галеты брать. Их надолго хватит. А хлеб на третий день испортится. Отругал я ее. Но с хлеба этого и начались у нас олимпийские радости.

В первый же день в отель пришли местные украинцы, уже немолодые. Такая встреча была имени дружбы земляков. Нас,

конечно, инструктировали как с ними себя вести. Но, главное, не брать литературу и порно, если будут предлагать. Они и не предлагали. А один, фермер из глубинки, вдруг стал спрашивать нас: «А есть ли у кого кусочек родного украинского хлеба? Хоть черного, хоть белого». Я и сказал, что есть. Думал, поделиться. А он, как целую буханку увидел, весь затрясся и говорит, мол, продайте.

— Сколько? — говорю. И он выложил… триста канадских долларов. Богатый, видно, фермер. Здесь же, сразу и отстегнул заветные. Так мы друг друга и осчастливили.

Следующий день оказалось еще краше. На пресс-конференции познакомился я с канадским коллегой, фотографом. Он пригласил всех нас, журналистов из Украины, к себе домой, здесь же, в Монреале. Советские, да еще неофициальные лица, тогда были в диковинку и люди везде встречали нас тепло. Кто захотел, к нему и поехал. Квартира такая симпатичная, но не своя, на съем. Своей нет. Ну, думаю, бездомный ведь, по сути, а по виду и не скажешь. Только вошли, коллега нам предлагает широким жестом: «Что будет пить? Виски, джин-тоник, вино?» Понятно, что виски. Женщин среди нас не было. Хотя… Я еще подумал, нам больше останется. Он берет бутылку и каждому в большой стакан — прызг. И все тут. Это у них называется «дринк»? 33 грамма на глотку. В крайнем случае, потом можно повторить. Посидели, поговорили, больше улыбались. А я перед походом, в номер к себе заскочил и сунул в сумку, четыре бутылки настойки с перцем по сорок градусов. Самая лучшая температура для полноты жизни. Наши еще посидели, для приличия, и ушли. По магазинам шататься: гулять — так гулять. Я ему и предложил по рюмочке украинской, народной. Он туда еще лед бросил, но выпил пару рюмок и загорелся. Куплю, без разговоров, если есть. Я ему три бутылки и выкатил. Он стал деньги предлагать, по двадцать пять долларов за каждую, включая уже початую. Но я тут увидел у него фотокамеру, полуавтомат, «Пентакс». Это же мечта… Выпили еще, раз начали, поторговались и на открытие Олимпиады я уже пошел со своей новой западной камерой и широкоугольником, в подарок к похмелью.

На праздничном стадионе прошли, как обычно сначала все делегации спортсменов, а потом стали показывать разные фигуры из гимнастов. Выскочили на поле и встали по периметру девушки в коротеньких мини- плащах, затем сошлись в центре и построились в цветные олимпийские кольца. Все под музыку и как бы в танце.

Вдруг с трибун к ним срывается какой-то чудак, на бегу сбрасывает одежду и заскакивает в одно из колец. Совсем голый. Причем не просто туда проскочил, а начинает танцевать. Мы переглядываемся, думаем, что у них, может, так и надо, так и задумано. Глядишь и такая же девушка, голая, выскочит, порадовать.

Короче, так мы ничего и не поняли, пока не увидели, что на поле бросились полицейские и стали этого парня хватать. Наши украинские коллеги, фотокорреспондент столичной газеты и главный редактор навели было свои камеры. Но у главного «Фэд» шестидесятых годов, а второй, на нервах, дернул спуск резко и пленка в нем порвалась. А я своим «Пентаксом» щелк-щелк, только наводи объектив на скандал.

Когда все успокоилось, торжества продолжились и оказалось, что главный редактор, отсняв, забыл снять крышку с объектива. И тут ко мне, когда уже выходил, подсуетились два канадца. Видели, говорят, что вы все снимали со своей трибуны, да еще близко к полю, не продадите ли снимки? А мне что? Я не на работе, а в делегации, группа поддержки. Отдал им пленку за триста американских долларов — наслаждайтесь. Не Олимпиада — а просто праздник. Все, что привезли — разбежалось, доллары сложились в приличную сумму и превратились в вещи, есть что отнести в комиссионку на Крещатике, к знакомому директору.

Но даже в последний день в Канаде меня ждала еще одна радость. Нас, на места соревнований возил специальный автобус, а для Монреаля устроители дали каждому пакет с билетами на проезд в транспорте. Понятно, что делегация все эти билеты не использовала. И у меня оставались. Уже перед посадкой в аэропорт, обратно, я спросил у других, нужны ли им эти бумажки, блеклые и бесполезные. Талон как талон. Большинство собрались выбросить, как хлам. Кому нужны монреальские талоны на проезд в Киеве или, того хуже, в провинции? Я и вызвался выбросить. А сам заскочил в магазинчик, уже в терминале, вытащил эти талоны и спрашиваю хозяина или, там, менеджера: «Возьмете?» Тот прищемился к калькулятору, посчитал и говорит: «Что вы хотите взамен?» А что можно просить взамен на транспортные талоны? Ничего особенного, мелочь. В Советском Союзе тогда большим дефицитом, особенно для детей и молодежи, была жевательная резинка. Она не продавалась и пакетик из пяти пластинок был большой редкостью. Обычно можно было достать одну пластинку за три рубля. Это килограмм нормальной колбасы или бутылка водки, ты помнишь. «Давайте, — говорю, — вместо талонов жевательную резинку». И получаю… ящик. Небольшой, но ящик. Потом мой сын год был

королем двора. А одну упаковку оттуда, штук десять, не помню, я сразу отдал заместителю старшего группы, порадовал, аж руки у него задергались. Почему ему? А они все обычно ездили с нами за границу от «конторы», присматривали. Вот я и дал на всякий случай, чтоб не написал потом на меня чего не надо. Я ведь, как журналист, тогда часто ездил на соревнования.

Правда, после этой Олимпиады у нас хватило только на «Запорожец». Ну и что? Зато первая машина в доме. А вторая обошлась за копейки.

Я привез из Швейцарии чуть ли первый в Киеве японский музыкальный центр. Тоже, получилось, само собой. Почти бесплатно.

На нашей делегации там на соревнованиях, двадцать дней, начальство сэкономило для себя деньги. И мне места не нашлось. Сказали тогда: «Иди сам, найди отель рядом, в расчете 20 долларов за ночь». А в Швейцарии за такие деньги только койку в общежитии найти можно. Но в первом же отельчике, присев поговорить, я предложил хозяину выпить за знакомство русской водки. Они почему-то особенно падки были на «московскую», помнишь, с зеленой этикеткой? Разлил нам обоим и вытащил из сумки черную икру, припасенную для продажи. У швейцарца глаза на лоб полезли, мол, неужели не жалко. «Нам, русским украинцам, — говорю ему, — для хороших людей ничего не жалко. Такая у нас натура».

Ему, видно, такого никто не говорил. «Эй, — позвал он девушку, — принеси-ка ложечки». И зацепил икру на кончик, едва-едва. Я ему решительно показываю, что у нас так не принято. Есть — так есть, полной ложкой, под водку, вот так. И цепляю, с накатом. Он сомлел. И предложил мне жить у него бесплатно. — «Хорошим людям, — сказал, — надо помогать. Особенно из тоталитарной страны».

Тогда я, растрогавшись, вытащил из сумки полукилограммовую банку той же икры, черной. В подарок. «От нашего великого народа — братскому швейцарскому». Он, в ответ, что все эти дни я могу у него в отеле столоваться. В конце командировки мне выдали, как обещали, четыреста долларов — на оплату. И еще сотню я зашиб на икре и водке. На все деньги купил японский музыкальный центр — чудо техники, с пленочным магнитофоном и колонками. Хорошая страна, Швейцария.

В Киеве мой приятель, директор комиссионки, ошалев, прямо на дом привел какого-то умного еврейчика. Тот подключил что надо, послушал и говорит: «Пойдем выйдем». И показывает перед

подъездом свою «Ладу-3», малиновую: «Бери. Оформим продажу, а на самом деле вместо денег ты мне эту систему отдашь». Машина, между прочим, семь тысяч рублей стоила, при моей зарплате 150 — в месяц.

Так мы и жили. Хорошо было. Давай еще «кедровочки» накатим или что хочешь? Виски есть, джин-тоник, вино?

— Как у тебя в Канаде?

— Как в Канаде. Только клубники с восьми утра, как не было — так и нет. А вообще, мне надо было родиться попозже, поближе к сегодняшним временам. Мир посмотреть. Дело в жизни сделать. Уж я бы поездил…

Паспорт с презервативом (Польша)

Если вы надумаете поехать на машине в Польшу или дальше — в Европу, то не забудьте положить в аптечку презерватив.

Еще недавно за отсутствие этого необходимого и дефицитного, с точки зрения польских властей продукта, вас запросто могли не просто задержать на таможне, но и возвернуть обратно. То есть восвояси. Сегодня этого не спрашивают, но кто его знает? Одни мудаки пишут идиотские инструкции, а другие живут, чтобы их выполнять. И перевыполнять. Это называется службой.

Судя по польской таможне, в страну не пускают и возвращают в Беларусь и за неправильные колеса (летние-зимние), и, если ими покажется, что у вас течет радиатор, и за один блок сигарет. Последнее — проверено лично и буквально вчера.

Мне нужно было мотануться в Польшу на один день. Встретиться и переговорить. Торчать или лазать по уже давно и не раз объезженной стране просто так не было смысла. И я настроился на этакую однодневную прогулку- проветривание: Минск- Польша- Минск. Встреча должна была быть в польском Белостоке, это почти на границе с Беларусью. Обычное дело.

В принципе, своим ходом, я, как правило, и проезжаю в Европу именно на участке Белостока.

Основная дорога на Запад, через Брест, удобная по хорошей скоростной трассе, пару раз, однако, оказалась чревата очередями, а здесь, в стороне и в глубинке, машин немного, довольно расторопные белорусские пограничники и таможня. Впрочем, и польские пограничники тоже. Все-таки, это, видимо, действительно элита армии.

Но зато местная польская таможня — это неспетая песня местной провинциальной шляхетской гопоты считающей себя европейцами. По паспорту. И по сравнению, как им кажется, с застоявшимися на задворках мира русскими и белорусами.

Впервые я это почувствовал два года назад, когда с женой на машине мы поехали из Беларуси на Балканы, до Албании, Македонии и Косово включительно. На польской таможне тогда, глянув на белорусские номера и на отсутствие в багажнике посторонних вещей, кроме рюкзака и сумки, нам устроили чуть ли не личный досмотр. Поляки почти откровенно не могли понять — как это люди, с белорусскими номерами, просто так едут в Европу. А где товар? Или наркотики? Или еще какая контрабанда? Белорусские номера на машине априори делали ее

хозяев ущербными. Для первых встреченных поляков из новой Польши. Больше, правда, похожих на уголовников при должности. По менталитету. Что они искали — не знаю. Но тогда же, буквально за шлагбаумом границы, уже при выезде в страну, меня вдруг снова остановил уже военный патруль пограничной стражи.

— В чем дело? — помню, возмутился я. — Только что проверяли паспорта. Это белорусские номера так смущают? Пограничник согласно кивнул головой, типа, догадливый. На том и разъехались.

Однажды я возвращался в Беларусь из Европы через Брест и там, на выезде из Польши, таможня вдруг спросила у меня… «зеленую карту» автострахования.

— Зачем? — переспросил я тогда. — Понимаю, если при въезде. Человек мог забыть оформить или даже не знать, не подумать. Но при выезде? Через два метра я её, ненужную, уже выброшу.

— А вдруг вы её потеряли или истекла, — объяснил поляк. — Тогда придется платить большой штраф.

— Подлавливаете. Но это как-то уж больно по- советски, а не по-европейски, — только и нашелся я.

Но на это раз в машине у меня совсем ничего не было. Правда, это в Лондон и в Стокгольм я как-то летал на пару дней с одним рюкзачком, где уложил немного сменного белья. А что еще? Сегодня все можно купить и в Европе, и в Беларуси. И по ценам, почти одно и то же. Какой смысл нормальному человеку таскать с собой лишние вещи?

Но, имея немалый опыт поездок через Польшу на машине и я уже понял, что отсутствие вещей для новообращенных как бы европейцев слишком подозрительно. Не могут туземцы из восточных стран просто ездить в тот же отпуск или к друзьям. Как везде в Европе. Они, то есть мы — другие. Где-то должен быть товар. Если не видно — значит спрятан.

По этому поводу я специально бросил в багажник сумку, в которой был совсем не нужный мне свитер и банка сока. Чтоб не пустая. В той же Беларуси купил и блок сигарет. Подумал, что на обратной дороге, к вечеру, не буду отвлекаться на магазин. Все-таки от границы до Минска почти 350 километров. Съездил, поговорил, выпил душистый польский кофе — это они умеют — вернулся. Предусмотрительность меня и подвела.

С белорусской стороны все было быстро и четко. Польские пограничники — тоже. И я уже прикидываю как через пару часов

поеду обратно и, наверное, все- таки посижу в кафешке на пешеходной центральной площади Белостока.

— А что это у вас в багажнике? — для разминки спросил рукастый польский таможенник с надписью «мытня» на спине и брежневскими бровями над глазницами. Ломброзо отдыхает. Он показал на пятилитровую стандартную бутыль из магазина с чистой питьевой водой, которую я всегда вожу с собой — и пить, и руки вымыть.

— Вода, — говорю.

Парень открыл бутыль и понюхал. Ему не понравилось.

— Спиртное есть? Сигареты? — это стандартное, по форме.

— Нет.

— А почему… — он полез с фонариком заглядывать по салону во все дыры, — у вас сзади валяются пустые пачки сигарет?

— Потому как курю много и бросаю назад. А потом, при остановке, выбрасываю.

— Так значит у вас есть сигареты?

— Я же сказал «нет». Один блок и все.

И тут я «попал».

— Блок? — оживился новоевропеец. — Это нарушение. Вы имеете право ввозить в Польшу только две пачки сигарет.

— Но в аэропорту…

— Мы не в аэропорту.

— Хорошо, в следующий раз учту.

— Нет. Нарушение — есть нарушение. Вы должный заплатить штраф.

— За что? — Я никак не мог взять в толк, что это происходит на самом деле со взрослыми людьми. — За несколько пачек сигарет?

— А вдруг вы, — серьезно сказал мне второй подошедший таможенник, — будете продавать их в Польше?

Не знаю как-кому, но меня это моментально вывело из себя. Я явственно представил себя стоящим на площади в Белостоке с блоком сигарет и предлагающим их прохожим. Это было не смешно. Хамство все-таки должно иметь границы. Даже если тебе откровенно и, главное, совершенно серьезно хамит рыло целой страны.

— Да пошел ты с этими сигаретами… — я выскочил из машины и выбросил блок в мусорный ящик. — Могу ехать?

— Дайте свой паспорт, — сказала пшепрошняя таможня и пошла советоваться.

Через пять минут мне объявили, что я должен покинуть территорию Польши, выехать обратно в Беларусь, оставить там

блок сигарет, снова пройти белорусскую границу, снова польскую — и вперед… Мой паспорт они уже отнесли в будку пограничников на выезд из Польши.

Я вдруг с ужасом подумал, что, скажем, белорусский гражданин (не знаю, как россияне) сегодня для получения польской (шенгенской визы) должен сначала долго, иногда месяцами, стоять в очереди на подачу документов в посольство, затем ждать интервью, доставать какие-то справки и мотивировать причину поездки, платить и наконец получить одноразовую визу. И второй раз, в подобных обстоятельствах, он въехать в Польшу уже не может. Потому как формально он визу, пройдя пограничный контроль, уже использовал. Во попадают люди…

Мне пришлось развернуться и простоять очередь уже на выезд из Польши. Забрать паспорт. Затем то же самое на въезд в Беларусь и на выезд из нее. Выехав из пограничной зоны, я выбросил блок злосчастных сигарет и начал все по-новой. По кругу. В итоге, понадобилось отстоять на той же польской таможне еще полчаса, пока они формулировали какие-то свои записи. Они напишут. Это уже в Германии или Чехии можно с кем-то говорить. Там Европа. Но даже близко не приходилось. Там такое и в голову не придет. Потому как она, голова, есть. А здесь, как в советские времена: «Жалуйтесь — ваше право». Но какие права у человека перед рылом чиновника, кроме автомобильных?

«Пся крев», как говорят поляки. «Собачья порода». Говорить не с кем — только гавкаться. А смысл?

«Вы имеете право хранить молчание…»

В Белостоке, проведя конкретные и недолгие переговоры, мне уже не хотелось пить польский кофе и буквально через полтора часа я уже вновь выезжал из этой страны. Мне хотелось домой.

По дороге, уже смеясь над приключением, я почему-то вспомнил, что, собирая материалы о войне, не раз слышал от пожилых людей и солидных историков, что, так называемый, раздел Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 года — не такая очевидная ситуация, как сегодня многие считают или знают по вновь фальсифицированной истории.

Например, польская граница, нависнув, проходила всего в нескольких десятках километров от столицы Беларуси, а территория на запад, до Бреста — это все-таки Беларусь, отданная вынужденно после неудачной для большевиков советско- польской военной кампании времен Гражданской. И большинство населения Западной Беларуси, как я слышал,

встречали тогда Красную армию с радостью. Не потому что очень любили или верили СССР, а потому как в панской Польше белорусы всегда чувствовали свою второсортность по сравнению с титульной нацией, да еще гонористой. Они не знали, что Беларусь и советская Беларусь — не одно и то же. Это потом, когда начались сталинские репрессии, многие: и поляки, и белорусы, и евреи оказались под маховиком тоталитарной машины и охнули.

Но вот то «панское» отношение к белорусам, полупрезрительное, и потом, в советские времена ушедшее, явно вернулось. В еще недавние времена, белорусы были частью супердержавы, которую в той же Польше многие не любили, но опасались и уважали. Это проецировалось и на национальные республики. Да вы сами помните — все, кто из СССР были за границей просто русскими.

Белорус для нынешних поляков, уже вошедших в Европейский Союз, снова, в лучшем случае, «младший брат». Это неполиткорректная — но правда. Как для русских — таджик. Забитый, смирный, небогатый, молча терпящий, как считаю в Польше, полусоветский режим, белорус, наверное, действительно везет, чаще всего, какие-то товары. Те же сигареты оптом или бензин, туда- сюда. Торгуя потом на разнице цен. Кто как может. Или как живет. Как, впрочем, везде на приграничье.

У поляков, похоже, комплекс неполноценности «младшего брата» по отношению к СССР сегодня перевернулся наоборот. На восточных соседей. Применительно и к белорусам, и к тем же русским. Можно и отыграться. По полной.

Оно конечно, «у кого больше — тот и пан». Но та же Беларусь совсем не такая зачуханная, как её видят или хотят видеть в Польше. И псевдошляхетское хамское отношение к восточным соседям совсем не на руку этой стране. Хотя, возможно, полякам и наплевать — они смотрят на Запад и даже уже, можно сказать, живут на Западе. С менталитетом, нередко, совсем не европейским. Ну и что? Менталитет не паспорт.

И Дунька-ануська в Европе, конечно, со временем освоится. Только мелкотравчатые мозги, отравленные криминальной психологией, да еще облеченные властью совсем не Европа. А «совковость», оказывается, не обязательно связана с географической или даже политической ориентацией. Как и провинциальность мышления должностного, как бы, лица.

— Вы что, не могли просто сказать, а не устраивать унизительные гонки за пару пачек сигарет? — спросил я старшего польского таможенника, когда во второй раз за час въезжал в

страну. — Где у вас набирают таких не профессионалов? В польских тюрьмах?

— Закон есть закон, — ответил он. — Нарушил — отвечай. У нас есть инструкция и мы её безукоризненно выполняем. Как приказ.

Где-то я уже это слышал…

Но презерватив, на всякий случай, в автомобильную аптечку положу. Кто знает, какие ново-старые инструкции напишут этим идиотам. В дураках-то все равно останемся мы. Как всегда. По кругу.

Гегемон (Россия)

— Привет, — сказал «гегемон» по имени Василий, открыв дверь мастерской художника. — Вот, проходил мимо…

— Как почувствовал, — не выдержал я, доливая в рюмки распочатую бутылку коньяка. — Нюх у него, что ли?

— Гегемон же… — буркнул художник и полез за новой посудой. В его мастерской двери отурыты для всех, включая народ. А душа — для близких друзей. Ему никто не мешает рядом. Даже если и говорит, не переставая. О своем. Ну и пусть говорит.

Василий отзывался на кличку «гегемон» охотно. Квалифицированный строитель, он и фразы рубил, как — будто вгонял гвозди. По самые, по шляпки. Мы и не спорили. И его это, видимо, грело не хуже законной после работы водки. А поговорить?

— Искусство принадлежит кому? — спросил он после второй рюмки. — Народу. Так еще Ленин впечатывал. А это у тебя что?

Он показал на новый цикл работ художника.

— Голых вроде много, а ничего не возбуждает. Зачем тогда так рисовать? Женское тело, оно же тревожит, заставляет трепетать. Такое и купить можно и посмотреть приятно. А здесь… Гробишь талант вместо того, чтобы зарабатывать.

— Не тому вас учили когда-то, — продолжал Гегемон, приняв наше молчание за согласие. — Вот, говорят, Монна Лиза, Джоконда, великая картина. Смотрел я на нее долго, внимательно, вникал — и ничего не шевельнулось, где надо. Нарисовал Леонардо некрасивую бабу, ни глаз, ни груди, ни трепета в чреслах. Ничто не возбуждает. Улыбается сквозь зубы. А что ей, серой мышке, остается? И зачем такое рисовать, когда в крови ноль эмоций? Народу надо живое, горячее. Как телевидение или журналы. Потому их и смотрят, и покупают. У тебя, вроде, свальный грех нарисован, а без виагры не подходи. Впустую.

Высказавшись и выпив еще, на посошок, Гегемон пошел дальше. Цельный и одинокий. Женщины с ним долго не задерживались, а с народными, даже задешево, он не хотел. Так и ходил, сам по себе, но за всеобщее.

— Ну, что, — сказал художник вослед. — Как тебе?

— А никак. Ты что — народ?

— Я это я, — обиделся художник.

— Потому и не гегемон. Голую женщину нарисовать не

можешь так, чтобы за собою позвала, безоглядно.

И струя прозрачного солнца брызнула из окна по щеке художника, отиконив его на мгновение и метнулась дальше — к картинам, по мастерской, по целому миру, зажатому якобы в четырех стенах. А на самом деле — в шести потолках: лети — куда хочешь. И гегемонь…

Два Марка (Франция)

У него было красивое библейское имя Марк. Мы познакомились в интернете и он писал, что живет в Париже, его мать — француженка, на которой еще до той войны женился отец-еврей, судя по всему, бежавший из СССР. Когда во Францию пришли немцы, они перебрались в Марокко и отец построил там небольшой автозаводик, помогая пришедшим в Северную Африку американцам воевать с нацистами.

Меня несколько смутили чистые, по написанию, русские послания Марка. «Но кто знает? — подумал я. — Отец мог серьезно натаскивать сына на родном ему языке. А дальше — дело образования, окружения и общения». И еще, в дополнение к рассказам французских бойцов еврейского Сопротивления может быть интересно и мнение коренного жителя страны, по-русски, о том, как чувствует себя немалая, до пятисот тысяч, еврейская община Франции. По неуловимым нюансам я понял, что Марк или уже на пенсии, или не работает. Значит, свободен. Да какие там нюансы? Если у взрослого человека сегодня нет мобильного телефона, значит он привязан только к дому, никому особо во внешнем мире не нужен или ему этого достаточно. Ключевое слово «или».

Уже перед Парижем я позвонил и спросил, может ли Марк подскочить со мной к одному из ветеранов, чтобы помочь в переводе. По-французски я знал только несколько расхожих фраз, вроде «ищите женщину», «на войне — как на войне» и «месье, подайте на пропитание…»

Если собеседник попадется интересный, то забываешь о подготовленных вопросах и они сами вытекают из его ответов. Вширь и вглубь. Ветеран понимал по-английски, но, понятно, отвечать хотел на родном языке. И ему легче развернуться, а я уже потом, дома, найду переводчика для всего интервью. А что делать? Ничего не делать? Чтобы работать в нормальных и идеальных условиях, надо быть в системе и ваять что и где скажут. А тогда как жить в радость и заниматься делом?

— Хорошо, — ответил на мое предложение Марк. — Французский я знаю, как свою бывшую и незабвенную. Но поеду при условии, что ты заберешь меня из дома, а потом отвезешь обратно.

Я вспомнил нервный траффик Парижа и размеры этого незнакомого мне города, но понадеялся на навигатор, который никогда не подводил, и с благодарностью согласился. Его адрес привел меня в самый центр. Совсем недалеко, по другую сторону

Сены маячила Эйфелева башня. Но увидев три высотных современных дома среди старинной французской недвижимости я понял, что интуитивно не ошибся. Дома были похожи на общежития или, точнее, социальные убежища, набитые однокомнатными квартирками для сидящих на пособии, но контролируемых и оберегаемых государством от криминала людей.

— Я готовлю себе сосиски на обед, — сказал Марк, когда я снова позвонил, чтобы узнать номер квартиры, который он забыл дать. — Поднимайся.

— Есть не буду, но чай или кофе выпью после долгой дороги с удовольствием.

— Отлично, — испугался он. — Тогда сходи в кафе, там перекуси и попей, а я через минут сорок выйду…

Чтобы оставить машину в Париже вдоль тротуара, просто в автомат за парковку деньги не бросить. Надо где-то купить какую-то карточку и еще понять как она работает. Короче, я снова грелся под щедрым июльским солнцем, но уже не в своем авто на трассе из Германии, а рядом с ним, отдыхающим, почти час. Надо — так надо.

Марк пришел пунктуально. Он был деловой и моложавый для своих лет, а в руках у него торчал почему-то русско-французский словарь. Для солидности. Вскоре я узнал, что он живет в этом городе уже 34 года, приехал с семьей из… Средней Азии и их здесь не ждали. Жена с ребенком вскоре ушла и за все это время он, вообще, работал едва ли шесть лет.

— Ничего страшного, — сказал я. — Это жизнь, а не кино. — Но подумал, правда: «А при чем здесь Марокко?»

— А ты откуда сейчас? — спросил Марк не из любопытства, а из приличия.

— Писал интервью в Праге, потом — в Париж…

— Паршивый город Прага и люди там дерьмо, — вдруг отрезал он, стервенея. — Двадцать лет назад был там и все вокруг пытались обмануть. Гнилой народ.

Я промолчал и подумал, что гнилыми бывают только зубы и власть. Потому их и надо постоянно чистить. Но зубы для человека важнее, поскольку они ближе.

Дедушка, руководитель организации еврейских партизан — борцов французского Сопротивления, был в своей громадной квартире из пяти комнат аккуратно одет в костюм и серую рубашку с отливом. Без пылинки — хоть в гроб ложись. Ему уже стукнуло сто лет от роду. И я, помню, удивился, когда еще говорил с ним по телефону, договариваясь, услышав, будто он

живет совсем один и почти всегда дома. У него тоже не было мобильника. Жена, с которой он воевал вместе в Сопротивлении, умерла почти тридцать лет назад. Сын, моряк, уже на пенсии и при своем бизнесе в Китае. Кому еще звонить в сто лет?

Я, укрывшись за камерой, задал первый общий вопрос, для разминки и не понял, когда Марк, закинув ногу на ногу и отставив руку, как на сцене, вдруг прервал его и начал переводить первые пять предложений. Такой перевод смонтировать потом невозможно, да еще без второго микрофона.

— Дай ему выговориться, как течет, — попросил я. — И потом просто скажи коротко суть, о чем он говорил.

— Но это не перевод, — обиделся Марк и тут я понял, что он приехал не послушать, познакомиться с необычным по судьбе человеком и при этом помочь, как я думал, а просто заработать. Так бы и сказал сразу.

— Во Франции было много коллаборационистов? — продолжил я сначала общие темы. — Здесь выдавали евреев или старались спрятать, по возможности?

Марк, словно играя и играючи, тридцать секунд, если не больше, что-то объяснял старику-партизану.

— Подожди, — не выдержал я наконец. — Ты можешь просто повторить эти два предложения?

— Не могу, — ответил он. — Ты задаешь слишком глупые вопросы. В России не знают, как разговаривать и что понимают люди на Западе.

Я снова промолчал, потому что мне надо было работать. Да и спорить не хотелось — не с кем. И тогда я просто перешел на английский.

Дедушка отвечал каждый раз на удивление подробно, эмоционально и в конце подарил свою толстенную книгу о Сопротивлении и дал еще три адреса товарищей по оружию: в Париже, Ницце и Брюсселе.

Когда я привез Марка обратно к его дому, он почти пулей выскочил из машины, сославшись на срочные дела. Заработок сорвался, обсуждать нечего и он очень боялся, что я попрошусь к нему остаться на ночь, чудак. Мне почему-то было неудобно, что я невольно поставил человека в неловкое положение…

К невидимой границе Франции и Бельгии я подъехал уже под вечер, сошел с трассы и поплелся через сплошные городки и деревни, все более отчаянно пытаясь увидеть недорогой отель или пансион. В трехзвездочном мне уже сказали, что ночь здесь стоит почти сто евро, а хотелось жить попроще. Шел десятый час вечера и морально я решился на любой исход, только бы найти

место, как вдруг у дороги мелькнул указатель с магическими буквами «B and B», «Bed and Breakfast». Сеть недорогих и вполне комфортабельных отелей. Дорога загнала меня на окраину какого-то города и я встал у… закрытых ворот, за которыми возвышался отель. Уже резко темнело.

Позади тормознул ситроен-«каблучок», на которых обычно ездят технические службы. Какой-то парень прошел через калитку вперед, набрал код и ворота открылись.

— Вы чего стоите? — спросил он меня сразу по- английски, сообразив суть по белорусским номерам на машине.

— Если заеду вовнутрь и не окажется номера, то как я потом выскочу обратно?

— Здесь всегда есть номера. Я помогу вам устроиться, — махнул рукой парень и проехал вперед. — Давай за мной…

Еще через пару минут я стоял, растерянный, перед закрытой входной дверью. За ней никого не было и только сбоку, в стене, торчал какой-то аппарат, похожий на банкомат.

— Это нормально, — пояснил подошедший парень. — Все закрывается в девять вечера, и сейчас вы сможете взять номер только электронным способом. Давайте сначала проверим, есть ли места.

Он нажал несколько кнопок и пояснил, что есть свободные номера по 49 евро за ночь. Если нужен завтрак — еще шесть. «Копейки» — по французским понятиям. Но платить надо кредитной карточкой.

Я сунул свою международную «Визу», однако она почему-то не сработала. Что-то мне сегодня не везло в мелочах. Парень нажал кнопку переговорного устройство и попытался с кем-то договориться.

— Не хотят, — повернулся он ко мне, и я с тоской подумал, что теперь придется искать тихое место, с опаской на людей и полицию, чтобы прикорнуть в машине. Как в молодости, когда было все равно где, не говоря уже, с кем. На улице стало совсем темно.

— Ничего, — улыбнулся парень. — Вы можете дать мне 49 евро, а я возьму вам номер на свою кредитную карточку.

Еще через минуту автомат выплюнул квитанцию и один и тот же код доступа: в отель и в свою комнату.

— Спасибо, вы меня здорово выручили, — сказал я, протискиваясь в гостиницу.

— Ерунда, — сказал парень. — Я работаю по Бенилюксу и, вообще, много езжу по Европе, не раз попадал с непростые ситуации. Знаю, как это оказаться в чужой стране, да еще вечером. Я свободно говорю на английском, немецком и

итальянском. Сам выучил. Мы же европейцы, надо помогать…

Ему было лет двадцать пять, не больше. Он даже не спросил стандартное — откуда я. А зачем?

Мне вспомнился парижский земляк из интернета и подумалось, что Бог воздает нам за все. В конце концов. Не только по заслугам, но и за мотивацию в жизни.

— А как ваше имя? — спохватился я, что ничего не знаю об этом парне.

— Марк, — ответил он и пошел на свой этаж своей дорогой…

Фалаша (Эфиопия)

Казалось, у него не было оснований для беспокойства. Паспорт, хотя и не новый, но подлинный, с его фотографией был выправлен на чужое имя. Все необходимые бумаги — тоже. В последние годы он почти не появлялся в Аддис-Абебе. Разве что в командировки.

В эти месяцы, живя в столице, он прятался у знакомых, стараясь без лишнего повода не выходить на улицу, чтобы не искушать судьбу.

Но, даже если бы он и встретил кого-нибудь из знавших его, это не вызвало бы подозрений. Формально он находился в длительном отпуске. И все равно, во время паспортного контроля на границе, проходя мимо вооруженных эфиопских военных с другой фамилией, он боялся — как и во время первого боя, в который попал там, на севере, в Эритрее, много лет назад, еще почти мальчишкой.

Затем он изучал иврит в курортной неспешной Квар-Сабе, уже в Израиле и больше всего хотел, как можно скорее, забыть кошмар последних лет на земле, где он родился и жил, воевал и учил других воевать.

Бывший капитан, который ныне был бы уже полковником или генералом эфиопской армии, начальник управления одного из отделов политуправления южного военного округа, выпускник Львовского военно- политического училища, Асмамау Гимай, без опаски оформлял свои документы на свое подлинное имя.

Ему действительно повезло: он не умер от инфекционной болезни и даже не голодал, не погиб от повстанческой пули в эритрейских горах или в камере «своей» службы безопасности. И его не вылавливали, как других политработников армии, взявшие вскоре Аддис- Абебу солдаты революционно-демократического фронта.

Тогда, а начале девяностых годов уже прошлого века, армия режима Менгисту Хайле Мариама разваливалась на глазах, правительство паковало чемоданы, а сам Менгисту уже подыскивал страну для политического убежища. Он его и нашел — в Зимбабве.

Этот пламенный революционер пятнадцать лет неуклонно вел Эфиопию победным путем от одной катастрофы к другой. Практики просталинских режимов нужны разве что следственным органам тех стран, которые они загубили.

Но, задолго до этого, еще в 1974 году, когда пала власть императора, Асмамау, как и многие молодые люди того времени

поверил в светлое будущее. Они думали, что построят справедливое и экономически состоятельное общество, да еще при помощи Советского Союза. То, что Асмамау был из семьи фалашей, эфиопских евреев, ему не мешало. Революция не делила людей по национальностям. Не помешало и то, что он учился в специальной еврейской школе — одной из немногих, возникших в стране с позволения императора на деньги, идущие из Израиля.

Его семья, бедная и многодетная, жила в районе, где издревле придерживались своей веры фалаши, в провинции Гондар. Эта территория с севера и северо- востока была зажата вечно враждебными Эритреей и Тигре, с запада — Суданом, а с юга — собственно Абиссинией.

Мир почему-то до сих пор не решается называть их прямо — евреями, чаше всего предпочитая имя «фалаша». На самом деле так их испокон веков называли соседи, потому что «фалаша» означает «чужой», «чужестранец». Они же звали себя «бейт Исраэль» — «дом Израиля».

До сих пор никто не может понятно и обоснованно объяснить, как это произошло. Доподлинно известно, что, когда Абиссиния стала христианской, здесь с незапамятных времен уже жили евреи, а многие племена соблюдали иудейские заповеди: не ели животных, запрещенных пятикнижием, соблюдали субботу, делали обрезание на восьмой день после рождения мальчика.

Сами фалаши считают, что их предки пришли из Израиля. Лучше всего их устраивает легенда о том, что они произошли от потомка Царя Соломона и царицы Савской.

Но есть и другие версии. Когда раскололось царство Соломона на Северное и Южное, Иудею и Израиль, колено Дана на Севере отказалось участвовать в междоусобице и покинуло эту еще не Святую Землю.

Скитаясь, переселенцы наконец достигли Эфиопии, где, согласно преданию, евреи нашли якобы потомков других потерянных колен Израиля — Нафтали, Гад и Ашера.

Столетия спустя, в конце девятого века уже новой эры, о них впервые написал еврейский путешественник Эльдад Гадани.

Другие источники более историчны. Один из них, в писаниях Иеремии (44:1) указывает на еврейское поселение Элефантин в районе нынешнего Асуана, куда посылали еврейских солдат для охраны южных границ Египта. Найденный уже в XX-м веке элефантинский папирус рассказывает, что евреи этого города построили свой храм и приносили жертвы. Не исключено, что на самом деле евреи пришли в Эфиопию из Египта, а затем

смешались с местными племенами, принявшими иудаизм.

Любопытно, что пятикнижие народа «дома Израиля», написанное на древнем языке геэз, отличается от Торы, написанной на древнееврейском языке.

Еще одна версия предполагает происхождение эфиопских евреев из Йемена, хотя бы потому, что обе страны расположены близко друг к другу — по разные стороны Красного моря, а Савское царство в свое время захватило Эфиопию, надеясь на добычу здесь золота. Колонисты из Йемена оставили после себя обелиски, до сих пор сохранившиеся в Аксуме, который был древней столицей Абиссинии. А их древний язык стал языком письменности и молитв эфиопских евреев. Йеменские евреи свободно мигрировали в Абиссинию, а когда со временем эфиопский царь покорил Йемен, то насильно переселил тамошних евреев в Африку.

В пятом и шестом веках евреи юго-западной Аравии пользовались большим влиянием в регионе и обратили многих вождей арабских племен в иудаизм. Учитывая тесные связи Йемена и Аксума, вполне реально, что это же влияние распространялось и на прибрежные территории Эфиопии.

В любом случае, если иммигранты надеялись убежать от восстаний и войн древнего Израиля, Египта или Аравии, то вряд ли и в Абиссинии они обрели покой и спокойную жизнь.

Серьезные беды принесло фалашам христианство, принятое в четвертом веке абиссинскими монархами из династии Менеликов. Историки полагают, что именно в это время эфиопские евреи перебрались в горный район вокруг озера Тана, где и жили вплоть до наших дней. Что было с ними в течение последующих шести столетий никто достоверно не знает, кроме того, что они были и остались.

В конце десятого века фалаши, объединившись с соседними племенами, подняли восстание против Аксума и христианства. Хроники тех лет повествуют о легендарной царице фалашей, Юдифи, возглавившей повстанцев. Она попыталась освободить не только свой народ от тирании центральных властей, но и уничтожить в стране христианство. Юдифь разрушила Аксум, сжигала церкви и монастыри, вырезала священников и монахов. Восстание привело к власти новую династию из одиннадцати царей, пять из которых были евреями.

«Золотой век» эфиопских евреев сменился возвращением к власти Мениликов, длительными войнами и новыми восстаниями.

Поразительно, но евреи Европы и Эфиопии почти не знали о существовании друг друга. Да и кто мог поверить, что во времена

средневековых погромов, гонений и инквизиции где-то в африканских горах правят еврейские цари и с гордостью соблюдают заповеди Моисея.

Когда во второй половине 19-го века, недавно, еврейский ученый из Франции Йосеф Галеви специально отправился к фалашам, они встретили его удивлением, смешанным с подозрительностью: «Ты фалаша? Белый фалаша? Ты смеешься над нами…»

Полагают, что когда-то их было до полумиллиона. Сто лет назад — до двухсот тысяч. В начале двадцатого века — пятьдесят тысяч. В 1956 году, когда Израиль открыл консульство в Аддис-Абебе — более тридцати тысяч. В основном это были крестьяне и ремесленники, бедные, как и большинство населения Эфиопии.

Поэтому, когда после революции Асмамау поступил в военное училище, в его семье отнеслись к этому с радостью. Но не из политических соображений. Армия в таких странах, как Эфиопия, всегда была гарантом относительной обеспеченности и сытости.

В училище было около 800 курсантов, подготовка младших офицеров велась один год, после чего большинство из них направлялись в горячие точки страны и прежде всего в Эритрею и Тигре. Преподавание вели офицеры бывшей императорской армии. С ними поступали так же, как и с военспецами после русской революции — использовали, насколько возможно, а затем постепенно удаляли из армии.

Незадолго до выпуска Асмамау выяснилось, что Львовское военно-политическое училище готово принять 25 эфиопских курсантов. Тогда такая учеба давал возможность увидеть свет, получить образование и избежать фронта. Из трехсот пятидесяти кандидатов набрали группу, куда прошел и Асмамау. Личные дела курсантов советский «особый отдел» проверять не мог: все одно — эфиопы.

Так, темнокожий еврей на три с половиной года оказался во Львове, где и прошел полный курс подготовки советского политрука.

Он прослушал сотни часов лекций по марксизму- ленинизму, научному коммунизму и истории КПСС, учился выпускать стенную газету и читать политинформации. Кто мог предположить, что все это в конце концов окажется ненужным?

Когда он вернулся в Эфиопию, Менгисту Хайле Мариам в результате дворцовых интриг практически узурпировал власть, повернув страну на пусть эфиопского социализма. Что касается фалашей, то они оказались оторванными от остального мира. Единственная еврейская благотворительная организация,

действовавшая в стране до 1981 года, закрылась, а 19 еврейских больниц, школ и синагог остались без средств.

Когда Асмамау начал преподавать в том же училище, которое ранее закончил, правительство копировало советскую практику сельскохозяйственной политики, а население мелких и средних деревень стали сводить в крупные.

Маленькие и замкнутые еврейские деревушки, сумевшие благодаря этому сохранить свои традиции и самобытность, оказались перед угрозой ассимиляции. На страну навалились голод и засуха, война и перманентная междоусобица. Менгисту нужно было оружие и западная помощь. В итоге… до ноября 1984 года семь тысяч фалашей оказались в Израиле.

Между тем, старший лейтенант Асмамау, вместе с советскими и кубинскими советниками поднимал на должный уровень политико-воспитательную работу южного военного округа. Вся его семья тем временем оказалась участницей известной операции «Моисей», ставшей одной из самых масштабных в истории массовых спасательных операций.

Тогда с 24 ноября 1984 года по 3 января 1985, в течение нескольких недель, тысячи фалашей были вывезены из страны. Число спасенных было бОльшим, чем сообщалось и учитывалось в Эфиопии, потому что многих вывозили воздушным путем не из страны. И не только самолетами, но и через Красное море.

Фалаши, перешедшие в Судан, тогда отправляли из лагерей беженцев прямо в Израиль. В их числе и пятьсот человек, вывезенных из столицы Судана, Хартума, американским самолетом «Геркулес» по личному приказу Джорджа Буша, в то время вице-президента США. Буш сумел в начале января 1985 года выбить на эту операцию небезвозмездное разрешение диктатора Судана Нимейри.

Это был трагический и решающий период в судьбе эфиопских евреев. Половина из них, главным образом молодежь, оказались в Израиле, а другая половина, в массе своей женщины, дети и старики оставались в Эфиопии.

О том, что семья Асмамау покинула страну, в армии так и не узнали, хотя у него начались неприятности по службе. Армия разваливалась. Страна от постоянной войны нищала. Партийная верхушка все больше замыкалась на своих привилегиях, а молодые офицеры ничего не видели кроме выматывающих боев и беспросветной скуки прифронтовых городков.

Советские советники потянулись на Родину вслед за «перестройкой», и помощь стала иссякать. А вместе с ней — и уважение к выпускникам советских военных училищ. Уважение в политике стоит денег.

Когда Асмамау оказался на эритрейском фронте, армия вела там оборонительные бои. Наступательные операции правительственных войск проваливались бездарно и кроваво. И вовсе не потому, что эритрейские повстанцы воевали лучше. Коррупция насквозь разъела не только государственный и партийный аппарат, но и армию. Скрупулезно разработанные наступательные планы просто продавались противнику, которому оставались только правильно организовать ловушку или контратаку.

В конце 1989 года Эфиопия и Израиль восстановили дипломатические отношения и Асмамау начал готовиться к побегу. Менгисту стал откровенно торговать оставшимися евреями. Ничего, исторически, нового. Похоже, это единственное, что у него тогда оставалось.

Остатки еврейской общины собрали в столице страны. По некоторым данным Аддис-Абебу тогда ежемесячно покидало до двух тысяч фалашей.

В мае 1991 года за сорок миллионов долларов эфиопские евреи тысячами снова полетели в Израиль, уже в рамках операции «Соломон».

Асмамау удалось перевестись в другой гарнизон, откуда он взял длительный отпуск, а сам, переодевшись, направился в столицу. Ему повезло…

После нашего знакомства прошло несколько лет и однажды я приехал в израильский парламент-кнессет на открытие новой сессии. На это событие собралось много журналистов. В здание пустили всех, но вот перед залом служба безопасности повернула камеры в застекленное помещение для гостей.

— Ничего, это только на само открытие, — объясняли нам. — Пока соберется все руководство страны: от президента, премьер-министра и далее… После перерыва сможете работать и в зале.

Один их руководителей охранников, темнокожий, неожиданно взял меня за руку и вывел из группы коллег:

— Проходи.

— Подожди, — догнал он меня уже у входа в зал. — Ты что, не узнал?

— Узнал, — соврал я, прикидывая, где разместить камеру, чтобы и не мешать, и прихватить весь зал.

— Вижу, что не узнал. Ты же меня нашел тогда, в трудное мое время. И написал обо мне. Ну, вспомнил? Я — Асмамау, — он ударил себя в грудь. — Политрук.

— Политрук? Так бы сразу и сказал….

Крокодил (Россия)

С утра Кулистикову стало грустно, хотя его козырным понятием был прагматизм. За это его и ценили сверху. А им там виднее, подслеповатым.

Дальнозоркие наверх не поднимаются, разве что в сточные времена, когда даже рыба дышать уже не может. Но, взлетев, на гребне, они остаются там ненадолго. Не выживают. А всё потому, что не смотрят под ноги — только вдаль и в небо.

Так и ковыряются в земле, летая. Или оказываются под землей — чтоб не мелькали.

Кулистиков их недолюбливал. На большее его не хватало. «Любить» или «не любить» — это уже позиция. Прагматизм такое не допускает: сказали — поставил. Приказали — снял. Посоветовали — похвалил. Намекнули — осудил.

Приказ есть приказ. Закон есть закон. Власть есть власть.

Жизнь изначально слишком проста на вкус, чтобы варить её, оставляя цветные перья.

Иногда Кулистикова приглашали наверх, чтобы он сам спросил и ответил — что там хотели бы услышать. И увидеть. На то они и подслеповаты, чтобы спрашивать. У поставленных «смотрящими», согласно табелю о рангах.

Кулистиков и был «смотрящим».

Когда, не в тему, становилось грустно, он доставал калькулятор и подсчитывал свои активы. Цифры складывались в плюс, а годы — в прибыль. Ничто не напрасно.

Обычно к нему шелестели просители и он подписывал бумаги, отсматривал и отслушивал, по необходимости, принимал звонки сверху и спускал их, как собак, на подчиненных.

Тоже уже подслеповатых. На расстояние вытянутой руки. Это унизительно вблизи. Но, если видеть издалека, то почетно.

И прагматично. Других уже и не брали.

Вечером, вернувшись домой, Кулистиков успокоительно выгуливал собаку, включал экран и с благодарностью смотрел на чередующихся там подслеповатых, анализируя, кто может быть ему полезнее.

Иногда он, оглянувшись, крутил в экран фиги. Конечно, накапавшее сверху, можно было бы сорвать и на жену, как это часто делают остальные.

Но экран потому и светиться, что те, кто в нем, насобачившись, не видят сидящих перед ними. Значит, все можно: и тем, и другим.

И потому Кулистиков чувствовал себя свободным. Еще бы…

Он делал то, что говорят и ему никто в этом не мешал.

Однажды, когда с ним ничего не происходило, а это значит, ничего не происходило в мире, только где-то далеко и с кем-то, да и то — на экране, он купил новые туфли из крокодиловой кожи и поехал в них на службу. Работать.

Туфли были не то, чтобы красивые, но очень дорогие. Лакированные, как действительность. И значит, престижные.

Когда он вошел в здание и направился к лифту, охрана и случайный народ останавливались и смотрели ему вслед, что правильно. Кулистиков знал, что начальник не должен смотреть по сторонам и ловить взгляды. Это ему должны дышать в спину и стараться попасть на глаза, не предвзято.

Он поднялся к себе в кабинет, у дверей которого уже стояли те, кому что-то надо. По должности, по делу или по их жизни. Короче, по ранжиру. Увидев его, они все вытянулись и подтянулись. В моде была молодость или на чей-то худой конец — моложавость. Секретарь, с папкой наперевес, гончей, уже ждала своей первой очереди.

И все-таки, Кулистикову было грустно. Он сел в кресло, выпрямил ноги, потянулся было к бумагам и не удержался — глянул на туфли.

— Жмут, — по-чеховски, коротко подумал он и онемел.

Там, внизу, кожа, расползаясь по квадратикам, лопалась и сворачивалась. Из-под нее уже медленно, но верно, вылезали, враспашку, длинные крюкообразные когти. Ноги сами расходились в стороны и длинный, но мощный, хвост произрастал прямо из его седалища. Главной точки опоры любого прагматика.

— Я же не курю, — последнее, что подумал он, хватая на столе ручку с золотым пером, ценный подарок, зелеными и уже шершавыми лапами….

Сбоку, с автоматически включившегося экрана, кто-то начальственный сурово щупал испуганную, полумертвую от успокоительных уколов беременную тигрицу, на сносях, и кричал, что он — настоящий мужик.

Другой, рядом, применял к ней труднопроизносимые нанотехнологии.

В утреннем нимбе нечерствеющих вчерашних новостей жизнь продолжалась и без него. Какая — никакая.

Кулистикова хоронили в закрытом, как власть, гробу. Но с музыкой.

Массовку согнали приличную, отметиться. Но уже

подсуетились и те, кто должен был сказать своих пару ласковых и еще растерянные, но целеустремленные, его подельники по службе.

Не по сезону пахло весной. Солнце светило, как кому-то повышение.

— Свято место пусто не бывает, — прагматично сказал один из приближенных к гробу и, скупо оглядев тех, кто рядом, подцепил, прицелившись, ногой бездомный камушек.

Туфлей из крокодиловой кожи…

Жизнь как чудо (Беларусь)

Роза Михайловна уже давно никому не верит. Точнее, не напрягается по этому поводу. Какая разница, что говорят и о чем пишут. Верить или не верить — это прерогатива молодых. То есть тех, кому еще нет восьмидесяти. А ей все равно. Ей уже больше. Что, само по себе, означает все меньше и меньше. Но кому и зачем это объяснять?

Единственное, во что верит Роза Михайловна, так это в жизнь, как чудо. В то самое чудо, которое дважды произошло с ней очень-очень давно, когда она была еще девочкой. И звали ее Розочкой.

Они жили в небольшом белорусском городке недалеко от столичного Минска. Отец был директором мастерских, а мать… Мать работала по дому, потому что, кроме Розочки, у нее были еще двое, сын и дочь. Тоже маленькие. Мама же была молодая. Розочка помнит, как ее одевали в школу, мерили разные платья, в основном от старшей сестры и как она солировала в хоре. И еще, вокруг почти все говорили по-еврейски.

Их городок когда-то назывался местечком, а в таких городках тогда в большинстве жили евреи. И школа была тоже еврейская. И даже их язык официально считался в Беларуси третьим государственным, после белорусского и русского. Но на это особого внимания никто не обращал.

Жили, как веками и живут люди: все вместе и одновременно — каждый по себе.

Но однажды летним днем все вокруг сначала замерли, присели, кто где стоял, а потом забегали. И говорили какое-то одно слово «война». Розочке было трудно понять, что это означает. Ее мир был, во многом, похож на мир местечковых взрослых. По кругу: дом, школа, соседи, огород, магазин, праздники. Разве что без похорон. Так и жила.

Но в те дни отец с утра до ночи пропадал на работе, мама его ждала, а некоторые соседи, собрав немного вещей, пешком потянулись на восток. По дороге уже шли люди и они вливались в общий поток. А навстречу им ехали солдаты с винтовками. Розочка помнит, как отец и его друзья пошли по хатам и говорили другим, чтобы они уходили. Уговаривали.

— Немцы, — кричал отец. — Убивают евреев. Спасайтесь. Они уже близко. Но его почти никто не слушал. Куда уйдешь из собственного дома? Уж лучше запастись продуктами и переждать, раз такое происходит.

— Это тебе надо бояться, — однажды услышала Розочка, как

отец делился с мамой своим походом по квартирам и домам. — Ты коммунист. А нам чего? Власть есть власть, она всегда не к добру. Но и к ней человек привыкает. Побузят — и утихнут.

Мама не решилась идти с тремя малышами пешком в неизвестность, на восток. Отец и не настаивал. Он верил, что армия скоро прогонит врагов. Но, когда на окраине городка появились немецкие мотоциклисты, ушел вместе с небольшой группой товарищей в лес. Они уже приглядели там место для лагеря, достали оружие, чтобы переждать и воевать, пока не вернутся наши. Розочка помнит, как в городок вошли немцы. Но не остались, а двинулись дальше — на Минск.

И только через пару дней появилась новая власть и полицаи, с белыми повязками на рукаве. Они были вечно пьяные и злые. Но говорили, что рады. Видимо, пьяная злость — это и есть затаенная радость. Всем жителям приказали заново зарегистрироваться в городской управе, где еще недавно висел красный флаг, а неподалеку, в клубе, показывали фильмы и выступали артисты, из своих, местных.

Флаги, полицаи и артисты — это главные атрибуты власти. Остальные их носят, слушаются и веселятся. А потом пьют. До слез. Бесконечных, как любовь к дальнему. Чем ближе, тем ее меньше.

Та новая власть и начала с евреев. Они-то рядом, только протяни руку. Всех, а это тысячи, заставили оставить квартиры и дома, чтобы переселиться к другим, таким же, но в одной части города. Что было потом Розочка не помнит, кроме того, что они жили с несколькими семьями в одной хате, спали на полу, мало ели и не могли никуда ходить вечером.

Но это длилось недолго. Вскоре всех согнали в колонну и они пошли в Минск. Так Розочка узнала еще одно слово — гетто. Там они тоже жили с какими-то людьми, вместе, и мама уходила надолго, чтобы принести еды. Розочка тоже ходила. Через проволоку — в русский район. То есть в город, на рынок и вокруг, просить милостыню картофелиной или яблоком.

Однажды ночью приехали машины, оцепили их улицу и стали всех выгонять, толкая, крича и стреляя. Это были не немцы, но в их форме. Розочка спряталась во дворе, а мать, брата и сестренку увезли и они больше не вернулись. Тогда она переночевала несколько ночей в развалинах и снова пошла на рынок, искать еду. Ей было уже восемь лет. Но она понимала, что скоро заберут и ее. Просто идти было некуда и не к кому.

— Ты что, яурейка? — вдруг спросила ее на рынке какая-то бабушка, белоруска. — А ведь не похожа. Где твои родители?

— Не знаю, — сама удивилась Розочка. И даже не успела

испугаться.

— Пройдем со мной, дочка, — закинула свой мешок за плечи бабка. — Поживешь у нас, а там видно будет.

Так с Розочкой произошло первое чудо.

Она стала жить в деревне и почти никуда не выходила из дома. Тоже некуда. Но живая и не голодная с утра до вечера. Бабка с мужем сказали соседям, что она родственница-сирота и зовут ее Таня.

Так прошла зима, а по теплу она переехала, вернее, ее передали в другую деревню, где хозяйка родила и ей нужна была помощница- нянька. Розочку и не спрашивали. В первую же ночь с ней произошел конфуз. На новом месте Розочке сказали лечь спать на лавку. Они и легла. Но проснулась от громкого возмущенного крика хозяйки. В углу хаты помещалась икона с каким-то нарисованным стариком и она, оказывается, легла ногами в его сторону. А это великий грех. Розочка очень напугалась тогда и старалась делать все, что говорят. Оказалось нетрудно. Зато спокойно.

И Розочка запомнила это правило на всю жизнь. Вскоре ее отвели в церковь и крестили — чтобы и соседи, и полицаи видели, что она своя, а не какая-то там подозрительная нехристь. Так она прожила в доме и во дворе дома еще два года. Смотрела за ребенком и помогала по хозяйству. Но уже слышала, что Красная армия возвращается и сердце ее замирало от тоски и надежды.

В тот день близ их дома остановилась группа бродяжек, чуть старше ее, и они, присев, играли и разговаривали друг с другом, смеясь. А Розочка почти разучилась разговаривать. И ей вдруг так захотелось пойти с ними, все равно куда, что она заплакала.

Плачут-то, чаще всего, от бессилия. Но Розочка этого не знала. Она просто плакала и ее звали Таня.

Бродяжки тоже были без родителей, но их не будут ловить и убивать, как ее, если узнают что она еврейка. Розочка и сама не очень понимала, что это означает, кроме самого главного — их презирают, убивают и бояться, потому что за них тоже убивают. И она решила еще немного подождать. Когда, тем же летом, через деревню прошли первые красноармейцы, но уже — на запад, она не стала задерживаться и просто ушла, впервые за два года выйдя из деревни. Розочка спросила дорогу в свой городок, там, где был их дом. Пустой, как она думала, но дом. А вдруг там окажется мама?

Она шла несколько суток. Может добиралась бы и дольше, но проезжающие солдаты взяли ребенка в свою машину, им было в

ту же сторону. Она никогда потом не забывала как вышла на родной улице, узнала ее и пошла домой. Все для нее было странным. Вокруг ходили какие-то люди, но среди них не было тех, кто жил и ходил здесь несколько лет назад — жителей городка, который она знала. Дома были целы, но в них уже копошились совсем другие мужчины и женщины. И другие дети сновали во дворах.

Розочка постучалась в их дом, но там никого не было, а дверь оказалась закрытой.

— Чего тебе, девочка? — вышла соседка, светловолосая, совсем не похожая на ту, которая здесь жила в ее памяти. Она испугалась и побежала по улице, туда, где когда-то булькал и шаркал, пивнушкой и рынком, центр городка. Ей снова было некуда и не к кому идти. И она уже ни на что не надеялась. Надеяться те, кому есть, что терять.

И тут произошло второе чудо в ее недолгой тогда жизни. Впереди открылся военный госпиталь, еще только разворачиваемый, поскольку город освободили буквально вчера. Сновали санитары и солдаты тащили, на плечах разобранные металлические кровати. Рядом дымила полевая кухня, вокруг которой уже крутились дети и измученного вида старики. Пахло едой и праздником. Что, впрочем, одно и то же. Розочка пошла к ним, попросить еду и от нечего делать, как вдруг на крыльцо госпиталя, прямо на нее, вышел мужчина с туго перевязанной рукой. Это был отец.

— Розочка…

Всю войну он партизанил в лесах, выжил и в боях, и в облавах. И не мог простить себе, что тогда, в первые дни оккупации, не нашел возможности и сил как-то спасти свою семью. Он знал, что всех, более половины населения городка, угнали в минское гетто, которое потом уничтожили. И воевал. Отчаянно и безнадежно. Ему нечего было терять. Но пуля его не нашла.

В конце войны их партизанская бригада освобождала родной городок в координацией с армией. И он один из первых ворвался на знакомые улицы, но был ранен и зашел в госпиталь на перевязку. Отец хотел попроситься в армию, потому что «мстить» стало единственным смыслом его жизни. С этим и вышел из госпиталя — в тот самый момент, даже не минуту, когда туда же подбегала его, не знающая куда идти, дочка…

Роза Михайловна рассказала мне все это доверчиво и торопливо, почти держа за пуговицу, поскольку вытащила на

улицу перед началом какого-то собрания. А мне надо было сказать на нем пару слов, так попросили. Люди вокруг проходили, здоровались и тоже хотели что-то рассказать или спросить. Но она немного выговорилась. Успела.

Людям в возрасте есть что сказать. Но некому. Мы определились, что я приеду к ней, матери моих давних знакомых, специально, с видеокамерой. Дома спокойно и поговорим.

— Обстоятельно, — сказала Роза Михайловна, прощаясь.

Пару недель спустя я разобрал срочные дела и схватился, что не взял ее телефон.

— Какая проблема? Возьму у ее сына. Хоть и живут не вместе, но общаются. Заодно сделаю его семье приятное — копию видеоинтервью, пусть останется на память. Я себе никогда не мог простить, что так и не снял на видео живых родителей: все потом, потом. А «потом», оказывается, не бывает

. — Зачем тебе брать у нее интервью? — неожиданно спросили на другой стороне телефона. — Что в ней интересного?

— Знаешь, ты в бизнесе, а я журналист. Мне в моей работе виднее, что надо.

— Оно так, но, говорят, когда делают запись с узниками гетто, западные фонды им платят за это.

— Кому платят? — не понял я, лихорадочно соображая, что он имеет в виду. И при чем здесь я. Какие фонды?

— Платят спонсоры. И тем, кто берет интервью, и очевидцам. Но им не всегда перепадает. Наших стариков все норовят использовать и не заплатить даже их крохи.

У меня давно не было такой внезапной и горькой сухости во рту. Хотя я уже заметил, что стал все меньше понимать людей. Наверное, это возрастное.

Роза Михайловна от разговора не отказалась, но сослалась на сумасшедшую занятость, присущую, видимо, людям за восемьдесят. С ней уже явно поговорили дети. Обратного звонка, когда она освободится, я так и не дождался. Недоумевая, ведь ей так хотелось поделиться прожитым.

— Чудеса, да и только, — подумал я тогда. — Хотя нет. Чудеса — от лукавого, а чудо совсем иное. Оно единственное.

Точно, как жизнь.

Пусть даже и не высказанная.

На израильско-китайской границе тишина…

— Лучше умереть при осаде Дамаска, чем при обороне Тель-Авива….

Наполовину в кумаче, с автоматом у бедра и в афганской шапке вместо кипы раввин был безобразно красив и отчаян.

В самом центре Иерусалима, близ Русского подворья, где сегодня расположена тюрьма, в баре с сакраментальным названием «Путин» тогда собрались с десяток мужчин в красных форменных рубашках. «Еврейские гарибальдийцы», — подумал я и на самом деле оказался в чем-то недалеко от истины. Пассионарности этим людям не занимать.

Они называют друг друга «товарищами», выступают против олигархов всего мира, эксплуатации трудящихся, всемирной экспансии воинственного ислама и за Израиль от «Нила до Евфрата». Им, говорящим на русском и на иврите, по нраву всемирная еврейская революция «краснорубашечников». Они не признают авторитетов и толстосумов, независимо от национальности, но уважают испанского Франко, португальского Салазара, чилийского Пиночета. И называют свое движение «Беад арцейну» — «За Родину».

Депутат кнессета, залетевший к ним случайно, явно по незнанию, ошалел, когда, выпив пива и поговорив, «краснорубашечники» вышли во двор, встали полукругом, зажгли факелы и над традиционным виноградным густым вином стали читать проклятие на иврите и затем на русском. Проклятие всем недругам еврейского народа.

— Кровь, огонь и столпы дыма — это все, что останется от наших врагов. За Родину….

— За Сталина, — постыдно подумал я, проникаясь. Креста на них не было…

Франко, Салазар и Пиночет — где-то в земле переворачивались под своими распятиями. А Путин — далеко.

Факелы взлетали ввысь, в ночное небо. Я глянул на растерянно заметавшегося «русского» депутата и успокоил — Не волнуйтесь, вас снимать не буду. Проблем не оберетесь. А я подставами не занимаюсь…

Все-таки красные рубашки на фоне факелов — красиво.

— Вообще, по кабалле, — объяснил цвет движения раввин Аврум Шмулевич, — это цвет силы и потому он для нас не

случаен. Он, как и наша эмблема, имеет серьезный кабалистический смысл. Кроме того, этот цвет крови, пролитой за землю Израиля.

Раввин, богослов и известный публицист, живет в небольшом еврейском квартале города Хеврон, близ могил праотцов Авраама и Сарры, во враждебном арабском окружении и потому никогда, даже здесь, на иерусалимской встрече, не расстается с оружием. Ему еще возвращаться домой.

— Политическая система этого государства полностью себя исчерпала, — продолжает он, поправив автомат на плече. — Здесь правит олигархический бизнес, сросшийся с бюрократией. Поэтому мы выступаем за свободную экономику, где каждый человек имеет право на полную самореализацию. И его инициативность не душат налогами и бюрократией. Нынешняя система, как мы полагаем, должна быть в Израиле сломана.

Они выступают под лозунгами, которые во многом, словно взяли у них, адаптировав, нынешние идеологи России. Мощная страна, гордый народ, сильное большое государство. Великий Израиль. Они бы хотели, чтобы всем гражданам страны выдали на руки оружие, чтобы каждый чувствовал личную ответственность и за безопасность своих близких, и за всю Родину. И чуть что, не ждал бы помощи и указаний от государства.

— Мы считаем, что третья мировая война уже началась, — объяснял раввин. — Это война между исламским фундаментализмом и христианско-еврейской цивилизацией. Для нас она, на самом деле идет, уже шестьдесят лет. Христианский мир столкнулся с этим недавно. Простые израильтяне страдают от террора почти каждый день и пора положить этому конец. Лучше погибнуть при осаде Дамаска, чем при обороне Тель — Авива. Пришло время и нам построить великую и сильную страну, которая бы соответствовала вкладу, который наш народ внес и вносит в мировую цивилизацию, экономику и культуру. Что касается территорий, то израильско-китайская граница — не самый худший вариант.

Их немного, этих радикалов, но позиция активной наступательной защиты и критика власти полтора десятка богатых семей над всей страной при помощи бюрократии имеет немало, более спокойных внешне, сторонников.

— Мы ратуем за создание большого еврейского государства, которое не является американским холуем или марионеткой какого-либо иностранного правительства, — пояснил одни из активистов движения — Американские деньги в нашей экономике — это миф. США вносят только три процента от общего бюджета. Мы полагаем, что у нас должны быть другие ближайшие

союзники. Прежде всего Индия, находящаяся на другом полюсе мусульманского мира. Затем — Россия, которая также стала объектом притязаний религиозного терроризма. Кроме того, Москва — экономический конкурент арабских стран, как солидный экспортер нефти. Америка от этих же стран, как главный импортер, просто зависит. И наконец третий главный союзник — Китай.

«Краснорубашечники» с жаром доказывают, что Израиль должен освободится от влияния США и гордо заявить о себе, как сверхдержава, представляющая всех евреев, а не местечко, куда они смогут сбежать «в случае чего».

Со стены бара подслушивал Путин, ряженный в морскую форму, хотя вроде должен быть «в штатском». Раввин поставил на стул свой «узи» и поглубже натянул «пешаварку» афганского моджахеда. По телевизору в углу без звука, как на заказ, истекал славянским братством старый советский фильм об освобождении Болгарии от турецкого ига. А сверху и сбоку из динамиков кудрявила былинным голосом певица Пелагея — «Любо, братцы, любо. Любо, братцы, жить…» Российский триколор и израильское пиво. Флаг движения, похожий на камбоджийский и звезды, торчащие в окне, как кресты православного собора напротив, на площади Москвы. Иерусалим…

Правда ни в соседский, ни в мировой заговор в этих краях никто не верит. Дураков нет. Верят только в Бога или в себя.

— Власть исходит из своих сиюминутных интересов, совершенно наплевав на жизнь и интересы граждан, — говорит кто-то из «товарищей». — А политики занимаются демагогией и зомбированием простого человека.

Словно в мире полно стран, где все это иначе…

Не удивительно, что с такой позицией у движения «За Родину» нет финансовой поддержки ни от государственных институтов, ни от толстосумов. Радикалы, да еще политические, а не религиозные, националисты, но осуждающие любую национальную нетерпимость, идеалисты, но не фанатики, они чужды сегодняшнему обывателю из общества потребления, занятому бытовыми и личными проблемами.

Их движение похоже на игру взрослых людей, которые не хотят быть уставшими и плюют на истеблишмент. Они слишком не любят богатых, чтобы иметь деньги, а значит — и силу. И слишком болеют за Родину, которая — все, а остальное — ничто. С ничем и остаются.

Поскольку Родина, будучи женщиной, предпочитает здоровых, в смысле конформизма, мужчин. Как тот же Франко.

Или Пиночет. Или, на худой конец, Путин.

Белогвардейцы Болгарии

О них и сегодня не рассказывают — ни государственные журналисты, ни самопровозглашенные аристократы новой России. В Париж или в Лондон командировки оплачиваются лучше, а ездить престижнее, чем в Болгарию.

Но, где-то в центре Софии, среди солидных домов старой постройки, находится здание, где на одном из этажей расположена организация, которой скоро будет уже сто лет. У ее дверей массивная табличка с гравировкой «Союз белогвардейцев и их потомков в Болгарии».

Его когда-то основали те, кто в составе белой армии, бежал от большевиков.

Но сначала, — как рассказывает председатель Союза Леонид Ходкевич, — они осели в Турции. Там, никому не нужных эмигрантов, под давлением Франции продержали один год. В то время Запад уже начинал вести осторожные переговоры с новой Россией и именно «белой армией» пугали Москву, пытаясь сделать ее сговорчивей. Когда же стало понятно, что переговоры проходят для Запада успешно, армию просто распустили. Все свободны…

И вот тогда бежавшие из России тысячи людей начали правдами и неправдами разъезжаться — в Югославию, Чехословакию, Францию…

— Это неправда, что нас в Болгарии приняли, оказывая помощь попавшим в беду братьям-славянам. На самом деле все было гораздо проще и прозаичнее.

Во время Первой мировой войны Болгария поддерживала Германию и была на ее стороне, но, как и Берлин, проиграла. И победители, в частности Франция, заставила Софию принять русских эмигрантов — тех, кто решил переехать именно сюда. Более того, Франция уменьшила из — за этого репарации, которые должна была выплачивать победителям Болгария. Часть денег списали в обмен на согласие легально принять у себя пятьдесят тысяч «белых» эмигрантов.

Далеко не все в этой стране сегодня считают, что Россия в конце 19-го века освободила Болгарию от турецкого ига. Как это принято считать у славянофилов и большевиков. Некоторые полагают, что тогда шла одна из фаз многовековой войны двух хищников за Балканы. И в ходе той войны Болгария стала свободной, как сегодня здесь нередко говорят, от турецкого владычества, но не рабства. И не специально, во имя братьев-славян, русская армия воевала в этих местах, а в результате

военного противостояния двух тогдашних сверхдержав, Противостояния, неудачного для Стамбула. Но русский царь все равно воспринимается как Освободитель. И эту историю переписать трудно.

Сам Ходкевич родился в Болгарии. Его отец, полковник царской армии, попал сюда еще в двадцатом году. Вряд ли кто из здешних русских знает путь и историю белой эмиграции страны лучше, чем председатель «Союза белогвардейцев», выросший среди тех, кто когда-то невольно покинул Россию, и чьи дети и внуки нередко уже считают Болгарию не второй, а первой Родиной.

— Русские эмигранты немало помогли болгарским властям в начале двадцатых годов прошлого века с тем, чтобы не допустить и подавить коммунистические восстания, бравшие пример с России. Но главное, русские здесь были не обывательской массой бытовой эмиграции. Они создали в Болгарии 85 различных организаций. Открыли и издавали 82 газеты, журнала, издательств. Первое русско-болгарское телеграфное агентство в 1920 году основал сам Петр Струве. Только профессоров с мировой известностью среди эмигрантов было около пятидесяти, но они и здесь продолжили работать и вносить свой вклад уже в культуру и науку Болгарии.

Понятно, что эмигрантам было непросто. Даже здесь, в Болгарии, где казалось бы много общего — и язык, и православие, и история. Говорят, до русской революции в местных ресторанах работали только мужчины. Но, когда русские аристократки, сбежавшие от большевиков, потратили последние привезенные деньги, они стали искать любую работу, чтоб выживать. И стали первыми официантками в этой стране. Впрочем, и рестораны, в европейском понимании, в Болгарии тоже тогда пошли — от русских.

Многие постепенно уезжали. В Париж, Берлин, Белград — к друзьям, родственникам, к возможностям самореализации в работе. Но еще целое поколение община была сильной и многочисленной.

— Во время Второй мировой войны, — объясняет Леонид Ходкевич, — Болгария опять стала союзницей Германии, уже нацистской. Но в отличие от других сателлитов, своих солдат на Восточный фронт болгарский царь не отправлял. И у политической дружбы есть свои пределы. Эмигранты же в войну не вмешивались.

Малоизвестно, но некоторые из них примкнули к созданному в Сербии «Русскому охранному корпусу». Его бойцы также не были отправлены на фронт. Корпус не имел ничего общего ни с

казаками, служившими в немецком вермахте, ни с «власовцами». В самой же Болгарии того, что называют «сопротивлением» просто не было. Конечно, существовало коммунистическое подполье, но белогвардейцы в нем не участвовали. И самой крупной акцией «сопротивления» за всю войну было нападение «красных» подпольщиков на лагерь, где отдыхали, без оружия, более двадцати раненых немецких солдат.

В сентябре 1944 года, когда Красная армия вошла в Болгарию, всех, проживающих здесь русских эмигрантов поочередно вызвали в органы безопасности: от «СМЕРШа» до представителей НКВД. Была проведена тотальная проверка и тех, кто вызвал подозрения в малейшем сотрудничестве с немцами, арестовали и затем выслали в лагеря в Сибирь. Таких людей было мало, около одного процента от всей общины. Русские здесь и во время войны оставались, в большинстве, сами по себе. Интересно, что, после проверки, русским белоэмигрантам предоставили советское гражданство и чуть ли не насильно — советские паспорта. Те, кто был в «Корпусе охраны» или вызывал подозрения гражданство не получили. Но их уже было немало — более десяти процентов. Уже в новой советской Болгарии, русские эмигранты обрели тогда легальный солидный статус. И никто не мешал жить и работать, как и самим болгарам.

После войны для всех эмигрантов было объявлено, что Родина их прощает и зовет обратно. Причем, не кого- то персонально, а всех. Поехала, конечно, прежде всего, интеллигенция. В 1954 году какая-то часть болгарских русских вернулась в СССР. И их, среди которых редко кто был с одним высшим образованием, направили на стройки пятилетки, в Казахстан, поднимать целину. Родине нужны были трактористы, механизаторы, строители и доярки. Но на возвращение поднялись многие — примерно каждая третья семья. И там, в СССР, на целине кто-то спился, кто-то съехал, кто-то все-таки смог опять вернуться в Болгарию. Почти половина сорвавшихся — было на историческую Родину. Это удалось потому, что за десятилетия жизни в новой стране русские уже начали ассимилироваться и выезжали в СССР со своими болгарскими женами и мужьями. Но потом, проспавшись, у таких оказался и мотив для возвращения. Затем в страну стали приезжать уже жены учившихся в Советском Союзе болгар. Но они были уже, скорее, советскими, чем русскими.

— Я помню, у нас еще в национальной гимназии, — показывает на одну их старых фотографий Ходкевич. — Было принято держаться традиций и гордится тем, что мы — русские. Что касается нынешней России, то в Болгарии ее больше

опасаются, чем любят. Стремление в НАТО это только подтверждает. София хочет быть подальше от объятий «русского медведя», как здесь иногда говорят. И не без оснований. Однако первоначальная волна антикоммунизма не переросла в русофобию. И вхождение Болгарии в Европейское сообщество на здешних русских никак не скажется. Вернее, скажется, как и на всех жителей страны. Но то, что Болгария уверенно дрейфует от России к Европе — это факт.

Впрочем, никто не заберет ни Шипку, ни Плевну, ни надпись на русских медалях той войны, где указывается, что они были даны за освобождения Болгарии от рабства. И что бы ни происходило сегодня в России, какая бы ни была там власть, она всегда оставалась и останется нашей страной.

Партизанская честь

Чтобы воевать с фашистами на той страшной войне, он поначалу выбил глаз офицеру НКВД. А затем командовал партизанской бригадой, чтобы после Победы попасть в сталинский лагерь на Колыме. В минуты смертельной опасности, он оказывался решительным и отчаянным. И не объяснялся с теми, кому бессмысленно что-либо объяснять. Потому и выжил.

Но об этом почти никому не рассказывал. Незачем, да и некому. Людям и власти нужны мифы. Так красивее для одних и понятней, на палитре серого, для других. А за правду, как раз, проще всего показаться лжецом. И оказаться. Кому она нужна, голая до безобразия?

Он был известным человеком в Беларуси. И, как командир партизанской бригады, и как врач- профессор. Так о нем написано для всеобщего пользования.

И я бы, признаться, не обратил на него внимания: воевал с нацистами, как все нормальные люди, жил когда-то, хорошо работал, лечил людей, замечательная карьера, по восходящей. Биография. Складная и благополучная.

Если бы не его судьба, которая и делает правду по-настоящему возвышенной именно в силу её приземленности.

О судьбе этого человека мне рассказал его бывший сосед, с которым они подружились и не раз разговаривали по душам. Сосед, тоже медик, тогда был молодым перспективным начальником. И одна из его подчиненных, с фамилией, схожей с «Рабинович», как-то взяла подношение в виде дорогой колбасы и дешевой благодарности. Дали — она и взяла. Ей грозил позор, увольнение и возможно даже тюремный срок за взятку. А так нельзя. Взятки в этом мире безнаказанно берут только те, кому положено. И не колбасой.

И вот тогда к соседу позвонил живущий в этом же доме известный профессор.

— Ты что? — сказал он с порога. — Партизанку, которая героически воевала в моем отряде всю войну из-за палки колбасы хочешь до тюрьмы довести?

— Да я ничего, — устыдился сосед. — И работает она хорошо, и человек добрый. Поговорил бы и всё. Но с доносом принципиальных граждан и их колбасой — взяткой, что делать? Не я — прокурор решает. У него дело.

— А кто прокурор? — спросил профессор и, услышав, обрадовался. — Это тоже мой товарищ по партизанской жизни.

Сейчас позвоню ему.

И позвонил. На встречу они поехали вместе. Прокурор своего бывшего командира не забыл, выслушал все, вздохнул, затем достал папку с «делом» несчастной женщины с сакраментальной фамилией, которая для фронтовиков тогда не имела значения, вытряхнул спички и тут же, на глазах, сжег её «на хрен». Прокурор прошел войну, а не логистику продвижения пешек.

— Вот и все, — сказал он. — Нас и так мало осталось. А колбасу она теперь никогда не возьмет в благодарность. От неблагодарных. Забыла, с кем живет…

Так профессор и подружился с соседом. И у них оказалась одна общая тайна.

А без тайн разве это жизнь? Так — биография.

Профессор сам вырос в семье бедняков. И таких в стране когда-то было большинство. Это сегодня, куда ни плюнь, все из дворян, богатых купцов или золотопогонных офицеров императорской гвардии. У плебеев свои представления об элите — сколько это стоит и как называется в табеле о рангах? Профессор был не из таких.

Из бедняцкой семьи закончил школу, поступил в медицинский институт и перед войной его закончил. Но тут, 22 июня 1941 года, грянуло.

Чуть ли не первым на той войне санитарным поездом, назначенный наскоро его начальником, он повез раненных на восток. Но далеко они не умчались. Уже под Барановичами, в первый или второй день войны, эшелон разбомбили вражеские самолеты. В ошметки.

Молоденькие медсестички в панике побежали подальше от поезда. А он — за ними, крича, что надо вернуться и нельзя бросать, пусть и расквашенный, состав. И тут, неподалеку, на их еще одно несчастье, оказался отряд войск НКВД.

— Ты трус и паникер, — сказал ему майор, еще не видевший наступавшего врага в лицо, но знающий, как он выглядит по мирному времени. — Бросил свой поезд и удрал. Становись у ямы, нечего и некогда здесь разбираться.

Именем кого надо, майор тут же приговорил его к расстрелу. И всё бы для него здесь, в придорожном лесу и закончилось. Хотя немецкие танки еще не подошли. Это после них и отряды, и батальоны, и дивизии, и даже армии становились окруженцами. С общей судьбой. Поначалу. А тогда, услышав о приговоре, он понял, что до Победы не доживет. Свои не дадут. Но и умирать в канаве просто так, за здорово живешь, товарищ майор, тоже не хотелось. Их, таких судей, по миру много одинаковых. Только

униформа и знаки различия разные.

Он резко схватил лежащий под ногами песок, швырнул землю в глаза стоящего рядом солдата с винтовкой и с размаха заехал кулаком в глаз майору. Со всей силы и злости. На всё происходящее. А затем, не оглядываясь, рванул в кустарник и далее — в лес.

Пули вслед его не догнали. А наоборот, подгоняли все дальше. Вглубь и в сторону, от людей.

Он уже понял, что люди в этот первый или второй день войны и есть главная для него опасность. Лесами, скрываясь, пошел домой, в свою деревню. Пока добрался, немцы прошли мимо, на восток, но полицаи уже командовали вовсю. Полицаи — это первое, что приносит с собой новая власть.

Отмывшись, он встретил и друзей, из земляков, и других окруженцев. Огляделись, посоветовались. И решили, что деваться некуда. Хотя есть — к кому. Но не для них. И они ушли в лес, бороться. Сначала группа, потом отряд и наконец партизанская бригада. А он — её командир. И было всё, что бывает на войне. И о чем потом стараются не говорить. И наоборот, о чем говорят. Смотря кому, но не всем. Кому надо.

Летом 1944-го вернулась Красная армия и пошла дальше, к Польше и Германии, а в Беларуси порядок и власть устанавливали партизаны. Мужчин, переживших оккупацию, в том числе и бывших полицаев, не замаранных кровью, забирали на фронт. Война-то еще продолжалась и ей, ненасытной, нужны были люди. Часть партизан тоже мобилизовали. Но власть и порядок в республике, единственной в Советском Союзе, наводили именно те, кто здесь же воевал в подполье и в лесах.

И он снова стал врачом и даже занял солидный пост в системе здравоохранения в столице. Вскоре его избрали на какой-то съезд в Москве. Молодой комбриг и солидный врач, он принял это как еще одну награду. Живи — и радуйся. Там, в толпе отдыхающих от работы делегатов, к тому же встретил товарища по партизанской бригаде, ставшего партийным начальником. В те времена люди поднимались нередко так же резко, как и падали.

На съезде, в кулуарах, к нему подошел еще один старый знакомый, работник столичного аппарата государственной безопасности. Одноглазый. Многие, что при должностях, так лучше видят. Вот и его высмотрел тот самый майор, тоже выживший, но запомнивший врача, который выбил ему глаз под Барановичами, в самом начале войны.

На ней, несуразной, у каждого была своя память.

В Минске его забрали прямо при выходе из московского

поезда. Наручники не одевали — это всё кино. Или из будущих послевоенных времен. Засунули в крытый «черный воронок» и повезли недалеко, в знаменитую и существущую по сей день минскую тюрьму на Володарке, на улице Володарского. Задержанного положено выводить из машины внутри, во дворе тюрьмы. Но в тот раз ворота почему-то заели. А он понял, что вырваться из системы, попав в нее, на допросы и пытки, будет трудно. Команда-то на его арест шла из Москвы.

И, когда охранники, стоящие у машины, внизу, открыли дверь и приказали выходить, он, сверху, ударил одного ногой в горло, сшиб другого и кубарем сорвался вниз по улице. Там, где совсем рядом сегодня городской сквер, а тогда была громадная воронка и стоящие за ней развалины домов уничтоженного минского гетто. Ищи- свищи.

Он пробрался к одному из своих товарищей- партизан. Так, мол, и так — выручай. Посидели, выпили, подумали и пришли к выводу: если приказ об аресте был из Москвы, то отменить его смогут, рассмотрев, в той же Москве. Здесь, дома, кто против Берии пойдет? Пока разберутся — костей не соберешь.

Друг запряг лошадь, взял запас сала и самогонки, уложил на телегу дрова, спрятал там своего комбрига и почти целый месяц тащился с ним до Москвы. Вся надежда была на товарища по партизанской жизни, партийного работника. Тот и помог. Как мог. И даже сумел донести суть конфликта до Сталина. Вождь приказал разобраться в деле самому главному начальнику государственной безопасности, но Берия якобы ответил — Если каждый дезертир будет у моих людей глаз выбивать, а мы их прощать, то кто тогда станет Родину защищать? Это, мол, он не на майора руку поднял, а на власть. Значит, не уважает…

И повезли партизанского комбрига в лагеря, на Колыму, дальше некуда. Как врага и двурушника. Оказалось, что в их, уже совсем другой бригаде, таких было много — 26 человек. И все, как на подбор, строили на руководящих постах страну или воевали за нее. А надо было за Сталина.

Да и мало ли, кто кем был. За решеткой для охранников они все одинаковы, как и для тех, кто еще на свободе — зэки.

Однажды, спустя полгода, к ним в лагерь приехала комиссия во главе с генералом. И тот захотел посмотреть построение. Генералам многое можно, пока они при деле. И видеть, и командовать. Главное, не говорить лишнего. Но зэк- комбриг узнал в этом начальнике друга по штабу партизанского движения. Терять снова было нечего и он, к ужасу возмущенных овчарок, вдруг вышел из строя.

Не впервой. А иначе так, в строю, и останешься, до околения.

Генерал от военного братства не отказался. Выслушал, подсуетился и… забрал заключенного с собой. Так, после пересмотра дела, он снова оказался дома. И снова стал работать в медицине, помогать больным, уже как главный врач больницы. И все было хорошо. В смысле, как только может быть хорошо у тех, кто занимается своим делом.

Но война снова достала его. В спину. По причине банальной зависти.

Спустя уже много лет после Победы несколько бывших партизан написали жалобу-донос с обвинением его чуть ли не в предательстве. В третий раз. Правда, время было уже не сталинское, но все равно гнилое. Счастливые времена бывают только в воспоминаниях молодости и о седой старине. Чем дальше, тем светлее.

А во время войны партизаны постоянно оказывались в кольце блокад, когда враг пытался их уничтожить, окружив зону и сжимая кольцо. Нередко отрядам приходилось быстро перемещаться, скрываясь в лесах и постоянно уходя от удара. Или, попросту говоря, убегать и прятаться. При одной из таких смертельных блокад командир бригады, понимая, что с больными и ранеными им не уйти, передал их на попечение крестьян близлежащих деревень. Мол, мы вернемся.

А дальше там было, как и бывает в жизни: где-то людей спрятали и их никто не выдал. А где-то отдали немцам и полицаям на расправу. Об этой гибели товарищей спустя много лет вдруг вспомнили и некоторые бывшие партизаны. Впрочем, «вдруг» в таких случаях не бывает. Скорее всего, уже профессор и главный врач не смог или не захотел пробивать какие-то льготы. Не это было его прямым делом. Но «дело» возникло вновь.

И ему опять повезло. Главой республики уже был уважаемый и поныне бывший партизанский командир Петр Машеров. А он и военное лихолетье, и ситуации, и людей знал не понаслышке. Сам был из первых командиров Сопротивления. Боевых товарищей просто так в обиду не давал. Профессор остался на своём месте и даже вскоре стал Героем Социалистического Труда. По заслугам, как врач.

Но сил жить у него осталось потом всего на несколько лет.

— Я таких людей уже почти не встречаю, — сказал сосед профессора, прощаясь. — Свист, показуха, мелкотравчатость. Иногда кажется, что сегодня только кустарник вокруг и остался.

— Так время другое и не война, слава Богу, — ответил я и подумал: «Время, оно, конечно другое. Только люди всё те же».

Да и леса уже повырубали…

За что я уважаю Америку (США)

Франк Миллер потерялся там, где-то в мощных старых домах Манхеттена, на Ривер-сайде и в лекториях его Колумбийского университета. Сегодня он, наверное, благообразный дедушка с чудаковатыми привычками и борьбой за сохранение сельвы Амазонии. А, может, уже просто — благообразный, что сомнительно. Но тогда… Тогда я уже прошел все. И всех. Ну, не всех конечно, но многих… Долгий список, составленный из адресов и телефонов разных организаций, собранных из ссылок и упоминаний в газетах и журналах, подходил к концу. И везде было одно — «мы вам позвоним» и возненавидимое «good luck», похожее на русское «пошел ты» куда подальше.

Деньги, отложенные за первые три месяца в Нью-Йорке на черных, как будни, работах, без выходных, именно на прорыв, зацепиться там, где надо, подходили к концу. А ничего не получалось.

Правда, в некоторых местах давали новые телефоны и советовали сходить и туда, но их становилось все меньше. Конечно, можно было без проблем обратиться за пособием или даже пойти учиться, скажем, на компьютерщика. Такие бесплатные официальные полугодовые курсы были на поверхности и даже пособие, именуемое в Штатах «велфером», давало возможность жить и платить за тот же угол.

Но я не мог себя переломить. Сам факт того, что это можно сделать, вызвал у меня уважение к этой стране, но брать у нее деньги, не работая, казалось, мелковатым. Америка уже быстро научила, что, если тебе до пятидесяти, кем бы ты ни работал, ты не потеряешь лицо и уважение других.

А вот с государственным пособием-минималкой, на жизнь, свое «я» действительно можно оставить только для таких же. На многоголосный распив, пустые прожекты и дешевую закуску. Но не больше.

Я уже почти отчаялся и стал внутренне готовить себя к новым поискам уже любой работы, чтобы опять продержаться и отложить деньги на новый рывок, учитывая нынешний, как вдруг в Русском институте Колумбийского университета, занимающимся изучением Советского Союза, его моложавый директор, коллега, работавший ранее в Москве, неожиданно сказал:

— К сожалению, пока нет мест ни в библиотеке, ни на подхвате, но попробуйте спросить у Франка Миллера, на факультете славистики. Он профессор, очень солидный

специалист по России, можете сослаться на меня. И все-таки, зря вы ищете именно работу, с учебой мы бы вам помогли…

Через день, созвонившись и тиская голую стенку за десять минут до оговоренной встречи, я стоял в темном коридоре офисных помещений Колумбийского университета и ждал профессора. Поехал уже просто так — для очистки совести. Последний раз перед тем, как запрягаться, по кругу, заново. Это была не журналистика, не редакция, не правозащитная организация или соответствующий гуманитарный институт.

Славистика, что мне там делать? И зачем? Неожиданно, издалека показалась худощавая фигура, завернутая в тесное пальто. Без шапки, несмотря на промозглый морозный день. Ближе я разглядел типичного «арийца», голубоглазого, подтянутого, с прямыми русыми волосами, стриженными под бойскаутов или спортивных мальчишек тридцатых-сороковых годов.

Он был очень странный, потому что кутался в… советскую солдатскую шинель без погон. Именно солдатскую. Правда в ботинках, а не в сапогах.

— Вы ко мне? — спросил он, открывая дверь в кабинет своим ключом.

— К профессору Миллеру, — промычал я, посторонясь.

— Значит, ко мне, — и он стряхнул снег с плеч. Там, где когда-то были никому не нужные погоны.

Минут пятнадцать он спрашивал и смотрел резюме, а затем неожиданно сказал:

— На факультете свободной работы нет, но скоро я еду преподавать в, пожалуй, самый престижный американский языковой колледж, на все лето. По моему, там нужен был заместитель декана факультета русского языка. Давайте проверим.

— Я? — мне стало жарко от недомыслия. Но он уже набирал какой-то номер:

— Дэвид, у меня симпатичный парень, журналист, только недавно из России. Ты уже нашел заместителя? Нет, но сам обязательно буду. Я о парне. Идеальный вариант.

— Франк, — лихорадочно зашептал я у него над плечом. — У меня перед выездом забрали диплом об окончании университета. Какой деканат?

Я почему-то вспомнил, что забрали даже автомобильные права, чтоб помучался и потратился, получая новые. Но промолчал.

— Да кому он нужен, этот диплом? — отмахнулся профессор — У меня, что глаз нет? Бери трубку, договаривайся. О

транспорте не думай. Вместе поедем, на моей машине, а то мне скучно в дальней дороге…

Уже много позже мне попалась американская поговорка, высказанная кем-то из местных, великих — Пытайся. И еще раз — пытайся. Если не получается, снова пытайся. И снова. Если все равно не получается, бросай это дело, не будь дураком. Ищи другое.

И за это я больше всего уважаю Америку. Она благосклонна к тем, кто хочет и действительно делает.

Главное — жить.

Потому что жизнь — это и есть попытка.

«Куба — си», но… (Куба)

«Наши власти похожи на светофор, — говорят кубинцы. — Сначала они ориентировались на красный свет, то есть на Москву. Потом на желтый — на Китай. А сейчас на зеленый — на американский доллар.»

Рассказывают, что прежде, когда самолет садился в Гаване, пассажиры вставали и хлопали, выражая бурный восторг по возвращению на Родину. А в холле аэропорта, при прохождении паспортного контроля, их встречал голос, поздравляющий через динамик с прибытием на «свободную территорию Америки». Так, говорят, было.

Несмотря на особый режим, в котором живет остров, кубинские пограничники работают четко и профессионально. Как и таможенники. А говоря проще, не устраивают ни допросов, ни вымогательств, плохо замаскированные под бдительность. Здесь гостям рады.

И дело даже не в пляжах Варадеро или достопримечательностях тропического острова. Этим в мире никого не удивишь, Куба делает деньги прежде всего на коммунистической идее. А это уже интересно.

В итоге здравицы и отели, которыми раньше пользовались простые кубинцы, отданы под лизинг, аренду и просто — под отдых иностранцам. Значительная часть туристов, приезжает сюда не столько, чтобы отдохнуть на море, сколько посмотреть, как они думают, чуть ли не последний заповедник коммунизма, оставляя казне сотни миллионов долларов ежегодно. Именно для них — кубинский ром, гаванские сигары и роскошные пляжи. И значки с портретами Че Гевары за доллары. Коммунизм — это рентабельный бизнес. Вот, если бы еще, не простые кубинцы…

— У нас сегодня три вида жителей, — пояснил мне молодой юрист с зарплатой «стыдно сказать вслух». — Это, прежде всего иностранцы, затем номенклатура и наконец — кубинцы. И у каждого своя Куба.

Чтобы выжить, юрист вынужден искать левые источники даже не доходов, а еды. Он, в частности, оформляет фальшивые приглашения в гости для тех, кто хочет выехать из страны, а по дороге соскочить как «беженец». Такая услуга стоит несколько сот долларов. Настоящее приглашение из стран бывшего Союза обходится еще дороже.

Впрочем, для кубинца главное — это еда. Еще вчера они получали в месяц по карточкам три килограмма риса и фасоли, пачку кофе на четыре мизерные порции, тюбик зубной пасты и

одну, далеко не гаванскую, сигару. Вместо продовольственных магазинов были распределительные пункты. Поэтому вся жизнь крутиться вокруг еды, а идеологией значительная часть населения, особенно молодежь, сыта по горло.

Я жил в простой кубинской семье в обычном районе Гаваны, где практически не бывает иностранцев. При почти полном отсутствии нормального общественного транспорта, мы с товарищем, более часа добирались на китайском велосипеде до центра города. И нигде по дороге не было ни одного пункта или хотя бы лоточника с обычной водой, не говоря уже о прохладительных напитках.

Велосипед на Кубе вещь необходимая. Работающем на государственном предприятии его продают со скидкой, а так — на черном рынке. Двое, а то и три человека на одном велосипеде — дело привычное.

Зато проституток и фарцовщиков, о которых так любят писать иностранцы, живущие в центральных гостиницах, вы, кроме центра города, нигде не увидите. Кубинцы, при всех трудностях, народ с прекрасным человеческим достоинством. Если в доме не найдется лишней еды, то вам обязательно предложат, хотя бы чашечку кофе или просто извинятся, что, кроме воды, сегодня ничего нет. Даже заядлые курильщики не стреляют сигарету, поскольку это неприлично и унизительно.

Не станут и разговаривать на улице о политике, особенно с незнакомыми. Не то, что все равно, а опасаются. Комитеты защиты революции в каждом квартале имеют свои группы бдительности, которые дежурят в местах скопления людей, у магазинов, на остановках, а то и просто в многолюдных местах. За такие дежурства активистам предлагается раз в месяц бесплатная еда в пиццерии, где когда, наверное, была пицца. Случайно встреченный выпускник одного из еще советских ВУЗов наотрез отказался фотографироваться.

— Я просто боюсь. Мы живем как в СССР начала восьмидесятых годов. А вдруг это фото кто-то из наших увидит? — он многозначительно похлопал себя двумя пальцами по плечу. Это характерный кубинский жест, означающий власть имущих.

— Наше телевидение, — пояснил знакомый журналист, — напоминает советское. Та же направленность. Та же обязательная воспитательная функция, то же отсутствии информации. У кубинцев одна жизнь. На телеэкранах — другая.

Пока народ на тачках и велосипедах постоянно везет свои старенькие телевизоры в редкие мастерские, те, кто побогаче, ставят внешние антенны, чтобы посмотреть Америку. «Радио

Марти» из Майями здесь слушают почти все. Кубинцы, все-таки, хотя знать, что происходит в их стране.

Из газет до читателя доходит официальная «Гранма», похожая на многотиражку. Но и за ней пенсионеры выстраиваются в очередь в пять утра, чтобы купить хотя бы один экземпляр на всех соседей и знакомых. Бывшие газетные киоски нередко превращены в телефонные будки, где оплату часто принимает сам киоскер.

В Комитете защиты революции мне с гордостью рассказали об успехах добровольного донорства населения, но, ни один из пяти солидных телефонов на столе у начальника, как оказалось, не работал.

— Вот они, наглядные результаты американской блокады, — смущенно объяснил начальник. Он учился еще в СССР, был ранен в Анголе и на пенсии работает партийным функционером. Сегодня это не просто. На стенах рабочего района ночью кто-то пишет лозунги вроде «Долой Фиделя». Активисты поутру замазывают их сверху призывами к стойкости.

Что касается американской экономической блокады, то она действительно не шутка. Оппозиция валит все проблемы на коммунистический режим, а власти Кубы — на блокаду. Вашингтон давит на Гавану с самого начал революции. Граждане США под страхом большого штрафа и даже заключения не имеют права сюда ездить. Торговое судно, зашедшее в кубинский порт, полгода затем не может швартоваться в США.

Негосударственная гуманитарная помощь, вроде «Священники за мир», вынуждена идти через третьи страны, а фирмы, имеющие дело с Кубой, бойкотируются американскими. Мало того, Куба не имеет права вести международные расчеты в долларах. Именно блокада толкнула в свое время Кастро к Советскому Союзу. Именно блокада вынудила, и без того бедную экономику острова на восемьдесят процентов ориентироваться на Москву. С распадом СССР здесь началась экономическая катастрофа.

Поначалу кубинцы терпели несколько лет. А затем — побежали. Точнее — поплыли. Массовое бегство на лодках через пролив во Флориду — акт отчаяния и бесперспективности. Резиновая лодка стала стоить на черном рынке более тысячи долларов. В ответ, власти усилили охрану побережья.

— Перемены у нас могут произойти только сверху, — убеждала меня преподаватель гаванского университета. — Верхушка просто боится потерять власть, поскольку ни на что не способна. С другой стороны, нельзя сбрасывать такие завоевания как бесплатная медицина или образование. Впрочем, как

оказалось, это обеспечивалось Советским Союзом. Ах, если бы был жив Че Гевара…

Я часто слышал именно такое мнение. Кубинцы считают, что у революции были три вождя — Кастро, Че и Сьенфуэгос. Че Гевара не захотел становиться чиновником, уехал, чтобы экспортировать революцию в Боливию и погиб. За год до этого Сьенфуэгос сел с телохранителями в самолет и… пропал. Официально — погиб в авиакатастрофе. Но подробностей его гибели никто достоверно не знает.

А Фидель… По имени его здесь называют официальные лица и функционеры. А кубинцы часто говорят просто «бородатый». В народе бытует мнение, что Кастро оторвался от реалий, оброс холуями и бюрократией.

— Мы и не думали, что так оно обернется, — сетовала добрая интеллигентная бабушка по имени Мария. Происхождением она из обеспеченной семьи. Но девушкой пошла в революцию, за народное счастье. Ее муж был связным у Фиделя. По ее мнению, у власти в стране приспособленцы, а народ бесправен и запуган.

Мария очень стеснялась, что, кроме воды, в холодильнике ничего не было. Не имея в деревне родственников, она с дочерью, доктором наук, почти не в состоянии прокормить себя и внука.

Дефицит во многом объясняется тем, что крестьянин может реализовывать продукцию только через государство. Рынки когда-то были вообще запрещены, но посредникам на них торговать нельзя. Говядина к торговле тоже была запрещена, полиция имела право останавливать и конфисковывать сумки с продуктами у прохожих.

По всей стране происходит натуральный обмен, причем не тоннами, а поштучно. Вечером люди стучаться в дом и предлагают продать или обменять картофелины или луковицы. В то же время ведется борьба со спекулянтами. Полиция имеет право войти в любой дом и потребовать отчет, на какие деньги куплен тот же телевизор или иной товар.

— Мы живем нелегально и едим нелегально, — я не раз слышал эту мысль. Хорошо живет тот, кто работает при иностранцах или имеет родственников за границей. То, что вчера мешало, сегодня помогает жить. Но в туристическом или совместном бизнесе государство также накладывает свою лапу. Еще недавно кубинскому персоналу в западных фирмах зарплату платили…продуктами.

Кастро разрешил когда-то получать валюту от родственников из США, и началась быстрая долларизация общества. В валютных магазинах можно купить все. За доллары и выше мировых цен. Но можно.

С кубинским товарищем мы мысленно послали своих вождей подальше и чокнулись. При отсутствии вино — водочных магазинов, мы пили купленное на черном рынке вино из… гороха, похожее на разбавленный сок. Самодельный ром мы так и не смогли достать, настоящий кубинский стоял далеко — в центре города, на полках валютных магазинов. Для иностранцев.

За окном, вдоль тихой улицы с грохотом проезжали редкие машины. Многие из них уже отъездили по дорогам тридцать и более лет и давно остались без глушителя. Иногда собирают одну машину или автобус — из двух или трех. Кубинской автопром — это новое чудо света. Но не кубинский путь к счастью.

По дороге в аэропорт друзья посадили меня в «шевроле» сорокалетней выдержки и вдруг приладили между ног на первом сидении бидончик с бензином. Они вставили туда шланг, идущий откуда-то из мотора, похожий на резиновую трубку старой стиральной машины. Такой самодельный бензобак позволяет якобы использовать бензин полностью и называется на местном сленге «капельницей». Я почувствовал себя как в лимузине, но на бомбе.

На воротах соседнего дома активиста из Комитета защиты революции белел не раз замазанный лозунг «Свобода или смерть».

— Когда ты снова приедешь? — спросили друзья уже в аэропорту.

— Как только — так сразу. — Когда будет свобода. Но без всяких «или»…

Учите китайский (Китай)

Пока одни мучительно ищут Бога, другим достаточно в него просто верить.

Стоящая на коленях женщина отвешивала поклоны в чаду курительных палочек. В этом не было ничего удивительного, особенно здесь, в Китае, как и во всем регионе Восточной Азии, где особо почитают культ предков. В жилых домах и даже в кафе или рабочих мастерских Кореи, Вьетнама, Таиланда, Тайваня довольно часто можно встретить уголки с портретами ушедших близких или просто с атрибутами культа предков в окружении благовоний.

В Китае правда это происходит только в храмах. Но, в целом, вписывалось и здесь — в комплексе зданий стилизованной старой китайской деревни. Эти домики с нехитрой крестьянской дореволюционной утварью и предметами быта полукругом огибали пруд в стиле дзен-буддизма — с уложенными четко, но красиво, камнями и продуманно высаженными деревьями. Уголок или даже комната предков были бы вполне естественны, хотя сегодня в этой стране и не типичны.

Я зашел в здание. При входе продавали связки курительных палочек и китайские женщины-туристки тут же зажигали их и ставили перед собой, чтобы встать на колени и отвешивать поклоны…. одинокому бронзовому бюсту Мао Цзе Дуна. Больше в этой комнате ничего не было.

— Снимать нельзя, — подскочила служащая. Я и не возражал. Я и так был в этих местах явно «белой вороной», в смысле, не китайцем. Да еще без группы, а так, сам по себе.

Более тридцати лет прошло после смерти Мао Цзе Дуна, но и сегодня ежедневно десятки автобусов со всей страны стекаются в деревню, где родился вождь. Деревня расположена в ста тридцати километрах от губернского города Чанжа, в провинции Хунань, в глубинке страны и вдалеке от стандартных туристических маршрутов иностранцев. Ежегодно сюда приезжает до трех миллионов пилигримов-китайцев. Много, но для миллиарда трехсот миллионов современных жителей Поднебесной — почти капля в море.

В целом, место рождения вождя — довольно большой мемориальный комплекс, в отличие от советского Ульяновска и дома-музей В. Ленина, представляет из себя разбросанные на значительной площади объекты, где всегда есть посетители. В бывшей резиденции Мао слева от основного здания залы с фотографиями скорбящего Китая и всего мира по поводу его

смерти. Справа — сотни фотографий Председателя КПК с видными политическими деятелями второй половины двадцатого века.

В основном здании — сидящий в центре зала вождь, обрамленный рядами красных флагов и цветов. В стороне — бюсты соратников по борьбе. Именно в этот дом в свое время приезжал Мао, чтобы отдохнуть от дел на малой Родине.

Кроме резиденции и старинной китайской крестьянской усадьбы десятки автобусов каждый день привозят сотни людей к дому, где родился Мао Цзе Дун и туристы непременно фотографируются на его фоне. В мемориал входит и еще одно место, где стоит небольшой бывший конфуцианский храм, заполненные портретами вождя и громадная гранитная статуя Мао.

Группы приносят и возлагают к ней венки, затем становится в две-три шеренги, в зависимости от количества людей, выравниваются и по команде трижды отвешивают поклон. Здесь же, у каждого объекта, продаются многочисленные сувениры, от зажигалок до фотографий и портсигаров с портретами вождя.

Совершенно очевидно, что поездка в этот мемориал для приезжающих сюда людей — событие и праздник. И они радуются и почитают Председателя Мао и все, что с ним связано, искренне и от всего сердца.

То, что и сегодня связано в Китае с именем Мао Цзе Дуна нельзя назвать культом личности в классическом понимании. Его громадный портрет висит над древними воротами, ведущими в знаменитый «запретный город», где пятьсот лет в затворничестве от мира и собственного народа жили китайские императоры. Портрет обозревает всю великую, самую большую в мире площадь Небесного спокойствия, Тяньаньмынь.

С другой стороны, прямо против портрета, расположен мавзолей вождя, бесплатно доступный для всех. Лик Мао, в обычных рамах, можно увидеть и в некоторых частных магазинчиках, и в парикмахерских, и китайских, не для туристов, ресторанчиках.

Никто не заставляет людей это делать, но и не мешает. Кстати, портретов руководителей нынешнего Китая я нигде не видел — достаточно новостей по основным каналам страны. Но героическую военную историю Китая двадцатых-пятидесятых годов прошлого века, революция и становление страны здесь явно принципиально не переписывают.

— У нас уважают председателя Мао, — пояснил мне китаец, учитель английского языка. — Особенно в провинции, в центре и на юге страны. С именем этого человека народ связывает два

важных обстоятельства. Во-первых, под его началом произошло подлинное объединение Китая, который веками на самом деле представлял из себя разрозненные, по сути, провинции и территории. А во-вторых, из отсталого, нищего и полуколониального, если не сказать феодального Китая, он построил индустриальную сильную державу и заложил основы той жизни, которая активно развивается сегодня.

— Я не очень большой сторонник Мао, — осторожно поделился со мной еще одни случайный попутчик в общем вагоне китайского поезда. — При нем было репрессировано и погибло даже больше людей, чем при русском Сталине. Но они создали великие государства, которыми можно гордиться. Мао, как и Сталин, были большевиками, левыми радикалами. Время, наверное было такое. Сегодня коммунисты другие, умеренные — и это благо для Китая.

Я почему-то вспомнил знаменитый вопрос в фильме «Чапаев», заданный крестьянином комдиву. Вопрос, который по-настоящему понял только сейчас: «Василий Иванович, ты за большевиков аль за коммунистов?»

Похоже, что эти два мнения — основные в Китае, если говорить о Мао Цзе Дуне. Десятки и сотни громадных высоток уже сделали города страны временами похожими на Манхеттен. Жилые кварталы новых двадцати-тридцатиэтажек, вилл — это все реальность. Тысячи магазинчиков, ресторанов, частных объектов службы быта и столовых уже превратили китайские города в такие же активные зоны, как торговые районы Бруклина или европейских стран. Даже больше.

И до того, традиционно закрытое от мира китайское общество с психологией Поднебесной державы, а затем десятки лет самодостаточное, сегодня, открываясь миру и сообщаясь с ним, дает жителям этой страны чувство гордости за прошлое и настоящее. И это восприятие ощутимо.

По телевидению на десятках китайских каналах совершенно спокойно уживаются и бесконечная концертная «попса», реклама, и сюжеты о молодых коммунистах, и полицейско-солдатские сериалы, и исторические «мыльные оперы», и целые эпопеи о народно-освободительной борьбе против японцев как буржуазного «гоминдана», так и коммунистов во главе с Председателем Мао, уравновешенным и мудрым.

Никто ничего разрушать не собирается — только строить. В конце 2007 года в Китае только официально признано 106 миллиардеров, пока еще по этому показателю на втором месте после США.

Дело Мао живет и побеждает. И растущий гигантскими

шагами современный Китай, со всеми атрибутами бурного капитализма, судя по всему, и не думает отказываться или хотя бы приглушить песню о вожде.

— У нас героическая история прошлого века, — сказал мне один из редких англоговорящих китайцев, встреченных в Мемориале вождя. — И связана она, нравиться это кому-то или нет, при всех перегибах и ошибках, с именем Мао Дзе Дуна.

Прошлое — основа будущего. Зачем нам его перечеркивать?

У нас еще все впереди…

Горская Куба (Азербайджан)

Это место называли «кавказским Иерусалимом». Иногда «малым». Основанное почти триста лет назад, оно, по-своему, уникально в диаспоре, поскольку нигде больше в мире, кроме нынешнего Израиля, евреи не жили и сегодня не живут столь компактно. Я давно хотел попасть сюда, в Кубу, на севере Азербайджана и только встреча с Зауром Гилаловым, московским бизнесменом, накануне собранного им первого Всемирного конгресса горских евреев определило и повод, и сроки.

— Я сам из Кубы, — объяснил Заур, — и скоро, в августе, у нас будет ежегодный день поминовения, когда на Родину съезжаются сотни земляков со всего мира, чтобы посетить могилы близких. Давай, там и встретимся…

«День поминовения» — это 9-го Ава, день еврейского траура, разрушения Иерусалимского храма.

Куба издревле разделена речкой с красивым названием Кудилай-Чай. Одна часть — азербайджанская. Другая, через мост, до 1926 года называлась Еврейской Слободой, а после — Красной. И действительно, здесь, как и в 1722 году, живут только евреи.

Но тогда, получив право жить в Кубинском ханстве, их были десятки семей. Через два века — уже сотни, построившие только здесь 13 синагог. Еще недавно в Кубе-Красной Слободе насчитывалось около двадцати тысяч жителей. После распада Советского Союза большинство разъехались — в Израиль, США, Германию, но, главным образом, в Москву. Жизнь вытолкнула отсюда энергичных и предприимчивых мужчин на заработки. И они развернулись именно в Москве, приезжая уже во второй дом отдохнуть и погостить. Сегодня в Красной Слободе много новых красивых вилл, детей и женщин. А живет постоянно около трех тысяч — но, по-прежнему, как и веками назад, только евреи.

Они пришли на Кавказ, как полагают, из Персии. Когда великий Ксеркс завершил «Вавилонское пленение», то обратно на Землю обетованную вернулось только два из двенадцати колен израилевых. Остальные — ассимилировались или рассеялись сначала по империи — и дальше по свету. Когда уже почти в середине первого тысячелетия новой эры в Иране вспыхнуло и со временем было подавлено широкое восстание Маздака, выступавшего за социальное равенство, часть евреев, принявших в нем активное участие, ушло на север — к Восточному Кавказу, а затем — и западнее, к Алании. Так на Кавказе появились евреи, джууры. Поскольку они долгое время жили среди персов, то

постепенно обрели и свой язык, смесь диалекта фарси и иврита. Это их потом, вместе с пришедшими с ними маздакитами, стали называть татами. А язык — татским.

Любопытна и еще одна примечательная, но немало важная деталь. Великое хазарское государство, как считают русские, со столицей Итиль на Волге еще до того, как стало иудейским каганатом, поначалу лежало скорее в прикаспийских степях, тяготея к нынешнему Дагестану. И даже главный город их был недалеко от Махачкалы.

Хазары-тюрки, с монголоидными чертами лица, успешно противостояли персам, но не смогли удержаться под ударами арабской конницы. Полководец Мерван, отчаянный и дерзкий, будущий халиф, дошел до Дербента, чьи крепостные стены перекрывали долину на север и тянулись от моря вглубь год на 42 километра. Мерван в конце концов разбил хазаров, вытеснив их на Волгу и в степи Причерноморья. Многие историки полагают, что хазары приняли иудаизм не потому, что, согласно легенде, их кагану Булану приснился ангел, обещавший победы над врагами с принятием иудаизма. А как раз под влиянием ушедших из Византии и из Персии евреев. Первые бежали, когда император объявил о принятии империей христианства и поголовном обращении в новую веру всех подданных. Вторые уже жили на просторах каганата. Степняки существовали грабежами и не особо обращали внимание на различие вер. Грамотные и торговые евреи, скорее всего, смогли оказать влияние на первого же вменяемого кагана.

С тех пор 25 хазарских вождей были иудеями и носили иудейские имена. А вот в местах проживания евреев в том же Дагестане появилось еще одно хазарское царство Джидан. И там, и там власть исповедовала иудаизм, а жители и «государственную» религию, и мусульманство, и уже появившееся в этих краях христианство. В главном городе царства, Семендере, который грабили, кстати, не только арабы, но и пришедшие поживиться сюда с севера русы, складывалась уникальная для истории ситуация. Знать и властители были иудеями, а лучшие воины, гвардия — мусульмане.

Рассказывают, что гости, бывавшие в этих краях, наблюдали как в пятницу жители идут в мечети, св субботу, они же — в синагоги, а в воскресенье — в христианский храм. «Мы не хотим обижать ни одного Бога», — так объясняли они свою веротерпимость.

Когда хазар, зажатых между русами и пассионарными тогда мусульманами сменили новые орды кочевников, евреи остались. Они селились среди мусульман, платили специальную подать, но

особым, физическим, притеснениям не подвергались. В изначальном исламе иудеев все равно считали «народом писания».

Один из западных путешественников описывал, как видел еврейский город недалеко от нынешнего Буйнакска, где якобы жили до пятнадцати тысяч иудеев. Уже в 16 веке евреи в Восточном Кавказе жили не только в своих городских районах, но и появились еврейские аулы, даже неприступная крепость-село и целая заселенная «еврейская долина» близ Дербента. Иудейские поселения тянулись от этого города сплошной линией до Кубы. Но с середины 18 века местные властители уже вовсю боролись друг с другом за власть и евреи стали объектом грабежей и изгнаний — из одного города — в другой. Как это было раньше в средневековой Европе. Евреи платили специальную подать мусульманскому местному владыке и вынуждены были исполнять бесплатно ряд «грязных» работ. Когда далеко на западе Суворов воевал с наполеоновскими гренадерами, здесь, у Дербента, очередной, жадный до добычи, князь осадил самое больше село «еврейской долины» Аба-Сава. Когда 160 мужчин села погибли в боях, победитель уничтожил всех мальчиков, а женщин увел в полон. Так прекратила существование «еврейская долина». Евреи бежали в более спокойные места, на Кавказ, но многие по страхом смерти переходили в мусульманство. И тут на их судьбу повлияла Россия, к которой, согласно мирному договору с Персией, перешли земли Северного, а затем и всего, Азербайджана и Дагестана.

Чеченские войны, продолжавшиеся полвека, и особенно восстание горцев под воительством Шамиля серьезно повлияли на жизнь горных иудеев. «Джихад», провозглашенный имамом, коснулся и здешних евреев. Их грабили — потому что за них некому было заступиться. Некоторые еврейские аулы были обращены в ислам. Война тянулась долго и в ней погибли более ста тысяч русских солдат. Пока на Кавказской войне не появился не появился князь А. Барятинский. Он был ответственен за часть Дагестана, где шли боевые действия. Барятинский по происхождению оказался из польских евреев, принявших в свое время христианство. Князь наладил личные отношения с представителями еврейских общин и пообещал всяческое содействие и защиту. Вскоре штаб его армии знал все о передвижениях войск Шамиля. Дело пошло настолько успешно, что при конных русских полках приписали по 60 горских евреев и несколько больше — при пехотных. Зная и менталитете, и обычаи, и территорию евреи оказались для русской армии незаменимыми помощниками.

С другой стороны, евреи служили и у Шамиля. Любимой женой великого имама, одной из восьми, была, как полагают, еврейка Анна, дочь купца из Моздока. Шамиль отказывался от любых денег, когда ее, захваченную, пытались выкупить родные. После поражения имам был взят в плен и сослан в Россию. Анна оставалась с ним до конца, а после смерти Шамиля перебралась в Турцию, где до самой смерти с гордостью носила звание вдовы великого горца. И она, и ее дети от Шамиля были правоверными мусульманами. Но еще во время войны правой рукой мятежного имама и даже начальником его монетного двора в Чечне был еврей Исмиханов. Именно ему Шамиль якобы доверил переговоры с русскими о сдаче, когда стало очевидно, что война проиграна и он же был переводчиком при личной встрече пленного Шамиля и императора Александра Второго. Тогда же все горские евреи за храбрость получили освобождение от податей на двадцать лет, а также возможность беспрепятственного передвижения по России.

По разным оценкам, в конце 19-го века только в Азербайджане евреи жили более, чем в тридцати городах и аулах. Русские принесли горским евреям безопасность, но вместе с ними сюда впервые за века пришли и обвинения в кровавом навете. Горских евреев только в Азербайджане, по меньшей мере, трижды обвиняли в жажде крови мусульманских младенцев. В тому времени сложились устойчивые общины на Северном Кавказе — Моздок, Пятигорск, Назрань. Тогда и появилось название «горские евреи», чтобы как-то отделить коренных иудеев, со своим бытом, языком, традициями, близкими к кавказским, от приезжающих евреев — ашкеназов (европейцев). Многие из них тогда занимались виноградарством и виноделием, поэтому первые горские евреи — миллионеры как раз и вышли этого преуспевающего бизнеса. В то же время, еще в середине 19-го века, горские евреи установили связи с Иерусалимом и первым тонким ручейком начали переезжать в Палестину. Кстати, первой книгой, изданной на татском языке горских евреев стала перевод работы доктора И. Сапира «Сионизм». После Февральской революции на Кавказе, так же как и в самой России, с одной стороны, проходят сионистские конференции, с другой — значительная часть евреев поддерживает коммунистов.

Хотя горские евреи не были политизированы так, как европейские, а больше занимались торговлей и ремесленничеством, в ходе борьбы советской власти с местными националистами они скорее поддерживали «русских». В Дагестане до семидесяти процентов красногвардейцев были из

горских евреев. При этом, основная их часть жила патриархально, по-восточному, большими семьями в несколько поколений и даже вплоть до укрепления советской власти нередко имели по две-три жены, что для других евреев было недопустимым. В принципе, устройство жизни еврейского рода у них мало чем отличалось от соседского, кавказско-мусульманского. Вплоть до традиций кровной мести. В большой семье у каждой жены и детей был отдельный дом, старшая координировала общее хозяйство, а руководил всем отец.

В советское время горские евреи создали ряд своих колхозов на Кавказе и в Ставрополье, но последние были уничтожены вместе с людьми нацистами в краткий, но кровавый период оккупации. Полностью были вырезаны евреи (и ашкеназы, и горские) в Кисловодске и Пятигорске. Тем не менее, кого война напрямую не затронула так и остались «на земле» и уже в недавний, «брежневский» период Советского Союза колхозником был почти каждый десятый горский еврей. Менялись властители и даже режимы, евреи перетекали из одного города и региона в другой — а пригород Кубы, со своей и внутренней и административной властью, оставался тем же.

И — с теми же.

Заур разместил меня в своем кубинском родовом доме — там где жил его дед, большой и мудрый, уже потерявших многих и переживший гибель сына. Его Талхум был бизнесмен и в девяностых годах развернул большое дело в Москве. Поговаривали, что под его началом был один из столичных рынков. На самом деле — доля. Кроме того — торговая сеть и вложения в недвижимость. Я не вникал и не уточнял. Меня никогда не интересовало то, что не касалось лично или по работе. Но Талхума, в той же Москве, в 1997 году застрелил наемный убийца, которого так и не нашли. А может и не особо искали. И вот тогда весь уже раскрученный бизнес перешел в двум братьям — старшему, как и положено в семье горских евреев Зауру и к младшему, уже из нового неодушевленного поколения деловых и прагматичных. Они оказались очень разными. Один воспринимал себя как часть всей общины, глобально. Другой, более современно, как часть… группы. Сегодня это называется «корпоратив».

Заур сильно выделялся из среды богатых московских земляков, среди которых, пожалуй, самые известные (и неизвестные) Тельман Исмаилов, Зарах Илиев и Год Нисанов. Их состояния оцениваются в сотни миллионов долларов, а московские обороты — в миллиард и более. Среди прочих проектов, как и Гилалов, они были совладельцами самого

большого в России Черкизовского рынка. Но дальше приумножения денег и развития бизнеса миллионеры мозгами остались нетронутыми. И только Заур стал заниматься широкой общественной и меценатской деятельностью. Он успел построить две большие синагоги горских евреев — в Москве и в Израиле. И обе они были названы в честь убитого отца. Создал Фонд сохранения и развития еврейской культуры, финансировал издание книг и проведение культурно-исторических конференций, а после организации Всемирного конгресса горских евреев стал их признанным лидером.

Я не раз с ним общался: ни «распальцовки», ни даже привычного для евреев «ты» собеседнику. Интеллигент по воспитанию и кругозору, не стесняющийся признать, что чего-то не знает, он и не особо вписывался в струю земляков-нуворишей, прорвавшихся из мелкой торговли в золотые стойла рублевских конюшен. Последний раз мы виделись с ним в Нью-Йорке, в декабре 2002-го.

— Вот что, — сказал тогда Заур. — У тебя уже много материалов о горских евреях. Давай-ка подсними еще наши общины, где посчитаешь нужным — и готовь фильм. Я хочу сделать горским евреям подарок.

— Можно снять в Австрии, Германии и Китае. Снег сойдет — с марта и управлюсь.

— Ну вот и хорошо. Перед поездками позвони мне напрямую, без посредников, я «прикрою» съемки.

Черед несколько месяцев, в марте 2003 года, Заура расстреляли из «калашникова» при выходе из ателье, где он примерял свой свадебный костюм. Ему было 29 лет. В прессе тогда писали о странном отсутствии его двенадцати телохранителей. Чушь. Он часто ходил и ездил вообще без охраны и вроде не нажил врагов. Но, судя по всему, имел завистников и конкурентов. Убийц опять не нашли. В отличие от отца, похороненного на родине, в Кубе, первый и единственный подлинный лидер горских евреев навсегда остался на Востряковском кладбище в Москве, на новой Родине. С тех пор никто из горскоеврейских толстосумов, которых в России ассоциируют, по-простому, с азербайджанцами даже близко, как личность, а не кошелек, не смог приблизиться по значимости к Зауру Гилалову. Горские евреи, заявившие было о себе, снова стали периферийной общиной, живущей в своем, но не в большом, мире, которому он первый попытался рассказать о них.

А тогда, в Кубе, Гилалов-старший рассказывал о том, что их род живет здесь почти триста лет и здешние азербайджанцы-соседи никогда не давали повода пожалеть об этом.

— А сейчас еще лучше, чем раньше. И мы, и мусульмане — все сыновья одного отца, Авраама, так что делить нам нечего. В доме, типичном для здешних мест, состоящем из множества комнат и большой крытой веранды, заправляли женщины, все в черном и в платках, но глава рода и мужчины — в авторитете, с ними советуются, но не спорят. — Мы не спорим, но в еврейском доме хозяйка — все-таки женщина.

Рано утром многие мужчины и юноши собрались в единственной синагоге. Горские евреи всегда соблюдали традиции, но при этом слишком строгих ортодоксальных ограничений не придерживались. Свободолюбивые — как и все на Кавказе. Законы для них важнее, чем буква Закона. Табличка «Просьба не курить в шабат» — лучшее тому подтверждение. В синагоге я не увидел рядов кресел и верующие, разувшись у входа, сидят здесь прямо на коврах. Возможно, это влияние мусульманских соседей. И еще, я не нашел совсем закрытого, но все-таки отдельного места для женщин. Сюда ходят молиться только мужчины. В свое время, в синагоге Даугавпилса, уже независимой Латвии, меня умилил национальный флаг, стоящий в углу — его вывешивают в дни государственных праздников. Ну, понимаю «молитву благодарности советскому правительству» в синагогах СССР. Однако проявление лояльности на Востоке, видимо, тоже традиция. И, написанная по-русски, молитва благодарности правительству Азербайджана с наилучшими пожеланиями — часть здешнего внутреннего интерьера и, видимо, внешних правил. Руководители общины сетуют, что мужчины среднего возраста на заработках в Москве, а многие уезжают вслед за детьми — кто в США, кто в Россию, кто в Израиль. Этакая цепная реакция.

Люди здесь свободны и открыты. И это видно по общению. Но есть одна тема, о которой горские евреи не любят говорить. Еще недавно невесту и жениха здесь подбирали родители. Они и решали кто с кем будет. Эта традиция, уже не везде, но все-таки еще жива. За невесту в ее дом жених платит нынче твердой валютой. И не маленькой — от двадцати до тридцати тысяч долларов. Как залог.

— Так что, девочка в семье, выходит лучше, чем мальчика? — улучшив момент, спросил я одну горянку.

— Не скажи. Если парень хорошо зарабатывает, то тогда мальчик — лучше…

Вот такая ориентировка на материальное благополучие мужчины и, как следствие, семьи — типичная для этой общины и во многом объясняет предприимчивость и жизнеспособность горских евреев. Женщина для них — прежде всего хранительница

очага, дома. Здесь предпочитают жениться на «своих». Но и по сей день в еврейской Кубе на улице и в кафе можно встретить, в основном, мужчин. Женщины и девушки выходят только по делам. А так все свое время проводят в домах.

— Так должно быть, — объяснили мне. — А мужчина должен работать.

Работа, насколько я понял, это, в основном, торговля. В нынешней России, глядя на судьбу Гилаловых, дело и хлопотное, и опасное. Днем 9 Ава, когда сотни кубинцев со всего мира, приходят на три городских кладбища помянуть близких, опасность жизни вне дома особенно зрима. Кладбище порой напоминает богатые мемориальные комплексы. Видно, что на ушедших родных здесь люди денег не жалеют. У горских евреев и поныне на похоронах и при поминовении привлекают профессиональных плакальщиц, но очевидно, что ушедших помнят и заботятся об этой памяти. Бросается в глаза и множество богатых мраморных плит с портретами в полный рост молодых людей, погибших в девяностых годах. В той же России и Москве.

А уже вечером, с заходом солнца, по традиции, как праздник жизни над ее трагедией, начинается период помолвок и свадеб. По роскоши и размаху они почти неотличимы. В одном из залов торжеств Кубы, словно где-нибудь в Израиле, с менорами на стенах и внушительной шестиконечной звездой над главной люстрой, мужчины и женщины сидели в зале за отдельными столами. Так принято. Праздновали помолвку молодой пары. Счастливого, слегка растерянного от внимания парня и очень молодой, но грустной девочки.

— Невесте только пятнадцать, — шепнул, узнав меня, кто-то из приехавших немецких кубинцев.

— А жених?

— Жених возвращается в Москву.

Женщины-родственники со стороны невесты сидели за богатым столом, почти не притронувшись, как на поминках. Молодежь, веселая и довольная, поставив какого-то малыша в круг, выписывала под камеры трех свадебных операторов отпускную под праздник начала новой совместной жизни. Я вспомнил, как глава общины сказал, что, может быть, когда жизнь в Азербайджане наладится, кубинские мужчины, во всяком случае из Москвы, вернутся. Но я не увидел в его глазах уверенности.

Кроме той, что в Кубе евреи будут жить, по меньшей мере, еще тысячу лет.

Перевернутые небоскребы Кунлуна (Гонконг)

Глядя на борьбу за власть, лишний раз убеждаешься, что лучшее средство от тараканов — это клопы. И — наоборот.

Я понял это еще в Гонконге, где тараканов было по-восточному много. Но без клопов. Наверное, они друг друга на нюх не переносят. И еще — не выживают в дорогих отелях. Для этой живности там, среди своих, наверное, нечеловеческие условия. Зато в Чанкинг Меншонс, впритык к дорогим гостиницам, где на небольшой территории проживают десятки тысяч людей, и тараканы, и преступники дожидаются темноты и выходят не в ночные клубы, где все просто дают за деньги, а на охоту — за пропитание, добычу и свою жизнь. Прямо как люди.

Среди продавцов, проституток, нищих и карманников, собирающихся при входе в Меншонс Джонни из Калькутты ничем не выделяется. Каждый день без выходных по восемь часов он пытается убедить случайно забредших сюда туристов и вообще «белых» зайти поесть в заведение его хозяина под громким названием «Индийские деликатесы». Таких забегаловок, именуемых ресторанами и кафе, в квартале Меншонс более пятидесяти.

Джонни, который в девичестве, скорее всего, Джамаль или даже Джамахирия, довольно типичный житель это знаменитого квартала Гонконга. Он зарабатывает на еду и ночлег. И в его комнате живут восемь человек, все — из Азии.

Четверо спят на двуспальных досках, одни над кроватью, остальные — на полу. Зато дешево. В углу комнаты на стене полка с продуктами. И телевизор, на котором постоянно крутятся порнушные фильмы.

Казалось бы, здесь должен чувствоваться дух мужского братства и готовности поделиться. Но в реальности, как говорит Джонни, соседи приходят и уходят, а рассчитывать ни на кого нельзя.

— Здесь все для того, чтобы заработать деньги, а потом вернуться домой. Ты просто не можешь никому доверять. Людей много, а денег — мало. Если я повернусь спиной, меня немедленно ограбят. а, если заболею, бросят. У каждого своя программа для выживания — в одиночку или в стае. И мне нигде не было так одиноко, как здесь.

Джонни ненавидит Гонконг и Чанкинг Меншонс, но еще больше — перспективу быть нищим и зависимым дома, в Индии.

Гонконг — один из самых дорогих городов мира и этот квартал — прибежище и для нелегалов, и работяг, и «бэкпекеров»-туристов. Ненадолго. Попав в этот мрачный человеческий тараканник, вы не сможете не заметить женщин средних лет, как правило, одетых в индийские сари голубых и розовых тонов.

— Это плохая женщина, — сказал мне толстый пакистанец, стрельнув сигарету и указывая на создание, выскочившее из какой-то комнаты. Вслед за ней выползли трое мужчин, а в открытую дверь были видны еще четверо, лежащие на одной большой кровати и глазеющие куда-то вверх, видимо, в телевизор.

— Так мы и живем, — поясни пакистанец, — платим по десяток долларов за «ходку» к девушкам. И все довольны.

Я не стал его спрашивать о СПИДе. В условиях сверхреальной экономики общие вопросы выглядят несерьезно и наивно. А это значит — опасно. Наивность в этом мире — как кровь для акул.

За полночь на первый этаж сползаются бабочки из всех мыслимых стран мира: из континентального Китая, Филиппин, Таиланда, Непала и даже Нигерии. Они стоят, как манекены и, в отличие от коллег, пасущихся у дорогих отелей, одеты довольно скромно.

Впрочем, я никогда не мог и раньше отличить женщину приличную от неприличной. А сегодня — тем более.

Правда, кроме одежды, девочки у Меншонс отличаются от подружек у «Риц» или «Амбассадора», пожалуй, главным. У них нет бумаг о праве на легальное пребывание в стране.

По неофициальным, разумеется, данным в Меншонс до пяти борделей, размещенных в десяти комнатах. Это для позволяющих себе индивидуальное обслуживание. Каждая комната не может быть занята больше, чем 20 минут. Время засекает вышибала, который поддерживает порядок в круглосуточной очереди, состоящей из таких же нелегалов — туристов, как и «леди».

Если вы, спускаясь по одному из вечно перегруженных лифтов Меншонс, захотите избежать липких взглядов подозрительных попутчиков и отвернетесь к стене, то, вполне возможно, увидите объявление полиции о том, что в колодце двора квартала найдена девятимесячная девочка, пролежавшая там два дня. С витринных улиц такое не видно.

Вообще, эта достопримечательность и одновременно дно Гонконга было воздвигнуто во время строительного бума начала шестидесятых годов прошлого века. Пять цементных семнадцатиэтажных блоков были даже какое-то время самыми большими небоскребами города. Лучшего места для уголовщины и найти нельзя. Здесь 600 отдельных частных жилых секций,

разбитых на комнаты. В свое время в квартале жили приезжающие на отдых от войны во Вьетнаме американские солдаты. После них и остались постоянные бордели.

Затем, индийские и пакистанские торговцы стаи вкладывать деньги в маленькие магазинчики на первом этаже — это же центр великого города. Отделы квартала заселяются по расовому признаку — чтобы избежать межнациональных трений. Есть здесь и родившиеся, и уже подросшие в Меншонс дети.

Китаец, хозяин небольшого отеля с удивительной по своей наглости рекламной надписью «Почти каждая комната в моем доме имеет вид на море» надеется разбогатеть. Его кухня одновременно и камера хранения, и склад. Ночью он и его жена спят здесь же.

— Надо, чтобы ушли индийцы и тогда мы, китайцы, начнем зарабатывать свое, — говорит он. Что бы ни говорили, а конкуренция, на самом деле, никому не нужна. Лучше цены и правила диктовать монополисту. Даже здесь. Поэтому китаец недолюбливает индийца. Похоже, взаимно.

Русских в Гонконге можно встретить без труда. Как правило, организованных туристов.

— Смотрю на эти цены как баран, — сказала вдруг стоящая у витрины женщина своему спутнику.

— А вы делите округленно и получите цену в американских долларах, — на свою голову посоветовал я. Они в ответ молча одарили таким взглядом, что я чуть было не полез за удостоверением личности.

В большинстве магазинов туристической части города вы не увидите ценников на товарах. Это для того, чтобы прикинув вашу платежеспособность «по одежде», загнать ее на европейские пределы. Один из наиболее распространенных методов местного обмана состоит в том, что вам могут предложить разумную цену, скажем, на фотокамеру, а затем безбожно ободрать на необходимых к ней причиндалах вроде ремня, батареек или футляра. Могут и подсунуть аккуратную подержанную технику вместо новой. Или продадут без гарантийного талона. Или старую модификацию — за новую. Здесь не исключено, что продавец с любезной улыбкой предложит завернуть купленный товар в подсобке или принести «такой же», но запакованный, как кот в мешке. Потом, дома, можно недосчитаться ценных деталей или частей.

Для мелких торговцев этот город — проходной двор. Тем более, что большинство здешних туристов — транзитные.

Но, покидая Чанкинг Меншонс, всего в полусотни метров, начинается совсем другой мир — на центровке Натан-роуд, среди

безликой праздной толпы и блестящих магазинов. И вы почувствуете себя человеком, который посмотрел этот сумасшедший и прекрасный город: с его пиком Виктории и парком тысячи Будд, небоскребами Кулуна, где тротуары движутся над землей и Меншонс, где тоже как бы жизнь.

Главное, без тараканов в голове. А в остальном — все равно от них никуда не деться.

Русские иудеи пустыни

Это уникальное место расположено в Иудейской пустыне, недалеко от библейского Иерихона — как полагают, самого древнего города на Земле. Иерихон отсюда я не разглядел — это уже Палестинская автономия, с которой по пустыне нет зримой границы. Холмистый простор — не более.

Но здесь, среди земли и голубого неба, раскинулся оазис единственного в Израиле поселения, где сегодня компактно живут русские без кавычек.

Русские иудейского вероисповедания.

Когда-то это место застроили еврейские поселенцы, создали свое сельскохозяйственную коммуну — кибуц. С общей столовой, детсадом, «общаком» вместо зарплаты, такая единственная в мире воплощенная коммунистическая идея. Но на каменистой земле пустыни ничего не вырастишь и это была скорее точка, застолбившая территориальное присутствие. Со временем, когда кибуцы, особенно нерентабельные, стали распадаться люди отсюда уехали. Остался только военный блокпост. К восьмидесятым годам прошлого века это место «законсервировали», построенные дома разрушались и пришло запустение.

Но тут и появились в Иудейской пустыне русские. А точнее, русские иудеи и Ури, или «в прошлой жизни» Юрий.

Он и начал пробивать идею «своего» поселения.

На самом деле эта идея была для Ури не нова. Его родители и единоверцы принадлежали к общине русских иудеев на Северном Кавказе и лелеяли мечту о совместном труде. Они и создали первый и, возможно, единственный в Советском Союзе кибуц еще в начале шестидесятых годов. Вместе ели, вместе молились, вместе соблюдали субботу и еврейские праздники, вместе работали на лесозаготовках, откладывая и распределяя все через общую кассу. Понятно, что в стране, строящей коммунизм, такие наглядные личные примеры коммунистического сегодня были не нужны. А главное, эти люди, и без того, жившие вне общества, в своем мире, как бы открыто противопоставили себя государственной машине.

Они продержались довольно долго: с 1961 до 1967 год. Пока где-то далеко, на Ближнем Востоке, не разразилась шестидневная война и великая сверхдержава вдруг, по-настоящему, вспомнила про Израиль и борьбу с сионизмом в любых его проявлениях.

Русские иудеи, тихо жившие в СССР, стали объектом повышенного идеологического внимания.

Надо сказать, что, так называемые «жидовствующие» русские крестьяне задолго до большевистской революции компактно жили в некоторых районах центральной России и области Войска Донского еще двести лет назад. Не говоря уже о том, что первое упоминание о «жидовствующих» относится к временам 15-го века и связано с Новгородом и затем- Москвой. Напуганный ересью, царь Иван Третий кого-то сжег на костре, а кого-то вынудил бежать в более терпимую Литву. Но русские иудеи возникали снова и, несмотря на ссылки и поголовные солдатчины, выживали. При Николае Втором, который «Палкин»[2], все их русские деревни были разрушены, а жители выселены в Сибирь. Полагают, что в середине 19-го века их было до тридцати тысяч и все они принадлежали к различным течениям, так называемых, «субботников», полностью или частично придерживающихся в своей жизни иудейским заветам.

Некоторые из них, «геры», практически ничем, кроме крови, не отличались от верующих евреев в своей, упорядоченной традицией, жизни. Другие — брали иудаизм или какие-то его элементы за основу. Эти общины складывались не благодаря какой-либо миссионерской деятельности евреев, а в поисках крестьян правды, первоисточника веры и стиля жизни, изложенных в Ветхом Завете. При царях их, время от времени, лишали паспортов, компактно ссылали — в Сибирь, на Кавказ и в Закавказье. В места отдаленные и опасные.

Кто-то из русских до конца следовал своей иудейской вере, кто-то принимал под давлением христианство, чтобы выжить, но тайно соблюдал Закон.

После коммунистической революции, в начале двадцатых годов, разбросанные по деревням Воронежской губернии, русские иудеи построили два своих компактных места — село Ильинка и поселок Высокий. Этнически русские, они уже считали себя евреями, полностью соблюдали традиции, давали детям еврейские имена и только по одежде и лицу ничем не отличались от типичных, таких же коренных жителей российской глубинки. Более того, они создали свой колхоз «Еврейский крестьянин», ставший благодаря дисциплине и самоотверженности, преуспевающим. В 1934 году этот колхоз «укрупнили» с другим и назвали «Россия». Но традиции и самобытность Ильинки не трогали. Так же, в своем мире, жили и небольшие общины русских иудеев по всей стране, в том числе, и на мультиэтническом Ставрополье и на Кавказе.

Накануне войны 1967 года восемь представителей иудейской общины, из коммунаров, были на приеме в посольстве Израиля в Москве в честь Дня независимости. Но после далекой

ближневосточной войны, коммуна иудеев, да еще и русских «сектантов», как тогда их называли, обратила на себя внимание. Шестеренки, скрипя, заработали и вскоре кибуц разогнали.

Организаторов посадили, понятно, что по «экономическим» статьям, дав им от двух до четырех лет лагерей. Некоторых упрятали в психиатрические больницы. Еще бы, какие еврейские коммуны, когда коммунизм, как обещали власти, наступит только через двадцать лет, в восьмидесятых годах. Община распалась.

Вернувшиеся из тюрем, советские «кибуцники», селились, в основном, в Грузии — там ни бытового, ни государственного антисемитизма не было. А, когда в начале семидесятых, наконец, ненадолго открылся массовый ручеек репатриации в Израиль, многие из них подали там документы — и выехали. Тогда же, кстати, начался и постепенный исход русских иудеев из Ильинки.

И здесь, те же русские кибуцники снова попытались воссоздать свою коммуну. Им, идеалистам, тогда резонно ответили, что в 40–50 лет кибуцы не создают. Живите…

— Но мы, их дети, все равно думали о мечте наших родителей, — рассказывает Ури, по виду, простой русский парень в кипе и уже с характерным израильским акцентом — После армии, где я служил со сверхсрочной почти шесть лет, обратился с вопросом о возможности жить в кибуце. Мне сказали, пожалуйста, выбирайте.

Система еврейских сельскохозяйственных коммун уже вступала в полосу кризиса и многие кибуцы с радостью принимали новых людей. Для репатриантов из Советского Союза потом даже создали целую программу помощи в адаптации с всеобъясняющим названием «Первый дом на Родине». Но Ури хотел «свой» кибуц.

— А если я соберу двадцать-тридцать семей, дадите место?

Об этом уже не могло быть и речи. В 1985 году был принят закон, запрещающий строительство новых поселений. Но они, небольшая инициативная группа, все русские иудеи, нашли выход. — Нельзя строить новые поселения? Хорошо. Но ведь есть брошенные старые.

Еще почти два года они искали место, договаривались, решали бесконечные бюрократические вопросы, собирали энтузиастов. Русские иудеи в СССР никогда не были единым организмом, каждая община- сама по себе. А здесь, люди уже где-то обжились, нашли работу, наладили быт — и тут снова, бросай все — и в пустыню.

Первые восемь семей приехали сюда почти в пустоту и разруху — заброшенные дома, ни воды, ни канализации, ничего. В 2000-ом году они смогли получить от государства приличную

помощь в 800 тысяч шекелей на реставрацию и строительство отдельных домиков и теплиц, где сегодня выращивают экологически чистую продукцию. В основном, на экспорт.

В поселении живут тридцать четыре семьи. Днем все на работе — кто в поселении, кто — выезжает в близлежащие города. Сегодня понятие местожительство и рабочее место не привязаны друг к другу. У аккуратных домиков, в клумбах, возятся бабушки в цветастых русских платках. Их внуки, совсем непохожие на евреев, родившиеся уже в Израиле, по русски понимают, но не всё и говорят с трудом. Может и не очень хотят.

Русские иудеи, приехав, поначалу столкнулись с праздным интересом прессы и почувствовали себя несколько неловко, особенно когда некоторые ортодоксальные урапатриоты стали к ним присматриваться — а настоящие ли они иудеи? Общины, небольшие, но единые, распылились по стране, стараясь максимально мимикрировать и ничем не отличаться от других израильтян. Русские иудеи закрылись от прессы. Их негласным принципом стало «Мы — как все».

Тем более, что МВД Израиля несколько лет назад вдруг внесло поправки, лишившие оставшихся на постсоветском пространстве «субботников» права на репатриацию. А их, по некоторым оценкам, от Молдовы до Хабаровска от десяти до двенадцати тысяч. Правда в последнее время все возвращается на круги своя и, похоже, «субботники» смогут пройти на местах ускоренный гиюр, официальное принятие еврейства, и тогда, если захотят, то и переехать в Израиль. Но такие «шараханья» бесследно не проходят.

А поселение, созданное в пустыне русскими иудеями и Ури, возможно, станет не только еще одним одним «форпостом», но и центром сбора и сохранения живой информации о самобытном и уже быстро уходящим явлении в многоцветии российской жизни — «субботников», «геров», короче, русских иудеев. Которые еще через поколение станут уже просто-напросто израильтянами. Еще в больший степени, чем «русские». Для которых они нередко так и остаются русскими. Без кавычек.

«Переживём и украинцев» (русины)

О них мало говорят в СМИ, о них почти не вспоминают. Их, словно бы и нет — этих курдов Европы, считающих себя четвертой ветвью восточнославянских народов. Возможно, единственной из всех, кто сохранил исконную самобытность.

Свой язык они называют русским. В основе своей и по большинству слов, он и есть тот, корневой, церковнославянский. Если точнее, древнеболгарский. А себя они зовут — где «народ русский,» где просто «русины», с ударением на последний слог. В зависимости от страны, у них есть и свои племенные группы — лемки, бойки….

Но в целом, независимо от языковых и культурных влияний окружающей «титульной» нации, они считают себя одним народом.

— Мы, прикарпатские русины, принадлежим к четырем восточнославянским ветвям — вместе с русскими, украинцами и белорусами, — поясняет одна из лидеров русинской ассоциации «Возрождение» в Словакии, в городе Прешов, русинском центре республики — И гордимся этим, и помним. Наш язык — старославянский, на основе которого потом и развились остальные восточноевропейские языки. И это — это базовая предпосылка национального самосознания всех русинов, независимо от их места проживания. Так же мы говорим о себе и в Польше, и в Закарпатье, в Сербии, Румынии, Венгрии, Молдове, США и Канаде — Официально нас в Словакии 24 тысячи, согласно последней переписи населения. Но 50 тысяч — назвали родным языком русский, в смысле русинский.

— После войны 12 тысяч наших русинов были насильственно переселены на Украину. Все это не прошло бесследно. Значительная часть русинов ассимилировалась полностью. Но сегодня некоторые их внуки начали начали учить «свою» азбуку. У нас есть национальная культурная жизнь. И государство ее поддерживает. И первый всемирный конгресс русинов прошел именно в Словакии еще в 1991 году.

У них реально никогда не было своего независимого государства, хотя до Первой мировой войны русины или карпаторусы жили компактно в Австро-Венгрии. Потом, после развала империи, их разрезали границы новых государств. В межвоенной независимой Чехословакии они концентрировались на территории, которую официально называли Подкарпатская Русь и даже имели свою автономию.

Больше всего повезло русинам Сербии.

Название «Новы Керестур» у въезда в небольшой город автономного края Воеводина написано на трех языках, в том числе и так, по- русински. А переводиться оно очень символично — Русский Крест Господень. Позади, не менее символично, бензоколонка российской кампании «Лукойл». Небольшая площадь вдоль основной дороги, греко-католический храм, не разрушенный памятник партизанам Тито, ресторан с вывеской «Русалка», типография «Руске слово»…

Что касается США, Канады или Австралии, куда с начала XX-го века уехали в поисках лучшей доли сотни тысяч выходцев из Западной Украины, Закарпатья, Буковины, то, хотя активисты национального возрождения и причисляют их к русинам, де-факто абсолютное большинство этих людей идентифицирует себя как украинцы. Хотя многие их эмигрантов, чьи дети и внуки уже говорят только по-английски, считают свое происхождение «русским», или точнее, «русинским».

Тем не менее, объединенная Европа, поощряя мозаику культур, политически старается снимать межнациональные напряжения. Как ни удивительно, но тема русинов, фактически решенная в той же Польше, Сербии или Словакии остается в «сердце» этого народа — на Украине.

Ныне «западные „русины, в основном, греко-католики, но на „востоке“ часть из них „униаты“, а часть — православные. Причем, как правило, Московской патриархии.

В Закарпатье (или в Подкарпатье) в свое время было до двадцати православных „русинских“ монастырей и служба на церковнославянском здесь фактически велась на родном для местного населения языке. „Местные“ так иногда называют себя русины Закарпатья, где сегодня живет миллион двести тысяч человек. Они считают, что 500 тысяч украинцев — „пришлые“. А остальные, 800 тысяч — русины. Но на практике, только 10 тысяч человек записали себя здесь „русинами“.

— Это немало, — горячится известный писатель и переводчик Иван Петровций, с которым мы встретились в Ужгороде — два поколения нас вообще не признавали как народ. Люди записывали себя как украинцы и привыкли к этому, забывая родной язык. Но еще в конце 17-го века мы имели букварь, на сто лет раньше украинского. За свою историю русинские просветители выпустили двадцать грамматик, у нас богатая классика, которая не переиздается. И сейчас не все просто для нас. Книга,“ Спиванки», которую я издал на родном языке в 1996 году, что-то между Рабле и Барковым, вызвала такой резонанс, что президент Кучма запретил ее, а меня чуть не посадили.

Защитила Россия, на которую мы, русины, традиционно ориентировались и надеялись.

Сегодня этих надежд все меньше. «Глухонемая Россия, — так отозвался о нынешнем Кремле один из лидеров закарпатских русинов протоирей Дмитрий Сидор. — Хотя у нас, русинов, в крови — русскость».

Некоторые современные украинские исследователи доказывают, что «русинами» исторически еще недавно называли всех нынешних украинцев и это было первое самоназвание украинского народа. Украину называли «Русью», Россию — Московия, Беларусь — Литвой. Поэтому нынешние белорусы были «литвинами», русские — москалями, а теперешние украинцы в малороссии — русины. Эти споры и объяснения можно оставить историкам — в зависимости от страны их проживания.

Суть в том, что, объективно говоря, часть коренного населения Закарпатья сегодня идентифицирует себя как «русины». И хочет культурной автономии — так же, как их братья в сопредельных европейских странах. А они взаимно друг-друга таковыми считают на основе общности родного языка и традиций.

В Киеве их хотят видеть только как субэтнос украинского народа, опасаясь, что культурная автономия русинов может со временем перерасти в требования автономии политической.

В итоге, весной 2007 года областной совет признал русинов как народ и это, по идее, должно было открыть путь к культурной и языковой автономии, наглядный пример которой находится буквально рядом, но за границей.

И действительно, в Мукачево был проведен фестиваль русинской культуры. Но один из районов Закарпатской области вскоре принял свое решение, протестуя против признания национальности «русин», а проживающих там гуцулов признал украинским субэтносом, то есть частью украинского народа и призвал президента, Верховную Раду республики и даже генерального прокурора опротестовать и отменить решения Ужгорода. Короче, здесь не соскучишься.

— Мы сохранили свой язык, культуру, традиции, национальное самосознание — говорит один из активистов русинского движения, показывая на старый храм в центре Ужгорода близ древней цитадели города

— И пережили венгров, чехословаков, русских. Переживем и украинцев.

Может потому там и опасаются признать русинов, что миллион двести тысяч записавшихся здесь украинцами, вдруг

вспомнят о давних предках, заинтересуются их языком, своим происхождением и….

«Ветвь украинского народа» — так спокойней. Только вот что делать с теми, кто уже считает себя русином?

Загадочные друзы (Ближний Восток)

Это место неофициально называется «Гора криков». А возвышается она на окраине друзского села на израильских Голанских высотах. Напротив полей и, дальше, другой, тоже друзской деревни. Но уже на территории Сирии.

Когда я там оказался, люди, прячущиеся за домами по обе стороны колючей проволоки, перекрикивались друг с другом. И так уже несколько десятков лет. А что поделать — они родственники. Разделенные с 1967 года границей политической целесообразности чужих политиков и спаянные неразрывной связью личных кровных уз.

Буквально в нескольких метрах позади тянулся ряд «колючки» и стояли железные ворота, сваренные из тонких труб — как на какой-нибудь сельской ферме повсюду в мире.

Но на самом деле это была израильско-сирийская граница. Между странами, юридически находящимися в состоянии войны.

В других местах этих же Голанских высот граница была зримой — и проволока повыше, и вспаханная пограничная полоса посвежее — как у настоящих враждебных стран. Здесь же, с той стороны маячила сирийская вышка с солдатиком. А с этой, израильской, на возвышенности стоял блокпост, почти вросший в жилые дома.

Оператор пристроил камеру и дал отмашку готовности. «Мы находимся…» Можно было начинать. Сирийцы через границу стрелять не будут — нельзя, чужая территория. А вот израильские пограничники могли запросто забрать, проверить и поморочить голову. Имели право. И, чтобы не давать явного повода для их беспокойства, мы снимали только сирийскую сторону — вот она, рядышком. И даже — их вышку.

Собственно, можно было сирийцев снять из-за домов — они близко. Но оказаться здесь — и не наследить, не встать в десяти метрах от военной границы для зримого «обозначения» места, оказалось превыше меня.

Мы знали, что за нами неотрывно смотрят и те, и другие пограничники, и, наверное, уже связались с руководством и спрашивают — что делать. С сирийцами понятно — «отслеживайте», чтоб не полезли через проволоку. А у израильтян, видимо, попался умный дежурный — мол, пусть снимают. Заберем — отпустим, а шума потом будет от этих двух «отморозков» и писанины по отчетам — на неделю. Они не нарушают, не провоцируют, границу не переходят, наш пост не

фотографируют? Где-то рядом их машина, дайте номер — проверим. А перехватить можно и потом — не на глазах же у сирийцев.

Мы так и не повернули камеру от границы в израильскую сторону. Повода не дали. И никто нас ни тогда, ни потом, не дергал.

Среди военных гораздо больше толковых и приличных ребят, чем нередко, кажется. Просто они меньше лезут на глаза…

Друзы голанских высот — явление отличное от своих израильских братьев. Или так кажется. Подрастает третье их поколение после шестидневной войны, а они все равно сирийские. Сами друзы, независимо от границ стран, где живут, и отдельный народ, и ветвь ислама.

Об их появлении существуют две основные версии, в принципе, похожие. Но одна из них — исторически красивее. Напоминающая историю первого древнего фараона — реформатора Эхнатона.

Короче, во времена правления в том же Египте, но уже династии Фатемидов, в 11 веке появился необычный правитель по имени Аль Хаким. Говорят, что он любил читать, а поскольку каирская библиотека насчитывала сотни тысяч трактатов и рукописей, властитель отошел от реальности и стал искать истину. От хорошей жизни, наверное.

Аль Хаким, якобы, всерьез интересовался и иудаизмом, и даже — христианством, и везде искал человека в сердце Бога. И Бог, как уже бывало, пришел к нему во сне и посоветовал надиктовать услышанные от него основы монотеизма. К тому времени уже изрядно запутанного толмачами от веры и вождей.

Правитель — реформатор надиктовал мысли двум писцам-ученым по имени Аль Дарази и Хамза ибн Али. Дарази объявил египетским правоверным о появлении нового мессии, воплощении единого Бога на Земле. Подданные были шиитами, то есть уже ждали мессию, махди, но, как обычно, не сейчас. Хамза и первые последователи нового учения пошли по миру с проповедями, а Аль Дарази обратил в новую веру ряд кланов. Это не всем понравилось и, когда их начали преследовать в Египте, последователи новой веры бежали в горные районы на стыке Сирии и Ливана. Там и остались.

Возможно, также, что они там и жили, но приняли новую веру. Сами друзы, получившие в мире имя именно от проповедника Аль Дарази, избегают о нем вспоминать. Предпочитают иное самоназвание, близкое к «единобожники». Как полагают, Аль Дарази не выдержал испытаний борьбы за

новую веру и Мессию. По одной версии буквально через два года после объявления монотеизма он то ли умер, то ли его казнили. То же самое вскоре произошло с самим правителем. Аль Хаким пропал из истории, уйдя в неизвестность, «в народ», или, скорее всего, убитый во дворце.

Последователями новой религии, близкой к мистическим дервишам, реинкарнациям и таинствам учения остались несколько кланов в горных сирийско-ливанских районах. Через несколько десятилетий после появления записанных откровений друзы окончательно замкнулись. Они объявили о прекращении любой миссионерской деятельности и те, кто на тот момент придерживался нового учения, окончательно стали друзами. И никто другой. В последующие века ими могли становиться только их потомки. И так — до Страшного суда.

Друзы считают, что в день Армагеддона в этом мире останутся только они.

Поскольку их могли уничтожить как мусульманскую ересь, друзы приняли систему тайного существования. Они считали, что, при необходимости выжить, друз имеет право скрывать свои взгляды и должен мимикрировать под окружающий их мир. Тонкости учения до сих пор остаются тайной — никто из посторонних не был в них посвящен, а сами друзы никогда не обнародовали подробности постулатов веры.

Известно, что они с уважением относятся и к Евангелию, и к Корану. А праотцов и пророков единобожия, от Адама, Ноя, Моисея или Христа считают друзами.

Вера в реинкарнацию породила и смелость этого народа. Утверждают, что друзские подразделения в английской армии шли в атаку с криком «В чреве матери». То есть, с уверенностью, что они еще появятся на этом свете.

Турки, проживающих на окраине империи друзов не трогали. Но они оказались «третьей силой» в противоборстве христиан и мусульман, а в прошлом веке оказались раздробленными между подмандатными Сирией, Ливаном и Палестиной.

В 1925 году друзы подняли восстание против французов, которые в Сирии стали совать нос в межконфессиональные проблемы региона. На Голанских высотах стоят красивые и пафосные памятники повстанцам того времени. Как напоминание о несломленности и героизме этого народа.

О друзах нынешней Сирии почти ничего не известно. Есть — и есть. Оказавшие после 1967 года «под Израилем» друзы Голанских высот к новому гражданству не стремятся. Время от времени они мирно бузят по поводу присоединении обратно к

Сирии. Но их собратья в самом Израиле считаются вполне лояльными и добровольно служат в армии и полиции. Особенно, в охране тюрем.

Друзы, вообще, ни в одной стране проживания не выступали в роли смутьянов. Они принимали присягу верности и никогда ее не нарушали.

В израильской армии у них есть свои этнические подразделения.

Мне повезло однажды первому и, похоже, единственному из русских работать с их батальоном пограничников, охранявшим территорию страны у палестинского сектора Газа. Аккуратные и ответственные, они патрулировали обширную зону вдоль колючей проволоки, из-за которой не раз безуспешно пытались проникнуть нарушители.

— Мы — лучшие, — скромно, но справедливо, — сказал мне тогда командир батальона.

Впрочем, все меняется и уже новое поколение, по сообщениям израильской прессы, не столь охотно стремится в ту же армию. Живут себе — и живут.

В одной друзской деревне в Галилее я как-то работал с чемпионами страны по перетягиванию каната. Почти вся команда, кроме залетного русского офицера из Кармиэля, состояла из друзов — полицейских. Никаких комплексов или проблем по поводу своей «друзскости» в Израиле эти мужчины не испытывали. Есть дом, есть община, есть работа, а вера — дело личное и почти интимное.

В Израиле их более ста тысяч. А всего в мире, который укладывается в анклав трех небольших стран, друзов около трех миллионов. Немало, если учесть, что уже почти девятьсот лет они не смешиваются с соседями и не знают смешанных браков.

Друзы Голанских высот сегодня в растерянности. Они то ли сирийские, то ли израильские. Или — сами по себе. Их около двадцати тысяч. На Голанах и сегодня можно увидеть остатки небольших мечетей, где относительно недавно жили палестинцы, курды, туркмены. Осталось всего несколько друзских деревень и одна маленькая деревня аламитов. Это еще одна мусульманская ветвь, к которой, кстати, принадлежит и династия Ассадов, нынешних властителей Сирии.

Среди здешних друзов можно встретить и говорящих по-русски. Они, в свое время, учились в СССР. Выезжали на учебу либо через Сирию, либо по линии израильской компартии. И некоторые говорят о своей жизни вполне удовлетворенно. Особенно, работающие

— Жить можно и с израильтянами, И даже неплохо. А, если

Голаны вернут Сирии, то будем жить по-прежнему. У нас своя земля и свое дело. Не думаем, что будет большая разница…

Но среди друзов Голан, и об этом не говорят вслух, большинство так и не приняли израильское гражданство, хотя им это никто не запрещает. Скорее — наоборот. Но те друзы, кто стали израильтянами, оказываются чужими среди своих. И не совсем своими — среди евреев.

— Мы не чувствуем защиту от государства как другие граждане, — поделился один из здешних израильских друзов — Оно просто не хочет вмешиваться. А мы уже выросли в этой стране, лояльны ей, привыкли к демократии и возможности свободно говорить, что думаем. Не уверен, что то же самое будет, если сюда вернуться сирийцы. Хотя именно Сирии многие благодарны.

Почему-то практически неизвестно, даже в Израиле, что друзы Голанских высот могут выезжать из страны и учиться в том же Дамаске. Врачи, инженеры, юристы. Получив высшее образование в Сирии, они возвращаются в Израиль. Таких специалистов сегодня среди здешних друзов немало — около пятисот.

Мне рассказывали, что те из них, кто не смог найти работу и применение своим силам, якобы получил от Сирии подарок — помощь, по тридцать тысяч долларов каждый. То есть Сирия здесь незримо присутствует и зримо поддерживает. Для старшего поколения — она в памяти, для молодых — в реальной помощи.

Друзы Голан идеологически расколоты. Молодые парни, разговорившись без свидетелей, не скрывали, что хотели бы прихода сирийцев.

— Израиль особо не вмешивается в нашу жизнь, но все равно евреи для нас — соседи, а в Сирии — родственники и братья.

Зато интеллигентного вида друз в придорожном кафе на прямой вопрос о своем будущем ответил, не смущаясь — Политики за нас решают и здесь, и там. От нас ничего не зависит. Но Израиль — демократическое государство. И, если дело обернется так, что Голаны опять перейдут к Сирии, то мне ничего не останется, как перебраться отсюда куда-нибудь в глубинку страны.

Надо признать, что на эту тему здешние жители говорят с журналистами неохотно. Политика — это где-то там, далеко, а люди живут насущными проблемами здесь. К тому же, есть еще одно неизвестное ни миру, ни израильтянам обстоятельство.

Местная власть в друзских деревнях Голан формируется помимо их желания. Друзы, принявшие гражданство еврейского государства, не могут избираться в муниципальные органы

власти, так же как и друзы, сохранившие сирийское гражданство. Местную власть, по их словам, здесь назначает… ШАБАК, служба внутренней безопасности. Назначает, правда, не из пришлых — а их местных и авторитетных. Но — их не избирают, как повсюду в стране. Это связано с особым статусом Голанских высот.

Друзы, ставшие израильскими гражданами, вынуждены были создать свою ассоциацию. И одна из главных причин столь необычного объединения в том, что они хотят ясности. И соблюдения государством обязанностей перед своими гражданами. То есть гарантий защиты и реального избирательного права.

В противном случае, некоторые из них готовы отказаться от гражданства Израиля. Но это — политика.

А в системе ценностей друзов, по-прежнему, доминирует мнение общины. Среди специалистов, которые учились за границей, в том числе, в постсоветских странах, никто не привез с собой жену. Это не значит, что они не влюблялись. Но, как объяснили сами друзы, они обязаны жениться только на своих. Иначе их исключат из общества. А вне его, оказавшись сами по себе, они жить, не хотят.

— У нас есть свои хорошие и красивые девушки. Но терять общину, свою религию и принадлежность к друзам ради брака с чужеродной, мы считаем, неприемлемым.

Не стоит требовать от друзов больше, чем они могут дать. От них ничего и не требуют. И, что важно, на их землю тоже никто не покушается. Ни в Сирии, ни в Израиле.

Но года жители друзских деревень на Голанах время от времени устраивают массовые демонстрации с требованиями о присоединении к Дамаску. И вопрос о судьбе Голанских высот вновь поднимается как главное препятствие на пути подписания мирного договора двух стран.

Сирийцы ждут своего часа после провозглашения независимой Палестины. Израиль ждет смены режима в Дамаске.

А друзы… Друзы ждут плодородных дождей и солнца на свои поля. И туристов, с их наивными вопросами и главное — кошельками. И новых друзов. В их новом перерождении. Как и сотни лет назад. Независимо от того, кто формально правит на этих землях — арабы, турки, французы, сирийцы или израильтяне.

— Что ты все спрашиваешь? — старик в национальном белом платке, накинутым на голову до плеч, приглашает присесть в своем магазинчике у памятника национальным героям, установленном при сирийцах. — Угостись кофе. Отдохни.

Пережди дождь. Небо опять прояснится. Потом поедешь. Все равно — ничего не изменится….

Русские староверы (Болгария)

Во времена Петра Первого казаки-староверы с Дона поддержали восстание Кондратия Булавина. И после его разгрома за своим атаманом, легендарным Некрасовым, всем миром двинулись на Запад. Большинство из них осели в Румынии, а небольшая часть двинулась дальше на юг — в Болгарию. Там, в одной из долин, напоминающих родные степи, они и основали свою станицу. Единственную в стране. Турки не возражали — хотя, казалось бы, и русские, и православные. Живите…

С тех пор триста лет эти люди сохраняли и свою веру, и свой родной язык. И были искренне рады встретиться. Русские, как оказалось, к ним не приезжают.

Их уже давние предки поселились в Болгарии у озера. И еда, и меньше зависимость от земли. Так большинство бывших казаков стали рыбаками.

— Было время — была рыба, — Старик, встреченный на дороге, улыбчивый и подпитый, сразу включился в разговор по-русски — А сейчас нет. Скоро вообще не будет.

— Рыбы нет. А счастье?

— Этого добра, слава Богу…

Старики и сегодня «держат веру». Даже в социалистические времена они оставались вместе. Но молодежь уже почти полностью занялась бизнесом и съехала. Просто раньше они работали в кооперативе, все вместе. А нынче — каждый за себя. Работы на селе нет, скучно, делать нечего. Школьники, подрастая, перебираются в города или куда подальше. Но дома здесь строят крепкие, каменные и не бедные.

Поначалу село сложилось большое — 350 русских семей. Здесь поселились и некоторые из еще «белых» эмигрантов — казаков, кто-то приехал из Румынии, кто-то из Турции. Понятно, что тоже староверы. Три столетия, вплоть до «перестройки» они кормились с земли и воды. Мужчины не брили бороды, а женщины всегда покрывали голову. Берегли свою правду и веру. Во многих семьях и сегодня в доме говорят по- русски.

— Матерный (материнский) язык нельзя забывать. Без матерного языка тебя нет, как продолжения твоих родителей. Иногда бывают конфликты и нам говорят, вот, мол, вы — русские. А мы отвечаем, что в каждом стаде есть плохие овцы — и у болгар, и у нас — и все успокаивается. Как относишься к людям, независимо от веры или национальности, так они тебе и отвечают… Бородатый мужчина вел меня в храм. Небольшую церковь староверов, где и сегодня они молятся и читают книги,

привезенные в Болгарию их прадедами.

Эти люди писали иконы на липовых досках, поэтому и в Румынии, и здесь их называют «липованцами». Сегодня в здешний храм приходят обычно не более двадцати прихожан, на праздники, в ту же пасху — около ста.

Молодой и очень светлый священник приехал в этот приход из России. По его словам, там и сегодня сотни тысяч последователей старой веры.

А здесь, в Болгарии, только в последние пятнадцать лет начался активный процесс ассимиляции русских. Многие казачки стали выходить замуж за болгар. Пропуская мимо двух немолодых женщин в расписных цветных русских платках, я не выдержал

— Красивые вы, а мимо идете…

— Не говори, — сразу отреагировала одна из них — Красивые были в молодости. Да не ценили. Ребята к нам русские подходил, а мы от них бегали. Дуры были…

С чувством юмора здесь все в порядке. Еще относительно недавно они выходили замуж только «за своих», как говорили родители. И только последнее нынешнее поколение, по их словам, полностью смешало болгар и староверов.

Свитан, у которого мать — русская Люба, а отец- болгарин, бизнесмен. В доме у них говорили по- русски, но себя он уже идентифицирует как болгарин. И так сегодня — большинство. Их уклад, традиции и даже лодки разбиваются о быт нынешней непростой жизни.

— Оно нам надо было, это НАТО? — завелся с полуоборота мужчина едва за пятьдесят, мирно сидевший на ступеньках своего дома и обрадованный неожиданным вопросом «хорошо сидим?»

Бывший всю жизнь моряком на флоте, он доживает на пенсии, потому что все закрылось и было, по его словам, растащено болгарской партийной верхушкой

— Они как были, так и остались. Только билеты выбросили и прикарманили остальное. Им хорошо, поделили между собой. Скажи, как жить? Пенсия 300 левов, дочка-разведенка с ребенком приезжает каждое воскресенье из города, а денег заработать негде.

— Но теперь Европейский Союз, может, подкинет?

— Что подкинет, когда цены вырастут бешено? Плавали — знаем. Одно большое яблочко в Амстердаме по три доллара штука. Да убери свою камеру наконец, заходи…

Из пятилитрового бидона мы пили домашнюю «ракийку», от которой не болит голова и разговаривали за жизнь. Это я, выросший в России, ничего не знаю о своих погибших в ту войну дедах. А младшим детям на фотографиях показываю рано ушедших — их бабушек и дедушек.

Здесь, в Болгарии, при всем при том, староверы рассказывали мне о прадедах.

И пели «Варяг», который «врагу не сдается.» Как и человек, где бы он ни жил.

Пока у него есть и Родина, и вера, и любовь.

Интересно, а как по-болгарски «Да пошли „они“ все…»

Петра (Иордания)

Сегодня уже никто точно не знает была ли это столица царства набатеев или их гигантский некрополь, нависший над тайной долиной в никуда. Сами набатеи называли этот город Селла. На иврите «скала».

Набатеи были близки по языку к евреям, прошедшим здесь на пути к уже совсем близкой Земле обетованной. Тоже кочевники. В этих краях, рядом, похоронен брат Моисея — Аарон, давший начало колену священников- коэнов. А Петрой город назвали потом. И к нему ведет почти километровая дорога, словно вырубленная нечеловеческим трудом, разумеется рабским, в высоких и извилистых скалах. Свободный такую работу не сделает. Свободный будет использовать ее, чтобы захватить рабов, и не работать.

На самом деле, проход к этой удивительной котловине, окруженной неприступными скалами — тектонический разлом. И находящийся за ним город, прорубленный на отвесах гор, так никто взять и не мог: ни кочевники, ни войска царя Ирода, ни даже римляне — вплоть до 106-го года нашей эры, когда легионеры одного из последних великих императоров, Трояна, все-таки захватили его. Но, видимо, до римлян никто сюда особо и не стремился.

Потому что Петра изначально была этаким закрытым от всего мира гигантским городом мертвых и им оставалась очень долго. Потом люди поселились и в котловине — им не надо было думать о крепостных стенах. На террасах скал покоились тысячи мертвых, а внизу возникли и дома, и храмы. Построенное почти исчезло, зато то, что было пробито к горах — осталось и поныне.

Остались здесь и бедуины. Один из них, живущий с семьей в пещере, чуть в стороне, даже пригласил к себе «домой». Туда-обратно, ему заработок. А гостю — необычно. Еще бы. Циновки, ковер, женщина, верблюды, очаг, дверей нет — этакая келья в скале. Живут же люди…

Римляне, захватившие когда-то этот город, положили у его входа почти весь свой двадцать первый легион. Взяв Петру, они, однако, вскоре остались один на один с мертвыми. Но назвали всю эту провинцию красивым словом Арабия и приладили ее, как транзит для торговли. Римляне вписали уже существующие колонны и площадку для принесения жертв богам под будущий амфитеатр, построили храмы и новые дома. Набатеи поначалу

стали работать на хозяина, но потом сообразили, что, хотя он и кормит, но забирает почти все заработанное себе.

И постепенно часть их них, самых пассионарных, опять ушли в пустыню и стали бедуинами. А те, кто остались, когда пришли византийцы, крестились, как все тогда в этих краях, и растворились в конце четвертого века среди грекоязычного пришлого населения. В период расцвета здесь, в Петре, среди пустыни, жили три- пять тысяч человек. А всего набатеев, как полагают, было не более десяти тысяч.

Но до прихода римлян они были очень богаты, поскольку держали в своих руках торговлю, идущую через здешнюю пустыню. И в этом своем, тайном от посторонних, закрытом городе, они хранили несметные сокровища, которые так и не были найдены. Здесь, в пустыне, набатеи даже выращивали пшеницу. Денег у них было, как полагают, намеренно. Но, как всегда, это их и погубило. Пока они были бедуинами, то никого не интересовали. Когда же заработали деньги — на них внимательно посмотрели сильные соседи.

Историки говорят, что сами набатеи были одним из крупных бедуинских племен. Они оказались успешными посредниками на пути торговли пряностями и благовониями. Разбогатев, эти бедуины стали отчасти оседлыми. Надо же было строить города, чтобы содержать там свои разросшиеся семьи и главное — хранить имущество. Куцые, как окружающий мир, останки этих городов находятся и поныне в отдаленных местах пустыни Негев на территории Израиля.

Но, здесь, в Иордании, Петра была поначалу элитным некрополем бедуинов- набатеев целого региона — для старейшин кланов и знати. Слишком далекий от глаз, слишком укрытый от посторонних и легко охраняемый от чужаков.

Сегодня чужаки со всего мира привозят сюда деньги и удивляются величию чьих-то предков. Громадного — как Петра. Бренного — как Петра.

И вселенского — как мир человека, считающего Петру таким же своим чудом, как и те проявления жизни, что где-то рядом с его домом. На Земле…

Нужен ли человеку начальник и что делать, если ничего поделать нельзя…

Начальство — это объективная реальность, существующая независимо от нашего желания и данная нам в ощущении ежедневной необходимости его терпеть.

Это терпение регулярно вознаграждается денежным пособием, именуемым заработной платой.

Размер ее не зависит от унижений подчиненного, а учитывает только их протяженность. Естественно, подчиненные, промаявшись на одном месте большее время, получают больше и меньше высовываются с инициативами. Им уже есть что терять. А многолетний опыт выживания на службе учит, что успех в любом случае перепадает начальству, когда как неудача всегда навешивается на подчиненного.

Начальство повсюду в мире одинаково в своей тупости и самодовольстве. Только затылки разные.

Подчиненный нередко считает, что где-то начальники умнее, чем те, которые ему попадаются. В частном бизнесе такое случается. Как говорят, в семье не без урода. На государственной службе это исключено.

Если вы не считаете, что ваш начальник — мудак, значит вы сам — мудило. И это почти неисправимо.

Большинство начальников повсеместно глупы и мало кто из подчиненных этого не знает. Другое дело, что не все решаются говорить об этом открыто. Слово не воробей, поймают — вылетишь.

И неизвестно, на какого дурака потом нарвешься, вновь устраиваясь на работу. Уж лучше терпеть кого знаешь…

Начальникам также известно о своей глупости, но в отличие от подчиненных, они ее всячески доказывают. Это единственное, что им удается. Поскольку не каждый дурак на такое решается, то понятно, почему руководящая работа хорошо оплачивается.

Не удивительно и то, что большинство подчиненных хотят стать начальниками. Так и должно быть. Потому что в жизни дураков больше, чем начальников, как бы они не размножались.

Итак, что же такое начальник?

Начальник — это существо, которое ничего не умеет делать и поэтому ему нужны подчиненные. Эти субъекты выполняют всю

порученную начальнику работу, оправдывают его существование и способствуют его продвижению по служебной лестнице.

Начальники делятся на плохих и очень плохих. Хороший начальник все умеет делать сам, и поэтому ему нужны не подчиненные, а помощники. Или подельники.

Задача начальника состоит в том, чтобы заставлять работать других, контролировать их, хвалить и ругать. Последнее — самое ценное.

В таких случаях главное понимать — если начальник ругается, значит он хочет испортить вам настроение и поднять свое. Не поддавайтесь. Всегда помните: начальников много, а вы — одни.

Если вы чувствительны и склонны к медитации, то при неприятной для вас беседе, глядя начальнику в лицо, повторяйте про себя что-либо вроде «Ну и дурак же ты…» Только не переиграйте и не спорьте. Любое оправдание будет расценено как обвинение его в некомпетентности и тупости. А начальники этого не любят.

Они вообще не любят, когда про них говорят правду. Лучше, придав лицу озабоченное выражение, думайте о чем-нибудь приятном. Главное в конце пообещать приложить все усилия и поблагодарить за критику.

Дайте ему понять, что он не зря перед вами выпендривался.

Знайте себе цену, если она конечно есть. Но молча. Иначе начальник вам этого не простит. При этом все же помните, что вы всегда проживете без него, а вот начальник без подчиненного — никто. И как никто это понимает.

Если вам не повезло, и вы нарвались на абсолютного нелюдя, не тратьте силы на борьбу и стрессы. Ваша жизнь слишком коротка, чтобы ею кто-то манипулировал.

Это не начальник вас держит на вашем месте, а вы за него работаете. Начальник точно также выбирает вас, как и вы — его, устраиваясь на работу. Таким образом, каждый имеет то начальство, которое заслуживает.

Если на работе вы вынуждены думать не о деле, а о своих взаимоотношениях с начальством, пришла пора интенсивно искать новое место.

Хватит с вас собственной ограниченности, чтобы повседневно еще терпеть и чужую.

В свое время будущий канцлер Германии Бисмарк начинал свою карьеру мелким прусским государственном чиновником. Его карьера оказалась короткой и неудачной. Бисмарк быстро

заскучал, влез в долги, да еще влюбился. Его с треском выгнали. Через пять лет он снова попытался начать карьеру служащего, но Бисмарк не продержался и месяца. «Я никогда не смогу поладить с начальством,» — сказал тогда неудавшийся чиновник. Вот и пришлось ему стать великим «железным канцлером.» Такие примеры слабо утешают, но греют.

В любом случае, если ваш начальник оказался не просто мудаком, но еще и агрессивным, собирайте вещички.

При плохой работе начальника все равно переведут на другое руководящее место, где ему еще предстоит все развалить, если подчиненные будут неукоснительно следовать его приказам.

В отличие от тоталитарных или режимных стран, так называемой управляемой демократии, поиски новой руководящей работы на Западе нередко бывают длительными, и многие начальники как бы зависают без дела. Поэтому, кстати, экономическая система здесь эффективнее.

Социализм — это система, которую бездарные начальники придумали для себя. При социализме настоящий начальник без работы не останется. Зато на Западе начальство выполняет социальную важную функцию — чем его больше, тем ниже уровень безработицы. Это происходит потому, что каждый начальник, не будь дураком, и старается обезопасить себя, и доказать свою важность. Сделать это он может, размножая подчиненных, отделы и подотделы. Так он обеспечивает новые рабочие места тем, кто сам этого сделать не может или ни к чему, кроме профессии подчиненного, не способен.

Чем бездарнее начальник, тем больше профессиональных подчиненных ему надо. Их основная работа состоит в том, чтобы угадывать желания начальника и подгонять под него результаты деятельности остальных.

Чтобы обезопасить себя с тыла, начальник продвигает таких на руководящие посты среднего звена и таким образом контролирует всех. И вся. За исключением самой работы. Но кого интересует работа, кроме тех, кто ее непосредственно выполняет?

Самый опасный вид начальника — профессиональный карьерист. Если начальник некомпетентен, но при этом еще и сует свой нос повсюду, стремится контролировать и вникать в каждую мелочь, то и это еще терпимо. Он просто мешает работать. Но при всей своей начальственной глупости у него хватает ума, недолюбливая специалистов, держаться за них.

Если же начальник занят своими личными или

общественными делами и почти не мешает работе, то с ним можно прожить до его пенсии. И даже успеть кое-что сделать.

Но, если начальник — профессиональный карьерист, то он для человека просто опасен. Все производство подчиняется только ему известной конъюнктуре и не поддается ни логике, ни интересам работы. Он блефует и заставляет в это верить других, поедая всю их жизнь.

Против него, как против лома, приема нет. Лучше сразу искать рабочее место, а точнее — нового начальника. Пусть ему выстраивают карьеру те, кто боится рассчитывать на собственные силы или другие, кому, кроме работы, нечего терять. По причине отсутствия всего остального. С ними он все равно ничего путного себе не построит.

Особенно опасны для человека карьеристы, которым свыше сорока лет. Это значит, они проиграли свою предыдущую жизнь и теперь стараются наверстать упущенное. После сорока грешить опасно — не останется времени каяться. Карьерист об этом не думает. Он рвет свои подошвы и мелет судьбы подчиненных как соковыжималка. Покиньте его без сожаления.

Нет ничего приятнее в жизни подчиненного, чем самому подавать заявление об уходе. Это единственный почти открытый способ послать его туда, куда начальника никто, кроме вас, послать не отважится.

Поэтому большинство начальников рассматривают ваше заявление об уходе как личную неудачу. Этим недоумкам, которые, похоже, даже спят в галстуках, кажется, что именно они решают за вас все и могут шантажировать увольнением или выговором. На самом же деле, любой нормальный подчиненный про себя знает, куда начальник может засунуть свой выговор.

А вот заявление об увольнении по собственному желанию вы имеете честь засунуть ему сами. Разве это не повод для радости?

Не стесняйтесь доставлять ее себе, поскольку на новом месте другой начальник все равно с вами посчитается за предыдущего.

И в заключении, всегда помните, что начальнику не нужно иметь голову. У него уже есть задница. И этого ему достаточно.

Но единственный способ понять, кто вы есть на самом деле, если вы действительно есть — это стать начальником самому себе. Для этого надо только одно — То, что посоветовал инструктор израильской армии новобранцам.

«Что самое главное в танке?» — спросил он призывников. «Толщина брони,» — сказал один. «Мотор и скорость,» — предположил другой. «Скорострельность пушки», — добавил

третий.

«Нет, — ответил инструктор. — Самое главное в танке — не бздеть…»

Вот так и в жизни…

Страна омовения (Корея)

На открытый рынок Сеула я набрел случайно, по дороге к бывшему королевскому дворцу. Увидел — и зашел. Вокруг была толчея, но упорядоченная и не криминальная. Такие вещи чувствуешь сразу. Людей, понятно, много — место такое. Как везде в мире. Я встал в уголке, у какого-то прилавка, чтобы оглядеться, выкурил сигарету и вдруг не увидел нигде ни мусорного ящика, ни тумбы. Постоял с окурком в руке и тихонечко бросил его под ноги. И этот момент увидел осуждающий взгляд какого-то корейца справа, а слева — услышал реплику. — Чего они? — подумал — Белых не любят, что ли? Неорганизованных европейских туристов ни до, ни, как оказалось, после я здесь почти не встречал. Но еще через пару часов разобрался. И стало стыдно. В Корее курят много. Но на улице, даже в небольших городках или на транзитных автостанциях только в специальных местах. Они выглядят как остановки, нередко укрытые от дождя. Несколько тумб для окурков и мусора. И их достаточно много. И на рынке — тоже. Выходит, это я повел себя как дикарь. Больше глупых ошибок с моей стороны здесь не было. А от Кореи — только свет и искренняя доброжелательность ее жителей. Деликатных и работящих — как нигде.

Их редко встретишь в туристических автобусах Европы и мира. Они работают и вкалывают. В год кореец работает дольше всех — 2447 часов. Больше, чем американец и, тем более, европеец. Они здесь все чем-то заняты. Нация такая. А отпуска фантастически маленькие. Люди здесь уважают и держаться за любую работу, независимо от заработка. Предпочтительно на большие корпорации или государство. Средний заработок — около полутора тысяч долларов. Понятно, уже из этого, что страна не дешевая. Перенаселенность создает и сильную конкуренцию на рынке труда. Но отсиживаться дома — здесь не принято. Это даже не вопрос денег — «так» не живут. Почти треть молодежи учиться в высших учебных заведениях.

Но на новой, первой работе, здесь, как в российской армии — «дедовщина». Новичок беспрекословно бегает за сигаретами, приносит, что скажут, и даже делает чужую работу в свое сверхурочное время. И, если он себя покажет сдержанным и способным подчиняться, его приглашают на совместные походы в пивной бар после работы. Это обязательная и почти ежедневная традиция, отлынивать от которой нельзя. Этакое корпоративное

братство. Иначе можно потерять работу, поскольку оторвешься от коллектива. Единственный выход и «отмазка» — женитьба.

Значительная часть кореянок и сегодня, выйдя замуж, оставляют работу и занимаются домом. Меньше, чем это было еще десять лет назад. Но традиция существует. Деньги в дом, как принято, в основном, приносит мужчина. А иначе — кто он?

В первый год об отпуске на работе говорить считается неприличным. Как и просить о повышении зарплаты. После первого года и только по инициативе начальства новичку могут дать три- четыре дня оплачиваемого отпуска. Со временем, количество таких оплачиваемых перерывов вырастает до двух и даже до трех. В год. По несколько дней. Короче, в Корее все время работают. Но не жалуются, а радуются этому.

Понятие «любимая работа» или «для души» не очень приемлемо. Зато и сегодня в стране сильны профсоюзы — единственный реальный защитник трудящихся от наглости хозяина. В Сеуле, похоже, рабочие протестуют часто. И нередко — ожесточенно. Демонстрация — лучший способ сбросить накопившееся напряжение. И показать, что ты — не один. А «мы» — не быдло.

У вокзала столицы, прямо на площадке перед входом в здание, но не мешая, проходила демонстрация младших медицинских работников. Молодежь протестовала против увольнений и требовала повышения зарплаты. Сначала пару сотен юношей и девушек в одинаковых красных повязках сидели и скандировали лозунги, выкидывая вверх сжатую в кулак руку. Между лозунгами перед ними выступали артисты, которые танцевали и пели ритмичные революционные песни. Сама стилистика акции протеста поначалу похожа на мини- концерт, но политически направленный.

В стороне, не вмешиваясь, стояла экипированная щитами и дубинками полиция. На случай спонтанных беспорядков. Но самих демонстрантов окружали крепкие ребята из своей собственной охраны, которые следили и за участниками, и за возможными провокациями. Через час речевок и песен, уже не менее тысячи довольно решительных молодых людей, которые непонятно откуда взялись, с плакатами и надписями на груди, выстроились в колонну. На другой стороне площади так же, но «стенкой», стояли представители власти, с дубинками, в черном и голубом.

Демонстранты, в сопровождении полиции с двух сторон, организованно пошли прямо через проезжую часть по улице куда-то к месту главного протеста. Цепь полицейских охраняла их со

стороны проезжей части. Друг на друга они не смотрели, словно и не видели.

Но позже, на другой день, в центре Сеула я нарвался на более жесткие столкновения. Правда немедленно доброжелательный улыбчивый дядька, подсевший ко мне на парапет подземного перехода неподалеку, увидев видеокамеру, предложил сигарету и посоветовал не дожидаться продолжения. Мол туристу это не очень интересно. И я намек понял…

Вообще, здесь явно существует две Кореи. Одна — человеческая и теплая. Другая — Корея «янбанов». Как когда-то здесь называли местных дворян. Они, как и положено по чину, нарочито неторопливы. Это и сегодня свидетельствует о достигнутом положении. Зато просто кореец отличается естественным чувством собственного достоинства и воспитанностью.

Еще бы, и сегодня в школе здесь существует палочная система и подчиняться учат с раннего детства. С восьми — десяти лет детей и в школе, и дома, если надо, лупят. За проступок одного могут наказать весь класс. Я вспомнил, как делал в Израиле сюжеты о судебных проблемах взрослых за шлепок избалованному чужому ребенку. Как пытались лишить родительских прав семью, когда мальчик, получивший где-то синяк, растерялся и согласился с учителем на вопрос — не дома ли? Как обескураженный знакомый пожаловался на сына-подростка, который стал вместо учебы торчать на улице и бегать на дискотеки до утра. «Если будешь мешать мне жить, — сказал отпрыск, — я скажу в школе, что ты меня бьешь. И сядешь…»

В Корее все просто. Ребенка расценивают не как личность, а как болванку, из которой надо выточить часть коллектива и общества. Не научившийся подчиняться, не выживет. Индивидуализм здесь не проходит. Правда кучкуются не стаями, как в некоторых других странах, а в соорганизованных коллективах. И младший уважает и подчиняется старшему. Даже не по должности — а по возрасту. Непослушный еще в школе может получить за дерзость со взрослыми палкой. И эта наука остается на всю жизнь.

Зато в Корее один из самых низких в мире уровней преступности. Здесь, и в это сегодня трудно поверить, почти нет наркоманов. А вечером вас вряд ли ограбят. По схеме корпоративного подчинения строятся и рабочие отношения. Абсолютное большинство школьников учиться не для родителей или отбывания времени, а для того, чтобы продолжить учебу или приобрести профессию. На системе «отец, начальник — сын,

подчиненный» строится вся социальная жизнь. Так было, и так есть.

Однако в семейных вопросах изменения происходят. Все больше замужних женщин начинают работать. Хотя, как и прежде, брак — это не столько любовь, сколько расчет. Девочку в корейской семье любят и лелеют. Ее воспитывают как принцессу, чтобы она потом смогла найти себе хорошего, работящего, а главное, зарабатывающего мужа.

Даже высшее образование, как мне рассказывали, девушка здесь стремится получить не для карьеры, как везде, а для нахождения мужа с соответствующим статусом. Муж должен быть обеспеченным или потенциально обеспеченным. А женщина — украшать его жизнь.

Как показывают данные корейских социологов, самоубийства мужчин, работающих в крупных корпорациях, при потере работы, связаны со стыдом и страхом объяснений с женой. Выходит, он не оправдал ее надежды и потерял лицо перед самым близким человеком. В обычной же семье все гораздо проще. Жена, не стесняясь, может сказать мужу все, что о нем думает — и ничего. Отряхнется и пойдет дальше.

В целом же, по европейским понятиям, корейцы довольно лицемерны. Прямота здесь — признак глупости. Что, на само деле, верно. Зато открытый конфликт осуждается как невоспитанность. Корейцы будут с вами соглашаться во всем — а зачем спорить, если вы так полагаете? Но, при этом, они будут делать как считают нужным или выгодным.

И еще, корейцы не смотрят прямо в глаза. Здесь это считается наглостью или вызовом. Но, с другой стороны, они не будут тратить время и силы на плетение именно личных интриг. Сохранять лицо и достоинство — характерные и, на мой взгляд, очень привлекательные черты этой нации.

Кстати, о нациях. Корея — одна из немногих стран мира, где нет национальных меньшинств. И получить паспорт этой страны очень трудно. Иностранцы здесь не имеют права владеть недвижимостью. Более того, кореец, получивший иное гражданство, должен в установленный период продать все свое собственность в стране.

И при этом, в Корее боле ста тысяч нелегальных рабочих, но на них закрывают глаза. Целесообразность иногда важнее буквы закона.

Что касается иностранцев, то в Корее их двести тысяч — с правом на жительство. То есть живущих в стране более трех месяцев. Не корейцу постоянно осесть здесь почти невозможно.

Из иностранцев, не считая работников представительств иных стран или корпораций, есть немного китайцев, филиппинцев и тайваньских соотечественников. Иностранец здесь — это, как правило, иностранный рабочий, вкалывающий по двенадцать часов в день там, где кореец уже работать не хочет.

Эта страна разнообразно-единая, где современный мегаполис уживается с древними храмами и тихими уголками старины. А сами жители «Кореей» как на Севере, так и на Юге, ее не называют. Республика Корея для них — Хангу, страна Хан. Так звали племена полуострова на побережье проливов в древние времена. «Корея» же произошла от звучания княжества Когуре и сокращенного названия династии Корё. А Северная Корея, которая Народно-Демократическая, и сегодня зовет себя Чосон — тоже по имени тамошнего древнекорейского государства. Они и поныне живут, так сложилось, в ситуации войны.

Любопытно, но названия корейских городов на самом деле не исконные, а китайские. А все потому, что веками корейцы пользовались китайскими иероглифами и письменностью. Язык и звучание — свое, а написание — китайское.

Своя письменность, однако, была создана давно — еще в пятнадцатом веке, но в корейскую жизнь реально вошла всего сто лет назад. Причем, ее называли «женской». И все-таки, влияние великого соседа настолько велико, что в корейской письменности китайских заимствований было до восьмидесяти процентов. И только в середине прошлого века, после обретения независимости, простой кореец смог научиться читать на родном языке. Корейский алфавит — это не десятки тысяч китайских иероглифов.

Название столицы республики Корея, Сеул, одно из немногих родных названий. И переводится немудрено и просто — «столица». Кстати «Пхеньян», главный город Северной Кореи, означает «плодородная равнина». Эта горная земля и вправду всегда была плодородной и манила захватчиков — то китайцев, то японцев. Весь героический эпос корейцев связан с борьбой за независимость. В основном — от японцев.

Но, как и у воинственных соседей, корейцы берегут понятие о чести и уважают старших. При встрече меня здесь несколько раз ставили в тупик, спрашивая имя и… сколько мне лет. Возраст определяет степень уважения. Чем старше человек, тем больше он видел и знает, и тем более — уважаем. Пришедшая уже из Китая, из конфуцианства, сыновья почтительность осталась и поныне. Долг человека перед своими родителями был даже важнее, чем долг перед государством.

В свое время корейские законы позволяли, кроме жены, иметь наложницу. Причем их количество не ограничивалось — сколько прокормишь. Но полноправной хозяйкой считалась только жена, а продолжение рода шло единственно по мужской линии. В корейском языке нет даже слова «брат» или «сестра» — есть только старший брат или сестра. И они же — младшие. Главным считалось рождение сыновей, потому что именно мужчины проводили жертвоприношения предкам и продолжали род. Девочки рассматривались как «отходы производства». Местные сексуальные древние трактаты связаны с советами как зачать мальчика. О женщинах речи не было.

Но зато корейцы охотно изучают свою историю и с гордостью говорят о культурных памятниках и природных заповедниках. В Сеуле это, прежде всего, царский дворец, а на самом юге, недалеко от Пусана, древняя столица, от которой остались десятки курганов — захоронений царей и князей. Без излишеств. Там же находится и самая древняя в мире сохранившаяся обсерватория. В сущности, это довольно невысокая каменная башня.

В Корее, при этом, реальных исторических памятников относительно мало. А все потому, что дворцы и храмы делались из дерева. Многочисленные захватчики и войны оставляли от них лишь головешки. Каменную основу можно было восстановить, а деревянные строили заново. Поэтому и осталось их в стране всего несколько, да и то — в Сеуле.

На территории дворца обязательно разбит большой парк — место отдыха и развлечений. Причем, традиционных. Как канатоходцы или трюки девочек на качелях. Все это тоже — дань традиции. В старой Корее девушки жили в домах за высоким забором и не могли одни, без братьев или родителей, выходить из дома. Тогда здесь и придумали качели — чтобы выглядывать, подпрыгивая, за стены. Все веселей…

Но и сегодня есть свои причуды. В Корее бюстгальтер на женщине обязателен. Но вплоть до двадцатого века кореянки носили очень короткие кофточки, оставляющие грудь открытой. И, несмотря на такие народные традиции, вы не увидите кореянок, даже молоденьких, в коротких юбочках или с голым животом. С мини-юбками, в разгар этой моды семидесятых годов, боролись радикально и в государственном масштабе. Был принят специальный закон о правонарушениях. Та, кто носила юбку на 20 сантиметров выше колен, должна был заплатить штраф размеров в среднюю месячную зарплату. Сегодня порядки гораздо

либеральнее, но кореянки, в массе своей, предпочитают брюки или джинсы.

Что касается застолий, то корейцы отдыхают в многочисленных чайных домиках, которые называются «табан». Это тоже одно из примечательных мест общения и отдыха в этой стране. Правда пью там не чай, а скорее — кофе. И первый национальный «табан» появился в Корее относительно недавно — при гостинице первого российского посланника в Сеуле. Там же русские познакомили корейцев и с кофе. Но его варить не принято — пьют растворимый.

За столом едят с аппетитом и нередко с причмокиванием. Причмокивание — часть местного этикета, чтобы показать хозяину, как вкусно все приготовлено. За едой говорить не принято. Вековой прежний голод приучил есть все разу и быстро. На вопрос: «Как провел выходные?» — кореец обыкновенно ответит: «Ел». Или «Мы посидели с друзьями и ели то-то и то-то». Мясо дорогое. Сало вызывает брезгливость. Как и сыры.

А знаменитая «корейская морковка» на самом деле здесь неизвестна. Её придумали корейцы, живущие в Казахстане. Национальное блюдо здесь — кислая, слегка протухшая капуста — кимчхи. Прежде она считалась главной крестьянской едой. Как и рис. Но, на самом деле, издревле его не знали ни в Корее, ни даже в Китае. Рис привнесли сюда только в первом веке. И он завоевал страну. А все потому, что гектар риса дает больше калорий, чем гектар пшеницы. При недостатке земли, это весьма важный аргумент. Так, из живота, произрастают национальные традиции.

Всего полвека назад, до шестидесятых годов, корейцы не ели хлеба вообще. Но, как не было, так и нет здесь ни сметаны, ни творога. О кефире и говорить нечего. Удивительно, но в Корее отсутствует и культ чая. Зато травяных настоек, особенно с женьшенем, хоть залейся. Кроме специализированных магазинов, здесь трудно найти колбасу или ветчину. И, тем более, икру.

Для импотентов в Корее готовили суп из собачьего мяса и рассказы о том, что здесь едят собак не выдумки. Правда, сегодня это делают стыдливо. Собачий суп идет как лечебно-тонизирующее блюдо, редкое и дорогое. Охотно к столу подается сырая рыба и жаренный шелкопряд.

Здесь принято делиться едой и в одиночку корейцы не едят. Как и не живут в одиночку. Не хорошо это. Зато за столом они широко открывают рот и не пользуются, вытирая его, платком — только салфетками.

В Корее любят жениться широко и с размахом. После чего

нередко расплачиваются за праздник своих детей годами. Зато на похороны, как и на свадьбу, обязательно приносят деньги. Корейцы хоронят близких в одиночных и парных могилах. И там — где рекомендовал гадатель. А над могилой устанавливают просто невысокий холмик. Иногда склоны гор просто усеяны такими холмами.

Веками белый цвет был здесь цветом траура, но сегодня хоронят, по-европейски, в черном. Зато траур по ушедшим родителям официально составляет сто дней, иногда сорок девять. А не полгода — как раньше. Но постоянное ношение в этот срок траурной одежды запрещено законом. Как и хождение по улице без удостоверения личности.

Но это все преходяще, по сравнению с самой большой обидой, которую можно нанести корейцу, назвав его неудачником. И дело даже не в самом человеке. Просто в Корее полагают, что неудача в жизни — это расплата за грехи предков. Что само по себе — позорно. Поэтому они, корейцы, такие трудолюбивые и воспитанные, сильные и целеустремленные люди. Желательно — в этой жизни. Чтобы их потомки не страдали от неудач, а гордились — и собой, и предками.

Хорошо, что в этом мире есть такая страна. А у меня — пока еще деньги в кармане, самолет, рюкзак и видеокамера…

Пути господни

Большинство палестинцев Иордании — уже потомки беженцев и со времен войны 1948, и после шестидневной войны 1967-го. Тогда Иордания потеряла контроль над тем, что называется Палестина и над Восточным Иерусалимом. В стране и сегодня 10 громадных палестинских лагерей, точнее — городских пригородов. Беженцам, уже в втором-третьем поколении, серьезно помогает ООН, а некоторые лагеря содержит королевская семья.

До конца 1970-го года Иордания активно поддерживала палестинское движение сопротивления.

Но тогда, в сентябре, они попытались взять власть. Завязались бои. Король, не церемонясь, вывел гвардию и направил танки на лагеря беженцев. Политическое крыло Сопротивления и боевики перебрались в Ливан, а оставшиеся палестинцы продолжили уже обычную жизнь.

Именно после этих событий появилась и получила свое название радикальная группировка «Черный сентябрь», ответственная за гибель израильской сборной на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году. Как полагают, по личному указанию премьер- министра Израиля Голды Меир тогда же немедленно было создано спецподразделение по уничтожению «Черного сентября» и началась разработка операции «Возмездие». Буквально через месяц был уничтожен уже первый из полутора десятков участников и организаторов мюнхенской трагедии. В 1981 году Моссад коротко отчитался перед руководством страны — «Мы отомстили за Мюнхен».

Об участии в одной из таких операций, уже в Ливане, мне рассказывал бывший премьер-министр, а ныне министр обороны Израиля Эхуд Барак в своем доме, в Израиле:

— Операция фактически началась для меня с… недоразумения с женой. Я укладывал женские вещи дома и в этот момент она вошла в комнату. Глянула на разбросанные на кровати губную помаду и что-то из косметики. Глянула, но ничего не сказала.

— Представляю, что она сначала подумала, — смеялся Барак. Но тогда ему было, наверняка, не до смеха. Жена о предстоящей операции в Бейруте не знала ничего. Будучи офицером спецподразделения коммандос «саерет маткаль» в составе группы, Барак участвовал в ликвидации лидеров боевиков. Они высадились с моря. Будущий премьер, в частности, был переодет в женщину, в парике и в туфлях. Гранаты и оружие было спрятано под юбкой и в бюстгальтере. Коммандос тогда вошли в город,

максимально приблизились к объектам ликвидации и в ходе короткого боя выполнили задачу. После чего вернулись морем — обратно в Израиль.

Но многие иорданские палестинцы, оставшиеся в стране, с тех пор вполне обжились и даже не рассчитывают на возвращение.

— Наш дом был в Тулькарме, это сегодня уже Палестинская автономия, — поделился один из них. — Но после войны 1967 года мы там не были. Не могли, а теперь и не хотим. Хотя многие бывают на родных местах — навещают их и родственников. И даже хранят ключ от домов, которых уже порой и нет.

Ставшие местными палестинцы и бедуины считают себя уже иорданцами. Эта арабская страна терпима и к пришедшим жить здесь, и к гостям. В отличие от бедуинов, большинство палестинцев имеют торговую жилку и успешно занимаются бизнесом — от мелкого до серьезных международных корпораций. Но палестинцев аккуратно не берут на работу в силовые структуры и даже в полицию. Их принимают как сограждан, партнеров, но с ними не смешиваются. На эту тему здесь предпочитают не говорить. Иордания проводит идеологию единой нации, где все народы, живущие здесь, равноправны и все они — подданные короля. Палестинцы, в большинстве, имеют уже гражданство королевства и право голосовать на выборах. Но любой закон в Иордании вступает в силу только после одобрения короля — а его авторитет здесь непререкаем, как дыхание пустыни на красных камнях чужой вечности…

Черные

Черный седой немолодой мужчина в свободной, навыпуск, цветной рубахе, играющий блюз на саксофоне, выглядел на фоне каменистой пустыни как что-то нереальное. Нереальным было и все остальное. Небольшой городок Димона, расположенный в раскаленном сердце Негева, известен, кому надо, только тем, что неподалеку расположен израильский атомный реактор.

Но именно здесь, незаметно и тихо, живет община чернокожих евреев.

Их немало. Около трех тысяч.

В середине шестидесятых годов уже прошлого века в США непоседливому рабочему сталелитейного завода Бен Картеру, чернокожему американцу, с бодуна всей этой жизни приснился сон. Явившийся архангел Гавриил поведал, что немало его братьев в озабоченной сегрегацией Америке того времени, на самом деле, потомки одного из десяти потерянных колен Израиля.

Просто они об этом не знают. Вернее, забыли за долгие годы рабства и унижений.

Но новое счастье свое могут снова найти на Земле обетованной. В смысле, свое еврейское счастье. Мало того, что чернокожие, но они вдобавок почувствовали себя и иудеями. Просто две с половиной тысяч лет назад, после разгрома Иудейского царства, их колено перебралось в Африку и, потерявшись там снова, уже рабами отчасти было вывезено в США.

Бен Картер с несколькими десятками единомышленников, сделавшими обрезание и изучающими Тору, сначала перебрался в Либерию — страну в Западной Африке, которую в середине 19 века создали вернувшиеся из той же Америки бывшие рабы. Они просто купили местных царьков и землю, если мне не изменяет память, чуть ли не за сорок долларов и вознамерились построить справедливое и цивилизованное общество свободных людей. Не получилось. Ни тогда, ни сегодня. А пятьдесят лет назад бен Картер и его собратья тоже сначала вернулись сюда, к корням, и прожили в Либерии два года — как переходный период духовного очищения.

Посмотрев на родину до рабовладельческих времен их потянуло на родину историческую. В Израиль. После нищей, полуголодной и милитаризированной Либерии текущим молоком и медом покажется любое место на ином континенте.

«Черные евреи» свалились в Израиль за новой жизнью по туристической визе — вот, мол, мы. Их впустили, а они захотели остаться насовсем. Теперь их братьями были евреи. Но те уперлись.

Может быть, если бы американцы из африканской Либерии приехали с деньгами и с целью построить свое поселение или город, то им было бы легче договориться. Инвестиции, все-таки, лучшее проявление патриотизма. Криком Родину везде любят те, у кого ничего нет, но есть, что у нее взять. И желательно себе. Чтоб не делиться.

Но последователи Бен Картера были бедны и даже не очень грамотны. Депортировать их израильтяне не решились, тем более, что чернокожих иудеев уже собралось в стране несколько тысяч. Мало того, что проблем с палестинцами хватало «выше крыши», а тут еще — дискриминация объявившихся черных собратьев. Община зависла между потенциальной высылкой и непризнанием. Всеобщее братство, как это обычно и бывает в таких случаях, резко пошло на убыль. Между тем, борьба за свои права идейно сблизила прозелитов с арабами и вскоре «черные евреи» уже объявили всех остальных евреев ненастоящими и не имеющими права на обетованную землю. Кончилось тем, что в 1984 году власти-таки депортировали значительную часть своих черных единоверцев обратно в Америку, куда они ехать опять, впрочем, не хотели.

Общину поселили в глуши пустыни Негев и здесь, в Димоне, они благополучно сели на пожертвования американских евреев, а затем еще и на государственные пособия по бедности. Только в начале девяностых годов «черные евреи» получили наконец право на временное проживание, а в начале нового тысячелетия — двум тысячам из них дали «постоянку».

За полвека в их среде и вправду успели родиться и вырасти, по сути, израильтяне. Для которых иврит — родной язык, а Америка где-то там, далеко, в рассказах дедов и бабушек.

Их квартал сохранился закрытым для остального мира. Во избежание кривотолков и неприятностей. Они остались со своими старейшинами, жесткой структурой подчинения, многоженством и религиозными службами. Без разрешения никто не может уезжать из общины, так же как жениться или развестись. У них своя вегетарианская кухня, где нет мяса и молока. В их квартал просто так не войти. Да и чужака видно сразу. Но они улыбчивы, доброжелательны, хотя и не гостеприимны. За гостеприимство надо платить.

Саксофонист, с которым я познакомился, известный

джазовый музыкант — редкое исключение. Он из старожилов — и в этом его привилегия. Пресс- секретарь «черных евреев» объяснила, что пока никто из них с журналистами не общается. Запрещено. Разговаривали они только с моими американскими коллегами, которые за съемки «внутри» выложили круглую сумму и, тем самым, приобрели право на общение. Жить-то надо…

Некогда святая идея национального братства давно выродилась в новое гетто и прагматизм выживания за счет американских пожертвований. Правда недавно группа «черных евреев» объявила о намерении построить свое поселение еще глубже в пустыне, почти на границе с Египтом и заняться там сельскохозяйственными работами. Молодежь, получившую гражданство, уже трудно удержать в замкнутом пространстве маленького мира квартала между городом и пустыней.

А Сэм, который саксофонист, время от времени присылает мне приглашения на свои выступления и зовет в гости. И даже к себе домой. Но только к себе. Не дальше. На большее бесплатно даже он пока не может получить разрешение.

Дорога на Танжир

Сбиться с главной дороги очень просто. Едешь, вроде, правильно. Но где-то, в темноте, зазевавшись, проскочишь дорожный знак. И вдруг видишь, что под колесами уже бежит разбитый асфальт, а справа и слева черные горы и кустарник. Но ты все равно идешь вперед и вперед.

По карте направление было верным и я должен был где-то выскочить на Танжир — легендарный марокканский город, ворота для европейцев и когда-то французских легионеров, уходивших отсюда на юг, на Маракеш, на Сахару.

Поскольку мой самолет в Европу улетал днем уже наступивших суток, я решил не искушать судьбу, ночуя где-то по дороге, а дотянуть до Танжира. Надо было еще сдать машину, взятую напрокат две недели назад. Мало ли какие проблемы возникнут, особенно, если знают, что рейс у тебя через несколько часов? Вот и вляпался.

Может и повернул бы назад, до того маленького, живого городка, где, собственно, и сбился с главной дороги на проселочную. Но позади, вдалеке, из — за гор замаячили фары. Дорога, вообще, расствorилась и перешла в узкую грунтовку, посыпанную мелким щебнем. Я не рискнул разворачиваться обратно, навстречу фарам, с которыми нам трудно будет разойтись. И прибавил скорость, насколько позволяла ночь, размытые ямы и горные закоулки.

Вдруг, прямо за каким-то поворотом, я почти влетел в трех военных, в зеленой или серой форме, стоявших у своего джипа с погашенными огнями прямо на дороге. У двоих в руках были винтовки. У третьего, старшего, фонарик.

— Документы…. Выходите из машины…. Паспорт… Откройте багажник…

Старший дышал за спиной прямо в ухо. Двое других с карабинами наизготовку — справа и слева. Сзади. Они попросили открыть рюкзак, посмотрели и расслабились.

— Ты что, сумашедший? — спросил старший, угощаясь сигаретой. — Здесь только бандиты и контрабандисты ездят. Да еще ночью. Паспорт у тебя странный…

— Это не паспорт. Это британский документ для поездок. Он выдается пока не получишь гражданство.

— Не понял, — насторожился старший — И парни в форме снова подняли свои винтовки — Так ты не британец?

— Нет. Но я живу в Англии.

— А какое у тебя гражданство?

Вы начнете объяснять марокканскому полицейскому, фуражка которого не выше уровня местных контрабандистов, на проселочной дороге, в глубинке приморских гор, далеко за полночь, что из Советского Союза можно было уехать, только лишившись гражданства? Тогда «они» лишали всех прав только уезжавших, а потом передумали — и лишили гражданства всю страну. Но это потом…

— Нет пока никакого гражданства. Надо пять- шесть лет прожить в той же Англии, чтобы его получить.

— Так не бывает, — степенно сказал полицейский и зашел с другого бока:

— Ты какому Богу молишься?

— Я атеист.

— Не понял, — снова напрягся марокканец таким тоном, что мне мало не показалось. — Ты в Христа веришь?

— Нет.

— Мусульманин?

— Нет.

— Иудаизм? Синагога?

— Грамотный, сука, — подумал я. — Нет. Что вы от меня хотите?

— Какой твой Бог? Человек должен быть при Боге и при государстве.

— Я живу в Англии. До Англии — в США. До США — в Советском Союзе. А в Бога я не верю.

На минуту в ночной цикадной тишине зависла пауза. Старший думал и смотрел на меня, по-рыбьи открывая рот. Потом резко позвал солдат и прямо им в лицо стал что-то гортанно и громко говорить. Солдаты замерли, поглядывая на меня, прижатому к багажнику.

И вдруг все стали смеяться. Они толкали друг друга, лихо закинув винтовки на плечо, и показывали пальцами. Им было очень весело.

Я только тогда заметил, что мы стоим недалеко от обрыва, за которым пролегла позолоченнная лунная дорожка, ведущая куда-то в море. Далеко и вверх.

— Повтори еще раз, чудо- юдо, — сказал старший — Ты не христианин, ни мусульманин, ни иудей. То есть, ты не ходишь ни в какой храм?

— Нет. Храм — в душе, — я показал на сердце — Этого достаточно.

Похоже, они давно так не веселились.

— Езжай, иншаллах… Старший вытирал слезы, откашливаясь от смеха — Считай, что тебе повезло. Марокко — хорошая страна?

— Лучшая в мире, — теперь уже веселился я.

Мне показалось, что они отпустили меня с сожалением.

А машина, долго висящая «на хвосте» в ночи, так и не появилась.

Может, и вправду, Бог есть? Но уж точно — не на Земле…

notes

Примечания

1

Ошибка автора: имя датского карикатуриста — Херлуф Бидструп (*прим. верстальщика*).

2

Ошибка автора: прозвище «Палкин» дали имп. Николаю Первому (Николаю Павловичу) *(прим. верстальщика)*.